

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»

На правах рукописи

МАХМУТОВ
Руслан Рашидович

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКИХ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Специальность: 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук, профессор
Василенко Людмила Александровна

Москва – 2021

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ ЕВРАЗИЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	24
1.1. Интеграционные процессы как объект социологического анализа.....	24
1.2. Методологические подходы к исследованию социокультурных аспектов в евразийских интеграционных процессах	52
1.3. Разработка метода прикладного исследования социокультурных аспектов	83
Выводы к первой главе	95
Глава 2. ФАКТОРЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	99
2.1. Социокультурные факторы влияния на евразийские интеграционные процессы	99
2.2. Тенденции и проблемы социокультурного характера в евразийских интеграционных процессах с участием России.....	122
2.3. Перспективные направления евразийского социокультурного сотрудничества с участием России.....	140
Выводы ко второй главе	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	167
Приложение 1.	186
Приложение 2.	193

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена усложнением и ускорением социальных, политических, экономических и культурных изменений мирового социума, международных отношений, происходящих на новом этапе развития науки и технологий. Бурный рост населения Земли, образование десятков новых государств вследствие крушения колониальной системы, создания и распада некоторых многонациональных союзов и федераций (от ОВД и СЭВ до СССР, СФРЮ и ЧССР), глобальная демократизация сочетаются со стремительным развитием коммуникационной активности. Резко возросла не только международная торговля товарами и услугами, движение капитала, но и мобильность людей, обмен ими информацией посредством все более мощных и разнообразных электронных средств коммуникации. Эти современные средства связи и транспорта интенсифицируют глобализацию, способствуя процессам стандартизации многих сторон жизни мирового сообщества, универсализации экономической, социальной, политической, культурной, духовной сфер деятельности отдельных стран. Однако эти аспекты глобализации сопровождаются разнонаправленными процессами в области межгосударственных отношений, обнаруживая очевидные пределы всеобщего сотрудничества. И после завершения «холодной войны» фундаментальным содержанием современных международных отношений остается тотальная конкуренция между государствами. В этих условиях и в силу количественных различий (размера территорий, населения, природного, экономического, научного, военного потенциалов) и неравномерности развития объективно действует тенденция к объединению стран, сложению их сил для укрепления конкурентных позиций. Наиболее естественным и легче осуществимым предстает объединение по территориально-географическому признаку – с соседями, что и наблюдается в большинстве случаев. В тоже время, далеко не все географические соседи сближаются или сохраняют достигнутый уровень сотрудничества, происходят и центробежные события (наиболее показательны выход Великобритании из

ЕС и постепенное прекращение действия соглашений Украины с СНГ). Кроме того, наметилась тенденция формирования нового типа отношений взаимодействующих стран – их интеграции, включая наднациональные координационные и управленческие структуры. Достаточно активно в эти процессы включилась и Российская Федерация, участвующая в целом ряде межгосударственных объединений и союзов (СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС).

В последние десятилетия все более важным фактором в международных отношениях становятся информационные войны. Ядерный паритет, достигнутый во время «холодной войны», сдерживает новый глобальный вооруженный конфликт и все более выдвигает на первый план использование других средств конкурентной борьбы, а именно – социокультурных. В результате любой региональный интеграционный процесс сегодня испытывает целенаправленное или косвенное социокультурное влияние глобальных «игроков» (США, КНР, ЕС). В этом смысле характерен пример Украины, дезинтегрирующейся с Россией и СНГ, при всей географической, исторической и социально-экономической реальности еще недавно фактически единого государства.

Эта ситуация отражена в ныне действующей Концепции внешней политики Российской Федерации, где подчеркнуто, что теперь «Конкуренция не только охватывает человеческий, научный и технологический потенциалы, но и все больше приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров. В этих условиях попытки навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей чреваты ростом ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах и в конечном итоге могут привести к хаосу и неуправляемости в международных отношениях. Это выводит в разряд приоритетных задач предотвращение межцивилизационных разломов, формирование партнерства между культурами, религиями и цивилизациями...»¹. В то же время некоторые

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. 30 ноября 2016. [Электронный ресурс] URL:

социологические исследования обнаруживают скептицизм и неудовлетворенность респондентов качеством интеграции с участием России, отражающие ситуацию, когда объединения государств на постсоветском пространстве пока слабо способны конкурировать с другими, их участники в основном стремятся к каким-либо экономическим преференциям от России.

Поэтому, актуальной задачей является выявление объективных оснований для межгосударственной интеграции, возможностей целенаправленного создания таких оснований посредством соответствующих управленческих решений, и уточнение места и роли в интеграционных процессах социокультурных факторов, позволяющих формировать новые направления и формы интеграционных процессов. Тем более, что современный социум, включая его государственные институты, все более приобретает способность рефлексировать социологически и перестраивать свою жизнедеятельность в соответствии с этой рефлексией².

Степень научной разработанности исследуемой проблемы.

Исследование интеграции как феномена международных отношений имеет давнюю историю. В разной терминологии эта проблематика обсуждалась сначала как военно-политическая (союзы, блоки), а затем постепенно все более как торгово-экономическая («общие рынки», «единые экономические пространства», таможенные и валютные союзы и проч.). В рамках первого направления сегодня имеется уже достаточно развитая теория международных отношений. Наибольшую активность в интеграционном процессе к настоящему времени проявили европейские государства. Они же получили и самые значимые результаты. Поэтому именно евроинтеграции посвящено самое большое количество исследовательских работ, вплоть до того, что этот пример некоторыми экспертами (начиная с Л.Н. Линдберга и С.А. Шейнголда³)

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 08.12.16).

² См.: Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford: Stanford University Press, 1994. – 228 p.

³ Lindberg L.N., Schein-Gold S.A. Europe's Would-Be Polity: Patterns of Change in the European Community. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1970. – 314 p.

выделяется в отдельный, специфический, не похожий на другие случаи. Концептуально вместо федерализма, как вектора развития межгосударственных отношений, Д. Митрани⁴ и другие предложили функционализм, основанный на взаимном отказе государств от некоторых суверенных функций в пользу новых структур, которые будут регулировать, в первую очередь, экономические, но также и прочие интересы. К настоящему времени к этому подходу добавлены неофункционализм и постфункционализм, транзакционализм, конструктивизм, межгосударственный, межправительственный, институциональный подходы, а также многоуровневое управление и сравнительный регионализм.

Среди сторонников межправительственного подхода, считающих правительства основными акторами, движущими интеграцию, А. Моравчик, П. Тэйлор, С. Хофман⁵, среди теоретиков неофункционализма – Г. Маркс, П. Пирсон, У. Сандгольц, А. Стоун Свит, Э.Б. Хаас, Л. Хуг, Ф. Шиммельфениг⁶ и другие. Управленческие и организационные подходы к региональной интеграции развивали Дж.А. Грант, С. Корнелиссен, Р. Майнц, Ф. Седербаум, Ф.В. Шарпф, Т.М. Шоу⁷. Вследствие значительных теоретических трудностей

⁴ Mitrany D. The prospect of integration: federal or functional // *Journal of Common Market Studies*. 1965. Vol. 4, pp. 119-149.

⁵ Hoffmann S. Reflections on the Nation-State in Western Europe Today // *Journal of Common Market Studies*. 1982. Vol.20 (1-2), pp. 21-37; Taylor P. The European Community and the State: Assumptions, Theories and Propositions // *Review of International Studies*. 1991. Vol.17(1), pp. 109-125; Moravcsik A. Negotiating the Single European Act: National Interests and Conventional Statecraft in the European Community // *International Organization*, 1991. Vol.45(1), pp. 19-56; Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998. – 514 p.

⁶ Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957. Stanford, CA: Stanford University Press, 1958. – 552 p.; Sandholtz W., Stone Sweet A. (eds.) *European Integration and Supranational Governance*. Oxford: Oxford University Press, 1998. – 389 p.; Hooghe L., Marks G. *Multi-Level Governance and European Integration*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2001. – 272 p.; Schimmelfennig F. European integration (theory) in times of crisis. A comparison of the euro and Schengen crises // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol.25 (7), pp. 969-989; Pierson P. The Path to European Integration. A Historical Institutional Analysis // *Comparative Political Studies*. 1996. Vol.29, pp. 123-163.

⁷ Mayntz R. Governance im modernen Staat / A. Benz (ed.). *Governance: Regieren in komplexen Regelsystemen. Eine Einführung*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. Pp.65-76; Söderbaum F. Formal and Informal Regionalism / T.M. Shaw, J.A. Grant, S. Cornelissen (eds.). *The Ashgate Research Companion to Regionalisms*. Aldershot: Ashgate, 2012. Pp.51-67; Shaw T.M., Grant J.A., Cornelissen S. (eds.). *The Ashgate Research Companion to Regionalisms*. Aldershot: Ashgate,

при изучении межгосударственной интеграции, было сформулировано новое направление – сравнительного регионализма, которым занимались Э. Золинген, А. Инотай, О. Сункель, Б. Хеттне⁸. Это направление, называемое теперь также новый регионализм, развивают А. Ачарья, Т. Берзель, Т. Рисс⁹. М. Ван Римсдейк, К. Бланк, Г. Маркс, М. Паницон, Л. Хуг и другие активно исследуют проблему многоуровневого управления интегрирующихся межгосударственных объединений¹⁰. В России ею занимаются Н.Н. Большова, Е.С. Громогласова, О.Ю. Потемкина, М.А. Рамонова, Е.В. Саворская¹¹. Появились и идеи неоднородности, «гибкости» интеграции, описываемые Л.О. Бобыниной, Ю.А. Борко, А. Келликером, А. Стуббом¹².

Проблемами евразийской интеграции занимались многочисленные исследователи, в том числе А.Н. Быков, Н.А. Васильева, А.В. Гущин, И.В.

2012. – 404 p.; Scharpf F.W. *Governing Europe: Effective and Legitimate?* Oxford: Oxford University Press, 1999. – 256 p.

⁸ Hettne B., Inotai A., Sunkel O. *Globalism and the New Regionalism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999. – 270 p.; Solingen E. *Regional Order at Century's Dawn: Global and Domestic Influences and Grand Strategy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. – 352 p.

⁹ Acharya A. *Regionalism Beyond EU-Centrism* / T.A. Börzel, T. Risse. *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 109-129; Börzel T., Risse T. (eds.). *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 560 p.; Börzel T., Risse T. Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // *Journal of European Public Policy*. 2019. Vol.26 (8), pp. 1231-1252.

¹⁰ Marks G., Hooghe L., Blank K. *European Integration since the 1980s: State-Centric versus Multi-Level Governance* // *Journal of Common Market Studies*, 1996. Vol.34, pp. 343-378; Panizzon M., Van Riemsdijk M. Introduction to Special Issue "Migration Governance in an Era of Large Movements: A Multi-Level Approach" // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol.45 (8), pp. 1225–1241.

¹¹ Большова Н.Н. Институциональные уровни и практики интеграции инокультурных сообществ (на примере ФРГ). Автореферат дис. ... кандидата политических наук. МГИМО(У) МИД РФ. М., 2009. – 25 с.; Громогласова Е.С. Наднациональный и сетевой принципы в Европейском союзе // *Международные процессы*. 2010. Том 8. № 2. С. 74-79; Потемкина О.Ю. Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе // *Современная Европа*. 2020. № 2. С. 100-110; Рамонова М.А. Стратегии многоуровневого управления международно-политической системой. Автореферат дис. ... кандидата политических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2012. – 25 с.; Саворская Е.В. Политические сети в многоуровневом управлении ЕС // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение*. 2012. № 4. С. 368-373.

¹² Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в ЕС: теория и практика. Автореферат дис. ... кандидата политических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2010. – 23 с.; Борко Ю.А. Европейский союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // *Современная Европа*, 2015. № 3. С. 7-16; Kolliker A. *Flexibility and European Unification: The Logic of Differentiated Integration*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006. – 352 p.; Stubb A. *Negotiating Flexibility in the European Union*. London: Palgrave Macmillan, 2002. – 212 p.

Задорин, М.Л. Лагутина, А.С. Левченков, К.Е. Мещеряков, Е.И. Пивовар, Е.Ю. Трещенков, Е.Д. Халевинская, А.В. Чаевич, Ю.В. Шишков¹³ и другие.

Еще более массовая научная литература имеется по экономической интеграции. В общем смысле ею занималось огромное количество экономистов, включая таких известных, как Дж. Гэлбрейт и П.А. Самуэльсон, который, в частности, полагал, что значение интеграции состоит в лучшем, т.е. совместном и согласованном использовании ресурсов¹⁴. На схожих позициях стоят и многочисленные российские исследователи.

В социологии интеграция сначала рассматривалась как процесс социализации индивидов, их «включения» в социум (а также и ресоциализация после по тем или иным причинам социального «исключения»). С этих позиций работали основоположники современной социологии – М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, К. Маркс, Т. Парсонс, Г. Спенсер, П. Сорокин. Но есть мнение, что социологи стали заниматься и международной интеграцией едва ли не с момента институционализации своей науки. Бесспорным можно считать формирование социологии международных отношений с Р. Арона и Х.Г. Каллиса¹⁵. Социологические подходы к международным отношениям и интеграции плодотворно развивали М. Альберт, Б. Бузан, Г. Девэн, Ж.-

¹³ Быков А.Н. Постсоветское пространство. Стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. Российская акад. наук, Ин-т экономики. Санкт-Петербург: Алетей, 2009. – 189 с.; Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2012. – 423 с.; Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. №2(89). С. 102-136.; Мещеряков К.Е., Трещенков Е.Ю. Евразийская интеграция и Россия. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2014. – 255 с.; Пивовар Е. И., Гущин А. В., Левченков А. С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век - новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 2(36). С. 43-55; Халевинская Е.Д. Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. – 199 с.; Чаевич А.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации. М.: Компания Спутник+, 2005. – 187 с.; Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП "III тысячелетие", 2001. – 478 с.

¹⁴ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. М. АСТ, 2004. – 608 с.; Самуэльсон, П.А. Экономика: пер. с англ. / П.А. Самуэльсон, В.Д. Нордхаус. – М.: Вильямс, 2006. –1360 с.

¹⁵ Aron R. Une sociologie des relations internationales // Revue française de sociologie. 1963.Vol. 4 (3), pp. 307-320; Callis H.G. The Sociology of International Relations // American Sociological Review. 1947. Vol. 12 (3), pp. 323-334.

Б. Дюррозель, Ф. Краточвил, Дж. Лоусон, Б. Пула, М. Райнард, Я.А. Стивахтис, А. Турен, Х. Шилкопаран, Р. Шиллиам, М. Цюрн¹⁶; в России – В.В. Кочетков, П.А. Цыганков¹⁷ и другие. В том числе, Дж.Г. Марч, Дж.П. Олсен, К.П. Тейлор, П.А. Хал¹⁸ обосновали социологический институционализм. В связи с постоянно усиливающимся воздействием на международную интеграцию фактора *миграции*, все большее внимание стало уделяться не только ассимиляции мигрантов, но и их социокультурному взаимодействию с населением принимающих стран и между собой, их социокультурной интеграции. В социологии международных отношений стали использоваться концепции *глокализации* У. Бека¹⁹, а также *агентности* Э. Гидденса, З. Баумана, Дж. Александера, которую Б. Браун, С. Шиндлер и Т. Вилле адаптировали к проблемам межгосударственной интеграции²⁰. Постепенно на

¹⁶ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Пер. с французского Е.А.Самарской. Ред. пер. М.Н. Грецкий. М.: Научный мир, 1998. – 204 с.; Devin G. (dir.). *Dix concepts sociologiques en relations internationales*. P.: CNRS Éditions, 2015. – 220 p.; Duroselle J.B. *Toute empire périra. Une vision théorique des relations internationales*. P.: Publications de la Sorbonne, 1981. – 357 p.; Lawson G., Shilliam R. *Sociology and international relations: legacies and prospects* // *Cambridge review of international affairs*, 2010. Vol.23 (1), pp. 69-86; Albert M., Buzan B., Zürn M. (Eds.). *Bringing Sociology to International Relations: World Politics as Differentiation Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 292 p.; Pula B., Stivachtis Y. *Historical Sociology and International Relations: Interdisciplinary Approaches to Large-Scale Historical Change and Global Order*, in Renée Marlin-Bennett, ed., *The International Studies Compendium*. London: Oxford University Press, 2018. [Electronic resource] // <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-211>; Çilkoparan H. *International Political Sociology Contributions to International Relations*. 2020. [Electronic resource] // <https://www.e-ir.info/2020/05/23/international-political-sociology-contributions-to-international-relations/>; Kratochwil F. *Sociological Approaches to International Relations* / Reus-Smit Ch., Snidal D. (eds). *The Oxford handbook of international relations*. Oxford/New York: Oxford University Press, 2008. Pp. 444-461; Rhinard M. *The Crisisification of Policy-Making in the European Union* // *Journal of Common Market Studies*. 2019. Vol.57 (3), pp. 616-633.

¹⁷ Кочетков В.В. Международные отношения в интерпретации теорий исторической социологии // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019. №25(3). С.49-70; Цыганков П.А. *Политическая социология международных отношений*. М.: Радикс, 1994. – 320 с.; Цыганков П.А. *Социологические термины и подходы в анализе международных отношений* // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2016. №4. С. 28-37.

¹⁸ March J.G., Olsen J.P. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. New York: Free Press, 1989. – 227 p.; Hall P.A., Taylor C.R. *Political Science and the Three New Institutionalisms* // *Political Studies*, 1996. Vol.44, pp.936-957.

¹⁹ Бек У. *Что такое глобализация?* М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

²⁰ Braun B., Schindler S., Wille T. *Rethinking agency in International Relations: performativity, performances and actor-networks* // *Journal of International Relations and Development*. 2019. Vol.22, pp.787-807.

первый план была выдвинута обновленная концепция «социальной сплоченности», восходящая к понятию солидарности Э. Дюркгейма²¹, а также Р. Коллинза, Р. Мертон, У. Самнера²², обоснованная как едва ли не основной фактор и цель успешной интеграции (во всяком случае – евроинтеграции). Л. Хуг и Г. Маркс сформулировали также *постфункциональную* теорию европейской интеграции, сосредоточив внимание на таких факторах, как общественное мнение, деятельность партий и проч.²³. Проблематикой социальной сплоченности активно занимаются Дж. Дженсон, Ф. Дюбе, М. Пароди, М. Форсе²⁴; в России – М.В. Алешина, З.М. Дыльнова, Д.В. Зайцев, Т.З. Козлова, В.В. Печенкин, В.Д. Роик, Ю.В. Селиванова, В.Н. Ярская, Е.Р. Ярская-Смирнова²⁵. В тоже время, эта концепция подвергается критике, как недостаточно определенная (П. Бернар, Р.А. Садыков²⁶) и излишне политизированная (Дж. Дженсон, Д. Элли, Д.В. Зайцев, О.В. Зайцева²⁷).

Постепенно в категориях гуманитарного сотрудничества и социокультурной интеграции стали описываться и процессы

²¹ Durkheim É. De la division du travail social. Paris : Félix Alcan, 1893. – 471 p.

²² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873 с.; Collins R. Three Sociological Traditions. N.Y.: Oxford University Press, 1985. – 272 p.; Sumner W.G., Keller A.G. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. Boston: Ginn & Company, 1906. – 692 p.

²³ Hooghe L., Marks G. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // British Journal of Political Science, 2009. Vol.39 (1), pp.1-23.

²⁴ Dubet F. Le travail des sociétés. P.: Le Seuil, 2009. – 348 p.; Forsé M., Parodi M. Une théorie de la cohésion sociale // The Tocqueville Review/La revue Tocqueville. 2009. Vol. 30 (2), pp.9-35; Jenson J. Mapping social cohesion. The state of Canadian research. Discussion paper No. F3. Ottawa: Renouf Publishing, 1998. – 48 p.

²⁵ Алешина М.В., Печенкин В.В. Социальная сплоченность как элемент формирования новой социальной политики // Инновационная деятельность. 2013. № 4(27). С. 133-143; Зайцев Д.В., Дыльнова З.М., Селиванова Ю.В. Социальная сплоченность: ресурсы и проблемы достижения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 113-123; Козлова Т.З. Проблема солидарности в трех социологических традициях // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 116-119; Роик В.Д. Труд, его эволюция и перспективы // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 97-108; Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 41-61.

²⁶ Bernard P. La cohésion sociale : critique dialectique d'un quasi-concept // Lien social et Politiques. 1999. Vol. (41), pp. 47-59; Садыков Р.А. Социальная сплоченность: критика определений и возможности для новой концептуализации // Социологический ежегодник. 2016. С. 16-32.

²⁷ Helly D. Les limites de la notion de cohésion sociale // The Tocqueville Review/La Revue Tocqueville. 2002. Vol. 23 (1), pp. 73-101; Jenson J. Op.cit.; Зайцев Д. В., Зайцева О. В. Социальная сплоченность: опыт социологической рефлексии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 4 (63). С. 103-106.

межгосударственной интеграции. В этом направлении работают П. Бергер, Т. Берзель, П. Неувонен, Т. Рисс, С. Холл, Ф. Шиммельфениг, Д. Эллис²⁸, а в России – Т.Ф. Маслова, А.И. Савченко, Т.В. Соколова²⁹ и другие. Миграционный фактор в контексте формируемого в ходе интеграции нового многонационального и/или наднационального социума, привлек внимание социологов к проблеме социокультурной *идентичности*, выводимой, в частности, из «самости» Дж.Г. Мида. И. Валлерстайн полагал, что вообще социальная интеграция есть социокультурная интеграция³⁰. В этом интеграционном социокультурном контексте потребовалось переопределение понятия идентичности, которым занимались Б. Андерсон, В.А. Ачкасов, А.С. Ахиезер, Ф.В. Даминдарова, Г.Ш. Исмаилова, В.М. Капицын, Н.Н. Козлова, Н.И. Лапин, С.Я. Матвеева, Ж.К. Нургалиева, Т.М. Овчинникова, Э.А. Орлова, А.Ф. Поломошнов, Л.А. Поломошнов, М.Е. Попов, Н.Н. Федотова, С. Хоффманн³¹ и другие.

²⁸ Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / Пер. с англ. О.А. Оберемко под ред. Г.С. Батыгина. М.: Аспект-Пресс, 1996. – 168 с.; Börzel T.A., Risse T. Identity Politics, Core State Powers and Regional Integration: Europe and beyond // Journal of Common Market Studies. 2020. Vol.58: pp.21-40; Ellis D. On the possibility of “international community” // International Studies Review. 2009. Vol.11(1), pp. 1-26; Hall S. Who Needs “Identity”? / Hall S., Gay P. du (eds). Questions of Cultural Identity. London: Sage Publications, 1996. – 208 p.; Neuvonen P.J. Transforming Membership? Citizenship, Identity and the Problem of Belonging in Regional Integration Organizations // European Journal of International Law. 2019. Vol.30(1), pp. 229-255; Schimmelfennig F. Goffman meets IR: dramaturgical action in international community // International Review of Sociology. 2002. Vol.12(3), pp.417-437.

²⁹ Маслова Т.Ф. Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX–XXI веков (на примере ставропольского края). Автореферат дис. ... доктора социологических наук. Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2009. – 45 с.; Савченко И.А. Социокультурная интеграция и дезинтеграция современных многоэтнических сообществ. Автореферат дис. ... доктора социологических наук. Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. – 36 с.; Соколова Т.В. Евразийская интеграция: социальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2019. № III (XLIV). С. 27-42.

³⁰ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. – 368 с.

³¹ Ахиезер А.С., Козлова Н.Н., Матвеева С.Я. Модернизация в России и конфликт ценностей. – М.: Институт философии РАН, 1994. – 250 с.; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.; Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 1. С. 85-91; Даминдарова Ф.В., Исмаилова Г.Ш. Этническая, надэтническая и гражданская идентичность в российском политологическом дискурсе // Власть. 2014. №4. С. 63-67; Капицын В.М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. 2014. № 1. С. 8-32; Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-

Вместе с тем, количество работ по интеграционной проблематике пока не перешло в качество. Разнообразие подходов и концепций, слабые прогностические возможности предлагаемых теорий все чаще оцениваются как невозможность описать происходящие процессы с какой-либо одной позиции. Тем не менее, критическое исследование полученных теоретических и прикладных результатов позволило сделать вывод о том, что, как минимум, экономические факторы не являются достаточными для успешной интеграции и даже для поддержания уже существующих связей (самый яркий пример – фактически разрыв российско-украинских отношений). Что касается евразийской интеграции, то увеличивается количество работ, обозначающих не только достижения, но и все новые риски³². Значительную сложность представляет также проблема социологического измерения интеграционных факторов, которая также была исследована в данной работе.

Цель исследования – выявить проблемы социокультурного характера, возникающие в евразийских интеграционных процессах и предложить возможные пути их решения. Поставленная цель обуславливает решение следующих **исследовательских задач**:

1. Рассмотреть евразийские интеграционные процессы как объект социологического исследования.

функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. №7. С. 3-12; Лапин Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3-14; Нургалиева Ж.К. Конструирование этнической и гражданской идентичности в национализирующем государстве на примере Республики Казахстан. Автореферат дис. ... кандидата социологических наук. СПбГУ, Санкт-Петербург, 2012. – 28 с.; Овчинникова Т.М. Трансформация этнической идентичности в условиях полиэтничной образовательной среды // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №3. С. 33-37; Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории: научный альманах. 2010. Т. IV. С. 91-92; Поломошнов А.Ф., Поломошнов Л.А. Национальная и этническая идентичность в полиэтничном обществе // Kant: Social Sciences & Humanities. 2020. № 2(4). С. 49-56; Попов М.Е. Надэтническая идентичность: опыт формирования гражданского общества и российская полиэтничная специфика / Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008. С. 82-93; Федотова Н.Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 52-62; Hoffmann S. The European Sisyphus: Essays on Europe. NY: Routledge, 1995. – 326 p.

³² Селезнев И.А. О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. №6. С. 164-176.

2. Выявить социокультурные факторы влияния на евразийские интеграционные процессы.

3. Определить методологические подходы к исследованию социокультурных аспектов евразийских интеграционных процессов, разработать систему их мониторинга.

4. Исследовать доминирующие тенденции и выявить социокультурные проблемы в развитии евразийских интеграционных процессов с участием России.

5. Обосновать перспективные направления евразийского социокультурного сотрудничества.

Гипотеза исследования: большинство реализуемых проектов межгосударственного объединения имеет ограниченное целеполагание (военно-политические блоки, экономические и таможенные союзы и проч.), ведущими в них являются политические или экономические мотивы, а социокультурный фактор занимает подчиненное положение или игнорируется вовсе. Такой подход упрощает создание союзов, по мнению их инициаторов, но в реальности делает их зависимыми от изменений военно-политической или экономической конъюнктуры и интересов. Напротив, для успеха интеграционных процессов социокультурный фактор является первоочередным, предопределяющим перспективы развития межгосударственного сотрудничества и объединения во всех остальных областях.

Объект исследования – евразийские интеграционные процессы.

Предмет исследования – социокультурные аспекты евразийских интеграционных процессов с участием Российской Федерации.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

В соответствии со сложностью предмета исследования, методологическую основу диссертации составила совокупность общенаучных и социологических принципов и подходов. Множество одновременно протекающих социокультурных процессов и их многофакторность,

разнообразие участников этих процессов при том, что евразийская интеграция рассматривается как целое, обусловили необходимость системного и междисциплинарного подходов к исследованию. Кроме того, данная работа нацелена и на постановку ряда вопросов и их только первичную разработку концептуального характера. При решении задач диссертационного исследования были использованы общенаучные формально-логический, диалектический, исторический и сравнительный подходы, методы социального структурно-функционального, институционального, социокультурного и ценностного анализа, рефлексивной социологии, основные положения социологии международных отношений, международных организаций, государственного управления. В составе прикладных социологических методов исследования применялись мониторинговые массовые и экспертные опросы, глубинные интервью, анализ статистических и документальных источников.

Информационную и эмпирическую базу исследования составили:

1. Социологические исследования, в которых автор принимал непосредственное участие:

– «Евразийская интеграция: восприятие, инструменты, состояние», проведенное Автономной некоммерческой организацией «Евразийское содружество» в июне – сентябре 2017 г. Метод исследования: глубинное интервью экспертов Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, России. (N=56). Индекс в диссертации – ЕИВИС-2017.

– «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества» – (2017 г.), проведен АНО «Евразийское содружество» совместно с Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор». Метод исследования: онлайн-опрос экспертов десяти стран евразийских интеграционных образований с участием России (N=60). Индекс в диссертации ПИМГС-2017.

– «Анализ инфраструктуры международного сотрудничества на примере XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Южном

федеральном округе», проведено НП «СОЦИНКО». Метод исследования: массовый опрос студентов ВУЗов Южного федерального округа России. (N=3000). Индекс в диссертации АИМС-2017.

– «Воспитание и студенчество». Метод исследования – экспертный опрос участников Всероссийского форума по воспитательной работе. (N=114 представителей советов обучающихся и 45 представителей структурных подразделений по воспитательной работе ВУЗов России). Индекс в диссертации – ВС-2017.

2. Результаты социологических исследований по проблемам интеграции – в качестве источника вторичных данных:

– «Интеграционный барометр-ЕАБР». Шесть волн мониторингового опроса общественного мнения и экспертного опроса (2012-2017 г.). Проведено Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЕАБР) в партнерстве с Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор» в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, России, Таджикистане, Молдове. Индекс в диссертации ИБ-ЕАБР-2012-2017³³;

– «Политическая культура постсоветских стран: экспертная рефлексия». ноябрь 2015 – ноябрь 2016, проведено Благотворительным фондом «Евразийский диалог» в партнерстве с НП «Международное исследовательское агентство «Евразийский монитор». Методы исследования: а) полуструктурированные интервью с экспертами – представителями политической и интеллектуальной элиты Азербайджана, Молдовы, Киргизии и Беларуси (N=25-33 в каждой стране); б) гайды интервью подготовлены на основе анализа не менее 10 научных и аналитических статей, программных документов политических партий и движений, политических и идеологических деклараций в СМИ за 2010–2016 гг. в каждой стране; в) по две фокус-группы в каждой стране с представителями населения (N= от 8 до 10 (с

³³ Евразийский монитор. [Электронный ресурс] URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia>

квотированием по полу, возрасту, образованию). Индекс в диссертации ПКПС-2016-2017.

3. Законодательные и нормативно-правовые акты Российской Федерации, распоряжения Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти и программные документы по вопросам внешней политики и межгосударственной интеграции; официальные документы международных интеграционных образований (ЕС, ЕАЭС и других); аналитические материалы, материалы тематических и экспертных конференций, «круглых столов», Интернет-ресурсов; статистические данные, относящиеся к тематике диссертационного исследования;

4. Работы теоретико-прикладного характера для разработки авторского инструментария эмпирических исследований социокультурных аспектов интеграции авторов: М.В. Алешина, Л.А. Беляева, А. Галлина, В.П. Горяинов, Н.И. Лапин, Н.А. Овчар, А.Н. Татарко, Н. Фарруджа³⁴, а также Методологическое руководство Совета Европы «Комплексная разработка индикаторов социальной сплоченности», «ESPON. Индикаторы и перспективы для услуг, представляющих общий интерес в территориальном единстве и развитии»³⁵.

Обоснованность и достоверность научных результатов подтверждается использованием верифицируемых данных, предметностью и аргументированностью основных положений, логичностью и

³⁴ Алешина М.В. Социальная сплоченность: концептуализация понятия // Вестник СГТУ. 2012. № 4 (68). С. 216-221; Беляева Л.А., Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.; Горяинов В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 60-67; Овчар Н.А. Социальное самочувствие как показатель социокультурной трансформации региона // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. Т. 23. № 9(172). С. 37-41; Татарко А.Н. Культурно-психологические особенности социального капитала этнических групп России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 2. С. 67-80; Farrugia N., Gallina A. Developing Indicators of Territorial Cohesion. Roskilde: Roskilde University, 2008. – 55 p.; Nardo M., Saisana M., Saltelli A., Tarantola S. Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide. P.: OECD publications, 2008. – 158 p.

³⁵ Concerted Development of Social Cohesion Indicators. Methodological Guide. Strasbourg: Council of Europe, 2005. – 233 p.; ESPON. Indicators and Perspectives for Services of General Interest in Territorial Cohesion and Development. Final Report. Luxembourg: ESPON, 2013. – 58 p.

последовательностью изложения авторской концепции с использованием системы общенаучных методов, соответствующих цели и задачам исследования, а также социологическим анализом, проведенным в соответствии с выбранными методами исследования. В ходе работы проведено четыре авторских социологических исследования. Полнота собранного материала обусловлена объемом и составом литературных и эмпирических источников.

Научная новизна результатов диссертационного исследования.

1. Дано авторское определение понятия «интеграция» в межгосударственных и межнациональных процессах как объекта социологического исследования и с этой позиции – авторская трактовка понятий «социокультурные факторы межгосударственной интеграции», «межгосударственная социокультурная интеграция», «социальная сплоченность», введено понятие «креативная сплочённость».

2. С использованием понятий «межгосударственная социокультурная интеграция», «социальная сплоченность» и «креативная сплочённость» определены факторы межстранового сотрудничества на трех уровнях: личность, культура, социум.

3. По результатам критического анализа подходов к исследованию социокультурных аспектов евразийских интеграционных процессов, разработана система их мониторингового отслеживания (22 показателя) для оценки эффективности (KPI) соответствующей деятельности государственных органов стран-участниц, наднациональных организационных структур, организаций гражданского общества.

4. На основе исследования объективно протекающих и планируемых евразийских процессов с участием России, их оценок участниками этих процессов выявлены интеграционная и дезинтеграционная тенденции, а также проблемы социокультурного характера, имеющие ключевое значение для рассматриваемых процессов и реализации намеченных планов.

5. Предложены четыре направления социокультурного сотрудничества в процессах евразийской социокультурной интеграции и частично апробированы модели «мягкого» модерирования социальной сплоченности в целях социокультурной интеграции.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что по итогам критического анализа проблем межгосударственной интеграции и подходов к их изучению автор вносит научно-теоретический вклад в социологическое осмысление процессов социокультурной интеграции стран постсоветского пространства и возможностей управления ими. Результаты исследования также позволили автору сформулировать научно-теоретические выводы относительно становления и функционирования соответствующих социальных институтов и механизмов, как государственных, так и гражданского общества.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что результаты выполненной научной работы могут быть использованы при решении актуальных проблем интеграционной политики в сфере государственного и межгосударственного управления для мониторинга и социологического анализа интеграционных процессов, определения их ключевых направлений и механизмов, для разработки конкретных рекомендаций по ускорению и повышению качества процесса евразийской интеграции с участием России и оценки соответствующей управленческой деятельности. Положения и научные разработки диссертации могут найти применение в разработке программ общей и прикладной социологии, управления социокультурной политикой, организации работы с молодежью для учреждений высшего образования и системы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих.

Положения, выносимые на защиту.

1. Как объект социологического исследования интеграция в евразийских межгосударственных и межнациональных процессах представляет собой процесс формирования системной межгосударственной общности с

различными характеристиками (экономическая интеграция, обеспечение безопасности, социокультурная интеграция, социальная сплоченность). Этот процесс развивается в соответствующих форматах надгосударственных организационных структур сотрудничества. Межгосударственная социокультурная интеграция реализуется как организационная структура, становящийся (П. Штомпка) социальный институт рефлексивного типа (У. Бек, П. Бурдье, Э. Гидденс) с общими для стран-участниц целями на основе формирования общих ценностей, посредством согласованных форматов сотрудничества в неполитической и неэкономической сферах, повышения социальной, социокультурной, креативной сплоченности, накопления взаимного доверия и социального капитала.

2. Определены факторы межстранового социокультурного интегративного сотрудничества, действующие на трех уровнях – личность, культура, социум: в реально интегрирующихся государствах каждый гражданин выступает равноправным субъектом, обладающим качествами развитой социальности и социокультурной сплоченности, цивилизационная составляющая определяет согласованность культурных норм и ценностей, креативная сплоченность характеризует образ будущего с корректно действующими межгосударственными институтами, общей социокультурной средой, развитым коллективным сознанием и интеллектом. Выявлено ключевое значение для равноправной евразийской интеграции социокультурных факторов, положительное влияние которых состоит в предложении и осуществлении согласованного коэволюционного развития и достижения ожидаемых гражданами результатов такой интеграции.

3. На этих основаниях предложена авторская трехуровневая методика социологического измерения состояния и регулирования качества евразийских интеграционных процессов из шести блоков (ценностные основания социальной сплоченности, интенсивность интеграционных обменов, содержание социальных взаимодействий в модернизационных процессах, механизмы согласования микродинамических процессов

(миграция), активность демократических институтов гражданского общества, безопасность информационного пространства). Разработаны и обоснованы 22 показателя по десяти ключевым аспектам (Приложение 2) для оценки эффективности (KPI) интеграционной деятельности министерств и ведомств стран-участниц, наднациональных организационных структур, организаций гражданского общества.

4. На основе комплексного социологического анализа евразийских интеграционных процессов с участием России определены:

- интеграционная тенденция, выражающая рост востребованности большинством граждан стран-участниц широкого участия институтов гражданского общества в развитии всесторонних связей на основе общих ценностей, норм, идеалов культуры. Приверженность граждан такой интеграции характеризуется их представлениями о вхождении в новое мощное безопасное объединенное интеграционное образование с высоким уровнем экономического и социального развития, близкими культурными кодами, понятным языком общения, возможностью получения бесплатного образования, отсутствием барьеров для коммуникации, включая миграцию;

- дезинтеграционная тенденция, выраженная в настроениях интеграции с другими сильными игроками (Евросоюзом, Китаем, Турцией), основанная на нежелании повторения какого-либо аналога советского периода. Эта тенденция проявляется в уменьшении, в т.ч. целенаправленном, коммуникационных связей с Россией, снижении числа граждан, желающих получать социокультурную продукцию из России (книги, кино, музыка и др.), роста количества тех, кто получает образование в Евросоюзе и других странах.

- проблемы социокультурного характера, проявляющиеся в неудовлетворенности граждан выполнением существующими надгосударственными организационными структурами регулятивных функций (декларативный характер целей, стремление решать кризисные проблемы за счет других стран, слабый учет интересов всех участников, стремление экономически развитых стран сохранять неравенство в

межстрановом разделении труда, потребительская модель поведения граждан, иждивенчески-потребительский способ организации жизнедеятельности менее развитых стран, их стремление сохранять преференции за счет политического торга) и в чрезмерной экономизации парадигмы евразийского объединения с участием России – с преобладанием стремления к извлечению экономической выгоды. При этом, напротив, дезинтеграционные процессы формируются на основе использования сильными внешними игроками в основном социокультурных факторов (распространение своего языка и культуры, образования, особенно среди политических и экономических элит).

5. Разработаны четыре направления социокультурного сотрудничества в процессах евразийской социокультурной интеграции: «Возобновление каналов исторической памяти», «Формирование элиты будущего», «Гибкая интеграция», «Евразийский Гражданский Альянс». Разработаны и частично апробированы модели «мягкого» модерирования социальной сплоченности в целях социокультурной интеграции, базирующиеся на четырех группах показателей (Личность, Культура, Сплоченный социум, Креативная сплоченность), включающих согласованное ценностное ядро.

Апробация результатов работы. Материалы исследования апробировались на всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях: международный круглый стол «Евразийская интеграция: сущность, проблемы и перспективы в Республике Казахстан» (г. Астана, 2015 г.), международный круглый стол «Национальная и гражданская идентичность в контексте интеграционных процессов в Киргизской Республике (г. Бишкек, 2015 г.), международный круглый стол «Гражданское общество, третий сектор, НКО в интеграционных процессах в Республике Армения» (г. Ереван, 2015 г.); международный круглый стол Молодежь и евразийская интеграция: за или против в Республике Беларусь» (г. Минск, 2015 г.), VII Международная научная конференция «Социология религии в обществе позднего модерна: религия, образование, международная интеграция» (Белгород, 2015 г.).

Основные положения исследования опубликованы в 10 научных статьях, общим объёмом 7,4 п.л.

Статьи в научных журналах и изданиях, входящих в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций, установленный ВАК при Минобрнауки России» и рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по социологическим наукам:

1. Василенко Л.А., Махмутов Р.Р., Стратегические приоритеты управления процессами гуманитарного сотрудничества стран ЕАЭС // Государственная служба. 2017. №6 (110). С. 91-97. (0,9 п.л.)
2. Махмутов, Р. Р. Социокультурные притяжения и ценностные установки граждан стран ЕАЭС в контексте исследования процессов гуманитарной интеграции // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 1(115). С. 98-112. (0,5 п.л.)
3. Махмутов Р.Р., Казакова Е.О. К вопросу оценки эффективности реализации молодежных мероприятий в образовательных организациях // Современный ученый (0,51 / 0,17 п.л.)

Статьи в рецензируемых научных журналах из перечня Scopus:

1. Махмутов Р.Р., Н.В. Литвак. Становление белорусской идентичности в эпоху рефлексивного модерна // Современная Европа. 2020. № 3. С. 128-138. (0,9 п.л.)

Статьи в сборниках научных трудов, научных журналах, материалах конференций:

1. Махмутов Р.Р. Проект «Евразийский Гражданский Альянс»: новые возможности коммуникации экспертных сообществ стран ЕАЭС // Социокультурный аспект евразийской интеграции. Евразийский Гражданский Альянс: сборник научных статей / науч. ред. Л.А. Василенко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 10 – 21. – 0,71 п.л.

2. Махмутов Р.Р., Ефанова О.А. Методологические проблемы оценки эффективности мероприятий молодежной политики // Молодой ученый. 2017. № 7(141). С. 519-524. (0,5 п.л.)

3. Куликов С.П., Махмутов Р.Р. Общественный запрос как ключевой фактор планирования мероприятий молодежной политики, дополнительного образования и формирования здорового образа жизни // IX Инновационные технологии в науке и образовании. 2017. № 1-1(9). С. 237 – 243. DOI 10.21661/r-117392. URL: www.interactive-plus.ru. (0,5 / 0,25 п.л.)

4. Ефанова О.А., Махмутов Р.Р. Методологические проблемы оценки эффективности мероприятий политики // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2017. № 7 (141). С. 519 – 524. (0,5 / 0,25 п.л.)

Монографии

1. Махмутов Р.Р. Евразийство как фактор социально-культурного диалога в условиях глобализации. М.Ю 2013. (5 п.л.)

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ ЕВРАЗИЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

1.1. Интеграционные процессы как объект социологического анализа

Еще до окончания Второй мировой войны лидеры держав антигитлеровской коалиции и эксперты-политологи начали размышлять о теоретических и практических перспективах послевоенного мироустройства. На первый план выдвинулись теоретики *функционализма* в международных отношениях³⁶, видевшие путь к прекращению всё более ужасных, бесчеловечных, разрушительных войн, «оправдываемых» борьбой за ресурсы, в определенного типа межгосударственных объединениях. Ими обосновывался рациональный подход к решению конфликта, основанный на взаимном отказе государств от некоторых суверенных функций в пользу новых структур, которые и будут регулировать, в первую очередь, экономические, но также политические и прочие интересы, до сих пор служившие источниками конфликтов. После войны наступил новый этап межгосударственного сотрудничества – развития в направлении глобализации. В дополнение к таким, уже существовавшим федерациям (которые функционалисты, начиная с Д. Митрани, считали неэффективными³⁷), как США, Швейцария, Канада, СССР, появились СФРЮ (с 1945 до 1963 гг. НФРЮ), ФРГ (с 1949 г.), ЧССР (с 1960 г.), Бельгия (федерация с 1980 г.) и другие. Еще более массовым и разнообразным стало создание международных, межгосударственных организаций, союзов, блоков, как отраслевого (торгового, экономического, военно-политического), так и комплексного, всестороннего – интеграционного характера. Целый ряд таких объединений создавался по функциональным, а затем по неофункциональным

³⁶ Alexandrescu M. David Mitrany: From Federalism to Functionalism // Transylvanian Review. 2007. Vol. XVI (1), pp. 20-33.

³⁷ Mitrany D. The prospect of integration: federal or functional // Journal of Common Market Studies. 1965. Vol. 4, pp. 119-149.

принципам с последующим развитием в интеграционные проекты. Прежде всего, это Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), которое к настоящему времени существенно расширилось и эволюционировало в Европейский Союз (ЕС) – одно из наиболее интегрированных межгосударственных образований. В этом же направлении в других регионах, но с меньшей «скоростью» движутся, например, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН, образована в 1967 г., объединяет 10 государств региона), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС, с 1975 г. объединяет 15 государств), Южный общий рынок (МЕРКОСУР, от исп. Mercado Común del Sur, создан в 1991 г., объединяет Аргентину, Бразилию, Уругвай и Парагвай; членство Венесуэлы приостановлено, ещё 7 латиноамериканских стран являются наблюдателями) и Соглашение США-Мексика-Канада (United States-Mexico-Canada Agreement, USMCA; создана в 1994 г., до 2020 г. – Североамериканская ассоциация свободной торговли, НАФТА).

С окончанием холодной войны, с ослаблением глобальных военно-политических ограничений, произошел очередной всплеск регионализма, и, как казалось, только усиливалась его основная мотивация – получение *материальных* выгод от торговли и других экономических отношений соседних, прежде всего, государств друг с другом. Однако, проявились как проблемы реальной интеграции, так и повышение внимания к делегированию наднациональным структурам не только экономических, но и политических полномочий³⁸. А, как минимум, в Европе интеграция фактически с самого начала планировалась шире, чем либерализация только торговли. Отчетливо проявилось также, что интеграционный процесс нелинеен – в частности, в Европе распались не только такие межгосударственные организации, как Организация Варшавского Договора (ОВД) и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), но и произошла дезинтеграция СССР, СФРЮ, ЧССР. В

³⁸ Börzel, T.A. Comparative Regionalism: European Integration and Beyond / W. Carlsnaes, T. Risse, and B. A. Simmons (eds.). Handbook of International Relations. London: Sage, 2013. P.503-530.

последствии только несколько бывших (прибалтийских) советских республик и новые восточноевропейские и государства постепенно вступили в ЕС, а с участием России были образованы Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Союзное государство (СГ³⁹). Эти и другие объединения разного типа представляют собой не слияние нескольких государств в одно новое, но создание некоторых новых, межгосударственных и наднациональных структур с определенными принципами и целями. Для оценки текущих и особенно перспективных результатов таких объединений важным представляется выявить и проследить сущность и динамику таких принципов, определяющих как интеграционные процессы в целом, так и сопутствующие им социальные изменения и факторы, определяющие согласованность позиций и действий, а также возможности влияния на качественные характеристики интегрирующегося сообщества.

Несмотря на широкое употребление в современных гуманитарных науках термина «интеграция», сосуществуют разные его определения, сводящиеся к понятию «объединение» в самом общем смысле. Многие обобщающие работы по интеграционным процессам эклектично перечисляют в одном ряду межгосударственные объединения столь разного характера, что такая качественная пестрота требует уточнения терминологии. Согласно современному российскому толковому словарю, интеграция – это «объединение в одно целое каких-либо частей»⁴⁰. Этимологически термин происходит от латинского глагола *integrare*, означающего «восстанавливать, обновлять» до *integer* – «целого», и к настоящему времени дополненного смыслом «добавлять часть, элемент к целому, участвовать, вступать (в объединение)». Современными синонимами, например, во французском

³⁹ Договор от 8 декабря 1999 г. между Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

⁴⁰ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 395.

языке, являются «унификация», «инкорпорация» и «ассимиляция»⁴¹. В современном английском языке «интеграция», синонимами которой указываются «объединение, комбинация, инкорпорирование, унификация, слияние, смешивание, гомогенизация, ассимиляция», – это «действие или процесс интегрирования», например, «экономическая и политическая интеграция», «интеграция стран в торговый блок»⁴². В большинстве случаев, энциклопедии и словари приводят в качестве примера такой интеграции Европейский Союз, начавшийся, как считается, с экономической интеграции, создания общего рынка: «Европейская конституция должна была стать вершиной этого процесса, консолидировать экономическую интеграцию и увенчать ее политической интеграцией», а также, например: «...для содействия долгосрочному росту Китаю имеет смысл постепенно наращивать интеграцию с глобальными финансовыми рынками»⁴³.

Отечественными специалистами отмечается, что «в политической и экономической науках понятие интеграции может характеризовать внутреннее состояние общества, государства или относиться к государству, интегрированному в более широкую межнациональную общность. Интеграция общества или отдельных государств может осуществляться на основе принуждения, взаимной выгоды или сходства социально-экономического строя, интересов, целей и ценностей различных индивидов, социальных групп, классов, государств»⁴⁴. Но в настоящее время превалирует общее понимание интеграции, например, как «добровольного объединения двух или более ранее самостоятельных экономических субъектов путем установления между ними различных типов и форм связей, оговоренных посредством заключения гражданско-правовых актов, с целью реализации эффективного

⁴¹ Intégration. Larousse Dictionnaire. [Electronic resource] // URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/int%C3%A9gration/43533/synonyme> (дата обращения: 04.10.2018).

⁴² Integration. Oxford Living Dictionaries. [Electronic resource] // URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/integration> (дата обращения: 04.10.2018).

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 22. С. 55.

совместного сотрудничества»⁴⁵. Т.е. характерным признаком интеграции является более высокая степень сотрудничества⁴⁶, понимаемого как потребность делать что-либо совместно, решать общие задачи, принимать участие в общем деле, объединяя усилия; «согласование интересов с союзниками и опора на согласованные групповые усилия становятся с одной стороны неизбежными принципами выживания отдельных стран в условиях глобальной конкуренции, а с другой – просто более выгодными условиями развития, нежели самостоятельное, но рискованное плавание в океане мировой политики»⁴⁷.

В целом же экономическая интеграция доминирует в качестве примеров, тем более, что она, как считается, наиболее распространена, изучена и классифицирована. В частности, помимо таких видов экономической интеграции, как (по мере возрастания степени интеграции) *зона свободной торговли* (сначала товарами, а затем услугами и другими нематериальными активами), *таможенный союз*, *общий рынок* (включающий свободное движение рабочей силы и капиталов), *валютный союз* (эмиссия общей валюты), *экономическое сообщество или союз* (общие структуры управления и общая экономическая политика, закрепленная на наднациональном законодательном уровне), классифицированы и цели, выходящие за рамки только экономических, которые ставят перед собой интегрирующиеся страны. Это – «реактивный или защитный регионализм» (стремление защитить свои общие экономические интересы от третьих стран, например, МЕРКОСУР и НАФТА), «мир и безопасность» (создание экономической взаимозависимости, делающей новый вооруженный конфликт экономически невыгодными),

⁴⁵ Сорокина И.О. Теоретические основы понятия «интеграция» и принципы ее осуществления // Менеджмент в России и за рубежом. 2008 № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2008/2/4931.html> (дата обращения: 04.10.2020).

⁴⁶ См.: Естехина И.В. Методический инструментарий экономической оценки развития интегрированной структуры. Автореферат дис. ... кандидата экономических наук. Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург, 2015. – 26 с.

⁴⁷ Задорин И.В. Евразийского союза не будет без общей идентичности. 15 Июня 2016 г. [Электронный ресурс] URL: <https://eurasia.expert/zadorin-evraziyskiy-soyuz-identichnost/>. (дата обращения: 07.10.2020).

«эффективность» (стремление сократить транзакционные издержки в интегрируемом пространстве, например, в АСЕАН) и, наконец, «экстернализация» решения проблем (попытка найти вовне, в обязательствах в отношении нового межгосударственного объединения, поддержку внутриполитическим процессам или переложить на него ответственность за трудности, неудачи. К этому стремились, например, в первом случае, в конце 1980-х гг. демократические группировки в Аргентине и Бразилии, чтобы не допустить возвращения к авторитаризму, и, во втором – правительства целого ряда развивающихся стран в 1990-е гг. – в качестве оправдания реализации неолиберальной модели Вашингтонского консенсуса, обещавшей лучшую интеграцию в мировую экономику в целом)⁴⁸.

С. Бургес отмечает также, что различные уровни экономического развития и конкурентоспособности являются основанием и для различных же политических взглядов на то, как должен работать интеграционный проект и как он должен развиваться. При этом, несмотря на иногда исключительно экономический характер интеграции, все остальные аспекты межгосударственных отношений также присутствуют, хотя и проявляются в других формах. Отсюда С. Бургес заключает, что, хотя региональная, в частности, межгосударственная интеграция фокусируется в основном и, как правило, на экономических вопросах, «в конце концов, это политически мотивированная концепция». Поэтому движение государств к экономическому регионализму не случайно, и управление регионом на любом этапе экономической интеграции является потенциальным источником политической напряженности между государствами-членами⁴⁹.

Несмотря на историческое исчезновение протагонистов, важным остается определение «социалистической экономической интеграции», разработанное в советский период, которая есть «сознательно и планомерно

⁴⁸ См.: Burges S. Economic integration. [Electronic resource] // URL: <https://www.britannica.com/topic/economic-integration> (дата обращения: 04.10.2018).

⁴⁹ Ibid.

регулируемый коммунистическими и рабочими партиями и правительствами стран – членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) процесс международного социалистического разделения труда, сближения их экономик и формирования современной высокоэффективной структуры национальных хозяйств, постепенного сближения и выравнивания уровней их экономического развития, формирования глубоких и устойчивых связей в основных отраслях экономики, науки и техники, расширения и укрепления международного рынка этих стран, совершенствования товарно-денежных отношений»⁵⁰. Причем, такая интеграция и формирующая ее политика были обоснованы выводами относительно развития всей мировой экономики того времени.

В большинстве межгосударственных объединений создаются постоянно действующие *наднациональные институты управления* с разным набором функций и полномочий. Среди таковых с *исполнительными* функциями – например, Европейская комиссия (ЕС), Генеральный секретариат (ЛАИ); Комиссия Андского сообщества; постоянный Секретариат АСЕАН, Секретариат и Совет национальных координаторов (ШОС); Евразийская экономическая комиссия (ЕАЭС). Примеры *законодательных институтов* – Европейский парламент (ЕС), Андский парламент и др. Среди *судебных институтов* – Суд Европейского союза (ЕС), Андский Суд, Суд Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС) и др.

Но итоги Второй мировой войны были не только военно-политическими и экономическими, а и социальными, психологическими и, в конечном счете, философско-экзистенциальными: переживание ужасов войны между якобы самыми цивилизованными нациями, усиливаемое очередным этапом стремительного развития науки и технологий и холодной войной, способствовало постепенному наступлению эпохи, определенной

⁵⁰ Дудинский И. В. Интеграция социалистическая экономическая. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 22. С. 55.

социологами как *рефлексивный модерн*⁵¹. В рамках соответствующего нового направления – *рефлексивной социологии* – социальную реальность начали описывать как «становящуюся»⁵², «текущую»⁵³, обладающую ускоряющейся и усложняющейся социокультурной динамикой⁵⁴, постоянно рефлекслируемую как отдельными акторами, так и социальными институтами.

Развитие социологической методологии затронуло и исследование международных отношений – была обоснована *социология международных отношений*, которые также стали рассматриваться с социологических позиций. Хотя работы даже непосредственно с таким названием выпускали и американцы⁵⁵, француз Р. Арон позиционировал такой социологический подход в противовес англо-саксонской позиции о межгосударственном характере международных отношений, развивавшейся в рамках теории международных отношений (ТМО)⁵⁶. Он полагал, что вообще, с самого возникновения современной социологии, т.е. со второй половины 19 в. большинство социологов обуславливало поведение международных акторов социальными, ценностными факторами, и сам подчеркивал значение процесса принятия внешнеполитических решений лидерами государств, зависящего, в свою очередь, от их идеологических и ценностных предпочтений⁵⁷. Такой подход активно развивали П. Ренувен, Ж.-Б. Дюрозель, А. Турен, Г. Девэн и многие другие французские социологи, подробный критический анализ концепций которых представлен П.А. Цыганковым⁵⁸. Это обстоятельство в

⁵¹ Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford: Stanford University Press, 1994. – 228 p. P. 175-177.

⁵² Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

⁵³ Бауман З. Текучая современность / З. Бауман / Пер. с англ. Под ред. Ю.С. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

⁵⁴ Кравченко С.А. Парадоксы «стрелы времени»: рождение не-еды // Вестник Института социологии. 2015. № 14. С.13-29.

⁵⁵ Callis H.G. The Sociology of International Relations // American Sociological Review. 1947. Vol. 12(3), pp. 323-334.

⁵⁶ Aron R. Une sociologie des relations internationales // Revue française de sociologie. 1963. Vol. 4(3), pp. 307-320.

⁵⁷ Aron R. Memoires: 50 ans de reflexion politique. P.: Julliard, 1983. – 778 p.

⁵⁸ Цыганков П.А. Социологические термины и подходы в анализе международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. №4. С.28-37.

дальнейшем служило поводом говорить о «французской» социологии как о некоем самостоятельном направлении, а также и о социологическом подходе к международным отношениям как якобы, преимущественно, французском, претендующем и на создание отдельных теорий, годящихся для описания только европейской интеграции. Сами французы это отрицали, в том числе, переформулируя такие «обвинения» в вопрос: почему социологические подходы лучше подходят для исследования европейской интеграции, чем рационалистические, институциональные или конструктивистские подходы?⁵⁹

В пространном анализе становления социологии международных отношений Дж. Лоусон и Р. Шиллиам полагают, что пока массовое использование социологической терминологии в (политологической) ТМО не отражает именно социологического характера исследований, что обуславливает недостаточность достижений этого относительно нового направления. Тем не менее, именно в сочетании этих подходов, в их взаимопроникновении, новой междисциплинарности (а не поглощении одного подхода другим) они видят перспективы для социологии международных отношений⁶⁰. М. Альберт, Б. Бузан и М. Цюрн делают попытку объединить ТМО и социологию с помощью последних достижений теории *дифференциации*, предлагая рассматривать современную мировую политику как дифференцированную социальную сферу (в отличие от стратифицированного «досовременного» социума), объединяя, таким образом, в целостный подход все типы дифференциации (сегментарную, стратификационную и функциональную)⁶¹.

Одним из путей к междисциплинарности можно считать и *историческую социологию*, которую один из сторонников такого подхода, В.В.

⁵⁹ Saurugger S. Une sociologie de l'intégration européenne? // Politique européenne. 2008. Vol.25 (2), pp. 5-22.

⁶⁰ Lawson G., Shilliam R. Sociology and international relations: legacies and prospects // Cambridge review of international affairs. 2010. Vol.23(1), pp. 69-86.

⁶¹ Albert M., Buzan B., Zürn M. (Eds.). Bringing Sociology to International Relations: World Politics as Differentiation Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. – 292 p.

Кочетков формулирует для целей исследования международных отношений как направление социологии, изучающее развитие структур общества историческом процессе с фокусом внимания на «длительных фундаментальных исторических закономерностях». К таким социологам он относит Р. Арона, Э. Тодда и многих других, считая, что в исторической социологии можно выделить три основных направления: исследование влияния на развитие международных отношений типов власти и способов производства, затем – изучение эволюции представлений о легитимности, этики, морали и нравственности, и – объединительная парадигма, включающая первые два направления, т.е. изучение материальных и нематериальных факторов⁶². В свою очередь, Б. Пула и Я. Стивахтис определяют историческую социологию как раздел этой науки, изучающий структуры и процессы, включая развитие рационального бюрократического государства, международных институтов и торговли, транснациональных сил, революций и т.д. Отличие исторической социологии они видят в ее фокусировке на *трансформационных* моментах, когда социальные структуры и институты изменяются коренным образом, вместо традиционного исследования их текущей деятельности⁶³. Наконец, развивается такое направление, как *международная политическая социология* (International political sociology), основанная на подходе французского философа Мишеля Фуко, подробный анализ которой представлен, например, Х. Шилкопараном⁶⁴.

⁶² Кочетков В.В. Международные отношения в интерпретации теорий исторической социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. №25(3). С.49-70.

⁶³ Pula B., Stivachtis Y. Historical Sociology and International Relations: Interdisciplinary Approaches to Large-Scale Historical Change and Global Order, in Renée Marlin-Bennett, ed., The International Studies Compendium. London: Oxford University Press, 2018. [Electronic resource] // <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-211> (дата обращения: 06.11.2020).

⁶⁴ Çilkoparan H. International Political Sociology Contributions to International Relations. 2020. [Electronic resource] // <https://www.e-ir.info/2020/05/23/international-political-sociology-contributions-to-international-relations/> (дата обращения: 18.12.2020).

Между тем, например, В.Н. Конышев и А.А. Сергунин настроены пессимистично, считают, что наступает время очередных «великих дебатов»⁶⁵, т.е. что уже не удастся разрешить исследовательские проблемы развитием имеющихся подходов и, очевидно, для дальнейшего продвижения понадобится преодоление кризиса посредством формулирования новых концепций. Ф. Краточвил в своем критическом обзоре социологических подходов сомневается, можно ли действительно говорить о «мировом обществе»? Или другими словами, соответствуют ли имеющиеся социологические теории некоторой объективно существующей реальности, подобно, например, физической, или же сами социологические теории представляют собой элементы того, что изучается ими, сущностей и проблем⁶⁶?

В этом контексте важно вновь обратиться к термину «интеграция» с использованием *системного* подхода. Кроме уже рассмотренных выше определений интеграции, отметим, что впервые в современной науке (еще в XIX в.) это понятие было использовано в биологии для характеристики степени *сложности* живого организма, способного к *саморегуляции*, обеспечивающей его динамическую устойчивость, целостность и *развитие*, несмотря на взаимовлияние активности его отдельных частей. Социологические словари, помимо общего, приводят также более узкоспециальные определения. В частности, интеграция по Т. Парсонсу – это «одно из четырех основных функциональных требований жизненности и эффективности любой системы: предполагает способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию элементов системы действия»⁶⁷. Но собственно социологически, это также: «1. Степень, в которой

⁶⁵ Конышев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С.66-78.

⁶⁶ Kratochwil F. Sociological Approaches to International Relations / Reus-Smit Ch., Snidal D. (eds). The Oxford handbook of international relations. Oxford/New York: Oxford University Press, 2008, pp. 444-461.

⁶⁷ Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. С.143.

индивидуум испытывает чувство принадлежности к социальной группе или коллективу на основании разделяемых норм, ценностей, убеждений... ключевое понятие в социологии Э. Дюркгейма ... 2. Степень, в которой деятельность или функция различных институтов, подсистем в обществе скорее дополняют друг друга, чем противоречат друг другу... 3. Наличие специфических учреждений, поддерживающих дополнительную и координированную деятельность других подсистем общества. Развитие институтов интеграции этого вида (письменный язык, формально-правовые системы) — одна из функциональных предпосылок или функциональных императивов всех социальных систем. Использование понятия интеграции во всех трех смыслах характерно для функционализма и особенно для творчества Т. Парсонса»⁶⁸. Вводятся также понятия «культурная интеграция» — «смешение культурных норм и ценностей, которые изначально функционировали отдельно и находились в противоречии по отношению друг к другу», и «интегрированность личности — сочетание различных элементов личности друг с другом и с окружающим миром»⁶⁹.

Специально определяется также «социальная интеграция», которая есть «1) объединение социальных элементов в одну группу; 2) принятие индивидами существующих ценностей и норм социальной группы, так что это позволяет им войти в данную группу и адекватно в ней функционировать; 3) по Гидденсу — взаимный обмен деятельностью между социальными акторами, осуществляемый через их непрерывные столкновения»⁷⁰; которая «является результатом социализации и соглашения по ценностям, а системная интеграция происходит в результате действия социального “субстрата”, например, непредвиденных последствий экономических отношений или структур власти», и, согласно Гидденсу, «является результатом проведения индивидуальными социальными акторами интеракции “лицом к лицу”, а

⁶⁸ Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: АСТ, Вече, 1999. Т. 1. С.249.

⁶⁹ Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь.

⁷⁰ Там же.

системная — в гораздо большей мере вопрос интеракции на расстоянии и предполагает “воспроизведенную практику”, которая есть результат взаимосвязи групп и коллективов и деятельности учреждений, — процессов, склонных происходить позади участвующих индивидуумов»⁷¹. Также социальная интеграция «означает наличие упорядоченных отношений между индивидами, группами, организациями, государствами ... различают уровень рассматриваемых систем интеграции (личности, группы, общества и т. д.)». Выражение «интегрированная личность» при «анализе на уровне социальной системы относится к личности, интегрированной (включенной) в социальную систему, т. е. к конформной личности»⁷². Также, социальная интеграция – это «процесс превращения относительно самостоятельных, слабо связанных между собой объектов (индивидов, групп, государств) в единую, целостную систему, характеризующуюся согласованностью и взаимозависимостью ее частей на основе общих целей, интересов и т.д.; процесс установления оптимальных связей между социальными институтами, группами, ветвями власти и управления, выработки обществом единой идеологии»⁷³. При этом, Э. Гидденс, рассматривающий социальные институты как установившуюся в социуме практику, отличает интеграцию от *сплоченности*, которая есть «упорядоченное взаимодействие между индивидами, коллективными образованиями, основанное на отношениях относительной автономии и зависимости между участниками взаимодействия», а социальные системы характеризуются рефлексивной способностью «саморегуляции и самовоспроизводства», предполагающих «целенаправленную деятельность людей по разработке систем контроля и их применению»⁷⁴. Конечно, при всей осознанности и рациональном планировании интеграционных процессов, включая рефлексивность (по Э.

⁷¹ Джери Д., Джери Дж. Указ соч. С. 230.

⁷² Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 22. С. 55.

⁷³ Балцевич В.А., Балцевич С.Я. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 947.

⁷⁴ Там же. С. 219.

Гидденсу), необходимо учитывать и другие объективно идущие процессы, которые могут не замечаться (не осознаваться, неправильно интерпретироваться), в т.ч. порождаемые в результате осуществления рациональных планов непредвиденные результаты, последствия, возможно, противодействующие, противоречащие желаемым результатам.

Важно добавление ещё одного измерения интеграции. Описывая процесс во Франции, статья «Энциклопедии Лярусс», в начале определяя ее как «слияние территории или меньшинства с общенациональным целым»⁷⁵, т.е. фактически *присоединение* части к целому, затем пространно описывает проблемы интеграции другого – межгосударственного и *социокультурного*, *межцивилизационного* уровня. Выбранная в качестве примера *миграционная* проблема сложна и в тоже время показательна, информативна относительно всего процесса интеграции. Если до середины 1970-х гг. трудовая иммиграция во Францию рассматривалась как временная, то затем постепенно она стала осознаваться как постоянная, окончательная, предполагавшая укоренение мигрантов на своей новой родине. Было определено три сценария: *ассимиляция* мигрантов, их *включение*, т.е. несмешивание с местным населением, по существу, анклавизация, и собственно *интеграция*, как некий третий, «срединный» путь между этими двумя крайностями. Ассимиляция же представляет собой «отказ от всех элементов первоначальной идентичности, предполагает модель однородной нации, основанную не только на равенстве прав, но и на едином языке, морали, обрядах и убеждениях», и она законодательно закреплена во французском Гражданском кодексе, согласно которому «Никто не может быть натурализован, если он не докажет свою ассимиляцию во французское сообщество, в частности, достаточным знанием французского языка и прав и обязанностей, предоставляемых французским

⁷⁵ Intégration. Larousse Encyclopédie. [Electronic resource] // URL: <https://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/int%C3%A9gration/61861> (дата обращения: 04.11.2019).

гражданством»⁷⁶. Опираясь на это положение, власти могут отказать в приобретении гражданства через брак, если такая «ассимиляция» отсутствует у новобрачного. Напротив, «включение» подразумевает минимальные требования к иммигранту, никак не посягает на его культурную самобытность и связи с родиной, четко определяет мигранта как *иностранца*, находящегося в другой стране только *временно*. Понятие же «интеграции» призвано определить ситуацию, когда мигранту нет необходимости ассимилироваться и, следовательно, отрицать свои культурные и этнические особенности. Но при этом принимающее общество позволяет ему в полной мере участвовать в своей жизни, в отличие от «включения». Теоретическим обоснованием такого подхода может служить предложенная У. Бекком *глокализация* – процесс обесценения глобальных и локальных культур и возникновения так называемых «третьих культур»⁷⁷, отличных от первых двух. Однако, несмотря на такую концептуализацию, реальное воплощение этого подхода оказывается непростым: та же Франция имеет уже несколько десятилетий опыта таких попыток, начатых еще в 1989 г., и даже институционализировала их в виде государственного органа (Высшего совета по интеграции), но до сих пор в стране не стихают ни дискуссии по поводу иммиграции, ни связанная с ней ожесточенная политическая борьба.

Сложность и противоречивость процессов интеграции, прежде всего, европейской, а также неудовлетворенность теоретическими результатами, породили многообразие подходов к их изучению. Уже в начале нашего века, например, Р.В. Бугров выделял среди них федерализм, функционализм, неофункционализм, транзакционализм, конструктивизм, межгосударственный, институциональный и многоуровневого управления

⁷⁶ Code civil. [Electronic resource] // https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/2021-03-12/ (дата обращения: 23.10.2020).

⁷⁷ Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Сидельника: Общая ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

подходы⁷⁸. Т.Берзель и Т.Рисс добавили в этот список либеральную версию межправительственного подхода, сравнительный регионализм и постфункционализм⁷⁹, который стал диалектическим развитием функционального подхода. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Сторонники межправительственного подхода считают правительства основными акторами, движущими интеграцию в целях защиты интересов своих избирателей или собственных личных или групповых интересов⁸⁰.

Сторонники неофункционализма и многоуровневого управления полагают наиболее активными в региональном институциональном строительстве социальные группы, союзы, организации внутри каждого интегрирующегося государства (бизнес-ассоциации, профсоюзы, субъекты гражданского общества и др.), строящие горизонтальные отношения между собой и, главное – непосредственно с наднациональными акторами, минуя свои правительства (например, с Европейской комиссией и Европейским судом), рассматривая интеграцию как путь к достижению своих групповых экономических или политических целей⁸¹. Однако Т. Берзель и Т. Рисс⁸² обращают внимание на то, что неофункционализм или либеральный межправительственный подход по-прежнему (как и функционализм) рассматривают в качестве ведущего фактора региональной интеграции, в основном, экономику. При этом в основных регионах мира уровень

⁷⁸ Бугров Р.В. Актуальные проблемы европейской интеграции: учебное пособие / Р.В. Бугров. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. – 74 с.

⁷⁹ Börzel T.A., Risse T. (eds.). *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press, 2016. – 677 p.

⁸⁰ См.: Hoffmann S. Reflections on the Nation-State in Western Europe Today // *Journal of Common Market Studies*. 1982. Vol.20(1-2), pp. 21-37; Taylor P. The European Community and the State: Assumptions, Theories and Propositions // *Review of International Studies*. 1991. Vol.17(1), pp. 109-125; Moravcsik A. Negotiating the Single European Act: National Interests and Conventional Statecraft in the European Community // *International Organization*. 1991. Vol.45(1), pp. 19-56; Moravcsik A. *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998. – 514 p.

⁸¹ См.: Haas E.B. 1958. *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957*. Stanford, CA: Stanford University Press; Sandholtz W., Stone Sweet A. (eds.). *European Integration and Supranational Governance*. Oxford: Oxford University Press, 1998. – 389 p.; Hooghe L., Marks G. *Multi-Level Governance and European Integration*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2001.

⁸² Börzel T., Risse T. Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // *Journal of European Public Policy*. 2019. Vol.26 (8), pp. 1231-1252.

внутрирегиональной торговли и даже экономической взаимозависимости мало коррелирует с общим уровнем интеграции регионов, а четыре из них полностью противоречат такому пониманию региональной интеграции. В частности, в Африке южнее Сахары и в Латинской Америке – слабая экономическая взаимозависимость при сильном регионализме, а в Северной Америке и Восточной Азии напротив – сильная экономическая взаимозависимость и очень слабый регионализм и т.д. Вообще, по их расчетам, экономическая взаимозависимость сочетается с региональной интеграцией менее чем в половине регионов мира, и по существу совпадает только в Европе. Однако и в отношении Европы Т. Берзель и Т. Рисс выражают сомнение относительно того, что – экономическая взаимозависимость или тесная региональная интеграция является причиной, а что следствием⁸³.

Управленческие и организационные подходы к регионализму появились сначала также в исследованиях ЕС. Но с их помощью удалось не подтвердить мнимую уникальность евроинтеграции, а напротив, выделить черты, общие для всех интеграционных региональных процессов. Концепции управления имеют предметом исследования гораздо более широкое множество предметов, чем правительства – изучается также рынок и гражданское общество, которые взаимодействуют, конечно, и с государством, но также объединяются в различные «формальные» и «неформальные» коалиции, сети, производя все новые практики многоуровневого управления, включая региональное⁸⁴. Опираясь на понимание управления Р. Майнц и Ф.В. Шарпфом⁸⁵ как *институционализированных способов координации* принятия и реализации коллективно обязательных *решений*, Т. Берзель и Т. Рисс постулируют, что «управление состоит из структуры и процесса», где структуры представлены

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Söderbaum F. Formal and Informal Regionalism / Shaw T.M., Grant J.A., Cornelissen S. (eds.). The Ashgate Research Companion to Regionalisms. Aldershot: Ashgate, 2012. Pp.51-67.

⁸⁵ Mayntz R. Governance im modernen Staat / Benz A. (ed.). Governance: Regieren in komplexen Regelsystemen. Eine Einführung. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. Pp.65-76; Scharpf F.W. Governing Europe: Effective and Legitimate? Oxford: Oxford University Press, 1999. – 243 p.

связями акторов и институтов, а процессы суть «способы *социальной* координации, с помощью которых субъекты корректируют свое поведение»⁸⁶. При этом, в отличие от административной координации иерархического типа, осуществляемой государственными институтами, неиерархическая (переговорная) координация, напротив, основана на добровольном подчинении. И система управления ЕС есть как раз такой пример сочетания межправительственных переговоров и политической конкуренции, осуществляемых в иерархии наднациональных институтов⁸⁷.

Активно исследуется проблема *многоуровневого* управления интегрирующихся межгосударственных объединений, включая представление управленческих структур региональных, международных, межгосударственных, национальных и субнациональных организаций и объединений разного типа, как *социальных институтов*⁸⁸. Л. Хуг, Т. Ленц и Г. Маркс обобщают полученные результаты в пяти тезисах: управление международными организациями имеет как формальную, так и неформальную основу; основывается на договоренностях; их структуры и процессы принятия решения описываются социальными, политическими и функциональными факторами⁸⁹.

В попытке отстоять неофункционализм, Ф. Шиммельфениг исследует, почему два крупнейших, по его мнению, кризиса, которые пережил Европейский Союз – в связи с введением единой валюты (евро) и единого визового пространства (Шенгенское соглашение), имели сходные структурные причины, но привели к существенно разным результатам: в то время как кризис по поводу евро подтолкнул к значительному углублению интеграции, шенгенский кризис действует в противоположном направлении.

⁸⁶ Börzel T.A., Risse T. (eds.). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism.

⁸⁷ Börzel T. A. European Governance: Negotiation and Competition in the Shadow of Hierarchy // Journal of Common Market Studies. 2010. Vol.48(2), pp.191-219.

⁸⁸ См., например: Рамонова М.А. Стратегии многоуровневого управления международно-политической системой. Автореферат дис. ... кандидата политических наук. Москва, 2012. – 25 с.

⁸⁹ Hooghe L., Lenz T., Marks G. A Theory of International Organization (Transformations in Governance). Oxford: Oxford University Press, 2019.

Его объяснение состоит в том, что упомянутые реформы выявили функциональные недостатки ЕС и беспрецедентную политизацию этих тем внутри каждого государства-члена. Как неофункционалист, он полагает, что ключевой фактор интеграции имеет *экономический* характер и может быть описан как «критическая транснациональная взаимозависимость», предполагающая «непомерно высокие издержки» в случае дезинтеграции. По его мнению, европейские правительства именно так и расценили кризис евро, приложили необходимые усилия для его деполитизации с помощью дополнительного наднационального делегирования полномочий и в итоге сумели его разрешить. Такое же, наднациональное решение Шенгенского (миграционного) кризиса, который не удалось преодолеть и до сих пор, правительства полагают излишним в силу возможных слишком больших внутриполитических издержек, а именно – проигрыша правым популистским партиям⁹⁰. Однако такое объяснение как раз и согласуется с позицией *постфункционализма*, предлагающего вернуться к учету фактора внутренней политики и вообще внутренних процессов в интегрирующихся государствах.

Ведущие теоретики постфункционализма Л.Хуг и Г.Маркс также задаются вопросом: почему одни из международных организаций (МО) очень избирательны в приеме членов для интеграции, а другие нет?⁹¹ Ответ, по их мнению, заключается в ответе на три других вопроса, фундаментальных для определения сущности каждой международной организации (МО): Во-первых, конкретны, конечны или неопределенны, бессрочны цели, к достижению которых будет стремиться МО? Во-вторых, какими государствами будет управлять МО (свободно или ограничено вступление нее)? И в-третьих, чем будут управлять наднациональные институты (их политические инструменты разнообразны или ограничены только решением

⁹⁰ Schimmelfennig F. European integration (theory) in times of crisis. A comparison of the euro and Schengen crises // Journal of European Public Policy. 2018. Vol.25 (7), pp. 969-989.

⁹¹ Hooghe L., Marks, G. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // British Journal of Political Science. 2009. Vol.39 (1), pp.1-23.

конкретных задач)?⁹² В реальности многие МО имеют различные сочетания описанных характеристик. Например, большинство региональных международных организаций, таких как Сообщество развития Юга Африки (Southern African Development Community), Европейский Союз и Андское сообщество наций (Andean Community of Nations), имеют бессрочные в указанном смысле цели, а, например, НАФТА или Европейское космическое агентство – строго определенные.

Идею о ключевой значимости *внутриполитических* изменений в отдельных государствах-членах для всего интегрирующегося сообщества эти социологи иллюстрируют анализом событий уже текущего, 21-ого века, причем не столько Брексита (выхода Великобритании из ЕС по результатам общебританского референдума), сколько процессов в Венгрии и Польше, которые они охарактеризовали как *антилиберальные*. По их мнению, правоконсервативные «Фидес» в Венгрии и «Право и справедливость» в Польше пришли к власти, мобилизовав свой «националистический» электорат против «многокультурной» Европы с «многоуровневым» (управлением), к тому же манипулируя избирательным процессом, затрагивая основы либеральной демократии, включая верховенство закона и свободу прессы. Не сразу, но тем не менее, на национальном (впервые, в 2018 г. Э. Макрон) и на европейском, институциональном уровне (Комитет Европейского парламента по гражданским правам и свободам, правосудию и внутренним делам), в конце концов, появились критические высказывания в отношении руководства этих стран, что Л. Хуг и Г. Маркс определили, как новый европейский кризис «нелиберализма»⁹³.

Но ключевым положением этой концепции является исследование фактора *нормативности* социумов в каждом из интегрирующихся государств. Отправной точкой своего анализа Л. Хуг, Т. Ленц и Г. Маркс делают

⁹² Hooghe L., Lenz T., Marks G. A Theory of International Organization.

⁹³ Hooghe L., Marks G. Grand theories of European integration in the twenty-first century // Journal of European Public Policy. 2019. Vol.26 (8), pp. 1113-1133.

эмпирически подтверждаемый постулат о том, что в большинстве государств мира проживают (а можно добавить – и всегда проживали) различные в нормативном отношении «народы», т.е. социумы, неоднородные, состоящие из групп с разными социальными нормами – практически ни одно национальное государство никогда не могло гомогенизировать свое население в нормативно изолированный народ. Одновременно нормы этих разных в нормативном отношении групп «пересекают» границы, разделяющие государства, т.е. в других государствах живут социальные группы, придерживающиеся таких же норм. Конечно, связи между такими сообществами и между их членами гораздо слабее, чем между членами сообщества внутри каждого национального государства. Однако, в этом смысле всегда и везде в том или ином виде существуют транснациональные сообщества, имеющие потенциал совместного действия. И основной теоретический вывод этой группы исследователей состоит в том, что для решения конкретных целей возможно объединение в общем любых государств, а вот для эффективными международными организациями с бессрочными целями, т.е. *интеграционными* межгосударственными объединениями, могут стать только такие, в которые объединяются государства с *нормативно родственными народами*⁹⁴. Важно отметить в этой связи два обстоятельства. Прежде всего, Л.Хуг, Т.Ленц и Г.Маркс переходят от национального фактора к нормативному, т.е. имеют ввиду потенциал объединения не наций, разделенных актуальными границами (например, каталонцев или басков), а людей разных национальностей, проживающих в разных государствах, но придерживающихся одинаковых социальных норм (что можно назвать условием необходимости для успешной интеграции). А кроме того, и тем более в отсутствие гомогенных не только с национальной, но и с нормативной точки зрения социумов, для интеграционных процессов нет необходимости в нормативном единстве всех граждан интегрирующихся

⁹⁴ Hooghe L., Lenz T., Marks G. A Theory of International Organization.

государств, важно, что такие социальные группы там в принципе есть (что можно назвать условием достаточности для успешной интеграции). Хотя для практической интеграции важны как количественные показатели таких нормативно родственных групп, так и, что еще важнее, показатели их активности.

Вводимый постфункционализмом, как критически значимый для интеграционных процессов, фактор внутренней политики важно дополнить анализом с позиции системного подхода, поскольку системность означает не только новый эффект от взаимодействия частей, составляющих новое целое, но также и определенную зависимость системы от своих частей. По поводу самостоятельности, автономности действий государств, вступающих в разного рода союзы и тем более интеграционные объединения написано уже большое количество научной литературы, в которой классифицированы различные варианты ограничений этой самостоятельности и самого суверенитета в пользу таких союзов или их органов управления или создания механизмов выработки (компромиссных или консенсусных) решений при сохранении полного суверенитета. Однако важно отметить сам объективный характер влияния внутривнутриполитических процессов в странах-членах интеграционных объединений. И здесь представляется необходимым обращение к социологической концепции *агентности*⁹⁵ в рамках *структуры* или *агентности-структуры*.

Подробный социологический анализ термина и основных теорий агентности проводит А.М. Кучинов, среди прочих, относя к основанным на нем «активистско-деятельностным» или *structure-agency* теориям теории структуризации Э. Гидденса, морфогенеза М.С. Арчер, габитуса П. Бурдьё, коммуникативного действия Ю. Хабермаса, культуральной социологии Дж. Александера и даже (с оговоркой «условно») акторно-сетевую концепцию Б.

⁹⁵ Сформулированный на английском языке, этот термин переводится на русский по-разному, в т.ч. как «агенство», «агентивность», а также «действие», «действенность», «деятельность» и проч.

Латура и фрейм-анализ И. Гофмана⁹⁶, имеющих истоки в концепциях Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Маркса, Т. Парсонса и других. С.А. Кравченко обобщает ее основные социологические определения следующим образом: «агентство – *agency* – 1) по Э. Гидденсу – проявление рефлексивности социальных структур или акторов, что способно трансформировать социальные образования за счет намеренных или непреднамеренных его последствий...; 2) по З. Бауману – постмодернистская реальность обретает качество текучести, соответственно, новым объектом исследования становится активность как социальных структур, так и индивидов, предрасположенных к смене своей идентификации. А. проявляется в том, что коллективные и индивидуальные акторы обретают свободу в выборе институциональных целей; ... 4) по Дж. Александру – аналитическое измерение действия, включающее созидательность, спонтанность и непредсказуемость»⁹⁷.

Б. Браун, С. Шиндлер и Т. Вилле концентрируют свое внимание на определении агентов, которые действуют в международных отношениях, рассматривая агентность с позиций постструктурализма, перформативного подхода и теории акторных сетей. По их мнению, проблемы современных ТМО во многом обусловлены тем обстоятельством, что каждое *исследование* начинается с предположения, что те или иные агенты в международных отношениях существуют, вместо того, чтобы исследовать, что они из себя представляют и как возникают⁹⁸. А ведь еще А. Вендт, критически рассматривая применительно к международным отношениям неореализм и теорию мировых систем, обращал внимание на то, что, несмотря на свои претензии быть «структурными» ТМО, они используют очень разные

⁹⁶ Кучинов А.М. Современные теории *structure-agency* и русская социология // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 4. Ч.3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/04/9598> (дата обращения: 14.09.2020).

⁹⁷ Кравченко С. А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами). М.: МГИМО-Университет, 2011. С.7.

⁹⁸ Braun B., Schindler S., Wille T. Rethinking agency in International Relations: performativity, performances and actor-networks // *Journal of International Relations and Development*. 2019. Vol.22, pp.787-807.

понимания структуры и системы, которым, в любом случае, не хватает социологичности. Их теоретические неудачи он видит в неспособности признать «взаимно конституирующую природу человеческих агентов и системных структур», а потенциал развития – в привлечении социологического решения проблемы агент-структура⁹⁹.

На этих основаниях и для целей данного исследования определим «агентность» как *способность* социальных акторов в тех или иных пределах действовать *независимо*, делать свой собственный выбор, оставаясь при этом в рамках определенной социальной структуры, определяющей и ограничивающей его действия. И кроме диалектического баланса между внешне-и внутривполитическими факторами, влияющими на решения, принимаемые социальными акторами-агентами по международной повестке, их собственные субъективные решения также формируются диалектически – под влиянием как рациональных, осмысленных мотивов, так и неосознаваемых, не говоря уже о непредвиденных последствиях и рисках.

Таким образом, в современной научной литературе, посвященной проблемам интеграции, большое место занимают работы, авторы которых понимают под интеграцией самые разные формы социального взаимодействия, основными из которых являются социальная интеграция детей и подростков в общество, реинтеграция людей, попавших в трудную жизненную ситуацию и т.п., а в межгосударственных отношениях – интеграция (в некоторых случаях ассимиляция) мигрантов в принимающие социумы других стран, экономическая и военно-политическая интеграция. Тем не менее, с вышеизложенных позиций представляется возможным и в рамках исследования международных, межгосударственных отношений обоснованно разграничивать интеграционные процессы от традиционного международного, межгосударственного, регионального сотрудничества, в которых интеграционная терминология также широко используется (и тем

⁹⁹ Wendt A. The agent-structure problem in international relations theory // International Organization. 1987. Vol. 41(3), pp. 335-370.

более от использования этого понятия в микросоциологии, социологии малых групп и проч.). Например, продолжая интеграцию своих членов и даже приём новых, Европейский Союз в тоже время разработал для своих соседей целый набор программ сотрудничества – не интеграции (!): на официальном сайте Европейской Комиссии, на странице «Европейская политика соседства и переговоры о расширении», наряду с «Восточным партнерством» фигурируют также «Южное соседство» (включает десять стран-партнеров: Алжир, Египет, Израиль, Иорданию, Ливан, Ливию, Марокко, Палестину, Сирию и Тунис), «Добрососедское сотрудничество» и «Приграничное сотрудничество»¹⁰⁰. Из определений, которые используются в официальных текстах, можно вообще заключить, что «интеграция», «партнерство», «ассоциация» и даже «соседство» рассматриваются, в общем, как синонимы: «Восточное партнерство представляет собой восточное измерение Европейской политики соседства. Оно имеет своей целью укрепление политической ассоциации и экономической интеграции между ЕС и восточноевропейскими странами-партнерами»¹⁰¹.

Похожая ситуация и в других регионах – в АСЕАН Восточный Тимор и Папуа-Новая Гвинея имеют статус наблюдателей; с КНР, Японией и Южной Кореей установлен диалог с целью углубленного взаимодействия, который постепенно расширяется включением в него Индии, Австралии, Новой Зеландии, России и США. Различный характер и цели имеют и межгосударственные образования с участием Российской Федерации – Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Союзное государство (СГ).

¹⁰⁰ European Neighbourhood Policy And Enlargement Negotiations. [Electronic resource] // https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/node_en. (дата обращения: 04.11.2020).

¹⁰¹ Восточное партнерство. [Electronic resource] // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/30602/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE. (дата обращения: 04.11.2020).

Итак, формирующиеся в большинстве процессов международного сотрудничества объединения представляют собой, в основном, не интеграционные проекты, а международные организации с разной четкости определенными задачами. Они часто подвергаются критике с самых разных позиций, в основном за неэффективность, которую обосновывают, как правило, набором слишком разных участников (по своему существу, и, следовательно, целям). В этой связи, и в дополнение к аргументу Л. Хуг, Т. Ленца и Г. Маркс о возможности интеграции при наличии фактора транснациональной нормативности, приведем положения одного из самых новых постфункциональных же подходов – разработанной Т. Берзель и Т. Рисс *постфункциональной концепции сравнительного регионализма*. Эта концепция, по мнению ее авторов, объясняет любые процессы региональной интеграции, но главное для рассматриваемой проблемы – случаи, когда возможности государства устанавливать правовые нормы и обеспечивать их соблюдение ограничены, гражданское общество слабо институционализировано, и ни акторы, прежде всего, экономические, ни само государство реально не ограничены верховенством закона¹⁰². Концепция рассматривает три блока: «во-первых, функциональные требования регионализма, проистекающие в основном из взаимозависимости в сфере безопасности и стремления к стабильности режима; во-вторых, обеспечение региональной интеграции через усилия элиты по построению региональной идентичности, находящей отклик в массовом общественном мнении; и, наконец, распространение институциональных структур по регионам»¹⁰³. Краткое объяснение причин создания региональных объединений отсюда следующее: у каждого регионального объединения *причины разные*, а именно – управление экономической взаимозависимостью, борьба с (нетрадиционными, новыми) угрозами безопасности и обеспечение стабильности, выживания режима. Анализируя эти различные факторы (а

¹⁰² Börzel T.A., Risse T. (eds.). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism.

¹⁰³ Ibid.

также и внешние факторы для каждого региона и страны), Т. Берзель и Т. Рисс формулируют ответы на вопросы: почему одинаковые степени экономической взаимозависимости могут приводить к различным региональным результатам? С точки зрения сравнительного регионализма, внерегиональные экономические отношения, взаимозависимость в сфере безопасности и стремление к стабильности режима (причем как демократического, так и авторитарного) в конкретных условиях оказываются более важными факторами регионализма, чем внутрорегиональная экономическая взаимозависимость... этим можно объяснить (неудачи) опыта Латинской Америки, Африки к югу от Сахары, Юго-Восточной Азии и даже Европы¹⁰⁴. Из-за отсутствия решительных политических действий и дискурса региональной идентичности со стороны элит, не происходит интеграции в Восточной Азии и Северной Америке, несмотря на их очень высокую степень экономической взаимозависимости. Одним из наиболее показательных примеров в пользу такого подхода является вообще дезинтеграция России с Прибалтикой и, особенно, с Украиной, экономики которых в течение десятилетий составляли единое целое, и, согласно функционализму и неофункционализму, должны были ли бы служить прочной основой, если не единого государства, то сильной региональной интеграции, во всяком случае. Столь же показательны в этом смысле и попытки блокирования в, как правило, тактических целях, некоторых стран постсоветского пространства без участия России, которые не имеют интеграционного характера. Среди них, в частности, Организация за демократию и экономическое развитие (ГУАМ, создана в 1997 г., объединяет Азербайджан, Грузию, Украину и Молдавию (с 1999 по 2005 гг. также Узбекистан), которая кроме экономических (альтернатива сотрудничеству с Россией) и политических (противостояние влиянию России) целей, заявляет и о развитии культурных связей¹⁰⁵. Однако

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ См., например: Протокол о сотрудничестве в области культуры государств-членов Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ на 2007-2010 годы. [Электронный ресурс] URL: <https://guam-organization.org/protokol-o-sotrudnichestve-v-oblasti-kultury-gosudarstv->

результаты деятельности этой организации весьма скромные, не говоря уже об интеграционной проблематике. Напротив, несмотря на критику, создание различных вышеупомянутых межгосударственных объединений с участием России, обоснованы не только стремлением восстановить нарушенные после распада СССР экономические связи и создать новые, но также и противостоять развитию ситуации в сторону нарастания напряженности международной ситуации, появлению новых угроз, которые ощущают и объединяющиеся с Россией другие страны. В случае России и ее соседей действует также и фактор транснациональной идентичности.

Таким образом, подход, включающий изучение взаимодействия глобальных, внешних, и локальных, внутренних факторов, позволяет определить природу наблюдаемого регионализма и характер его институтов. Эффективная региональная интеграция, как показывают Т. Берзель и Т. Рисс, предполагает *активность* (выделено нами – Р.М.) правящих элит, причем имеющих «про-региональную» идентичность (т.е. обладающие транснациональной нормативностью), в построении сообщества, которое находит отклик у (транснациональной же) идентичности граждан и генерирует общественную поддержку трансграничным институтам интеграции, выходящей за рамки межправительственного сотрудничества¹⁰⁶.

chlenov-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam-na-2007-2010-gody/ (дата обращения: 12.01.2021); Стратегия развития отраслевого сотрудничества ГУАМ. [Электронный ресурс] URL: <https://guam-organization.org/strategiya-razvitiya-otraslevogo-sotrudnichestva-guam/> (дата обращения: 12.01.2021).

¹⁰⁶ Börzel T., Risse T. Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // Journal of European Public Policy. 2019. Vol. 26(8), pp. 1231-1252.

1.2. Методологические подходы к исследованию социокультурных аспектов в евразийских интеграционных процессах

Переход к неофункционализму в контексте социологизации подходов к международным отношениям, включая использование рефлексивной социологии, означали смещение фокуса исследований и политической практики с экономических и политических аспектов межгосударственной интеграции к социогуманитарным. Межгосударственная интеграция стала описываться в категориях международного гуманитарного сотрудничества и *социокультурной* интеграции, определяемой, в частности, Савченко И.А., как «особый тип взаимоотношений в этногетерогенном сообществе... в силу того, что предполагает культурный обмен между общностями с сохранением и развитием социальных характеристик взаимодействующих культур. Такая интеграция подразумевает, одновременно, объединение и социокультурную дифференциацию этносов»¹⁰⁷. Объектами такой интеграции рассматриваются уже не государства, а «социальные акторы, испытывающие институциональные воздействия, опосредованные восприятием системного, социального и жизненного мира, находящиеся под влиянием существующих в окружении многообразий социокультурных образцов, которые определяют типичность актора»¹⁰⁸. При всей объективности процесса, он полагается и в определенной степени управляемым, так что стратегическими *целями* социокультурной интеграции является «достижение внутренней координации элементов общества как социокультурной системы посредством конкретизации и интернационализации идей и ценностей общества и его социальных акторов»¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Савченко И.А. Социокультурная интеграция и дезинтеграция современных многоэтнических сообществ. Автореферат доктора социологических наук. Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. – 36 с. С. 1.

¹⁰⁸ Маслова Т.Ф. Социокультурная интеграция как социальный процесс // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2006. Т.68, вып.13. С. 275-279. С. 278.

¹⁰⁹ Там же. С. 278.

В поисках оснований для теперь уже социокультурной интеграции, а также для измерения ее хода и результатов, в частности, социокультурных аспектов, произошло обновление концептуализации «социальной сплоченности». В общем смысле «сплоченность» (англ. cohesion¹¹⁰, фр. cohésion¹¹¹) определяется сегодня в словарях как «единство», «связь» и т.п. Но в перечислении смыслов, описываемых этим понятием, также присутствуют и такие, принципиально важные для рассматриваемой проблемы, как «согласованность», «взаимозависимость» (англ. и фр.) и даже «единодушие» и «организованность» (рус. – в отношении коллектива)¹¹². Т.е. в социологическом смысле речь идет об особой связи, особом единстве, которое можно охарактеризовать как динамическое, становящееся, и не только реактивное (взаимозависимость), но и активное (согласованность, организованность). В собственно социологии впервые об этом стал писать еще Э. Дюркгейм: «...мы приходим к осознанию новой причины, которая делает разделение труда источником социальной сплоченности. Как мы уже говорили, он объединяет людей не только потому, что ограничивает активность каждого, но и потому, что увеличивает ее»¹¹³. Правда, основными категориями в этом контексте у него были социальные «солидарность» и «интеграция», как затем и у многих других, в частности, Р. Мертона, которые развивали эти идеи. Но важным именно у Р. Мертона стал вывод о социологически понимаемом «существовании» акторов друг для друга не на основании непосредственного восприятия (например, проживания поблизости, которого якобы достаточно для установления и близких социальных отношений), а вследствие *доверия* к Другому, восприятие которого является функцией от возникающего доверия, которое, «в свою очередь, было функцией

¹¹⁰ Cohesion. Oxford Living Dictionaries. [Электронный ресурс] URL: <https://www.lexico.com/definition/cohesion> (дата обращения: 14.02.2019).

¹¹¹ Cohésion. Larousse Dictionnaire. [Электронный ресурс] URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/coh%C3%A9sion/17019> (дата обращения: 14.02.2019).

¹¹² Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949.

¹¹³ Émile Durkheim. De la division du travail social. P.: Félix Alcan, 1893. P.442.

социальной сплоченности»¹¹⁴. Между тем, этот социолог исследовал социальную сплоченность (как и интеграцию) акторов и их групп в основном, в таком едином социуме, как национальное государство. Отсюда и его выводы, например, о дисфункциональности социализации индивида в открытой социальной системе для сплоченности группы и слоя, к которым он принадлежит, вследствие «отступничества» от морали этих групп при переходе к другим ценностям других групп¹¹⁵. Кроме того, в этом же контексте он выделяет и конформизм, как один из возможных вариантов социализации, и неконформизм, и групповое отчуждение. Однако Р. Мертону удается преодолеть стереотипы, возникшие, по его мнению, из-за слишком поспешных выводов и на основании весьма ограниченного материала, которые он сводит к обобщающему тезису У. Самнера о якобы неизбежном сочетании внутренней сплоченности группы с направленной вовне враждебностью¹¹⁶. Новые исследования позволили критически переосмыслить эту якобы данность и заявить о том, что такой (безусловно, существующий) феномен, как минимум, не единственный. Р. Мертон показывает критическую необходимость учета *позитивной* ориентации акторов также на ценности других групп, подгруппами которых – более обширных социальных институтов – они, как правило, являются. Отсюда он делает вывод о возможности обнаружения тенденций к межгрупповой интеграции, которое затрудняется «социально обусловленной невнимательностью» социологов, сосредоточенных часто на процессах только социальной дифференциации¹¹⁷. Отметим, что, если такое объяснение представляется валидным в отношении коммуникации членов групп внутри одного государства, то в том, что транснациональной нормативной идентичности и сплоченности, то она возникает и развивается по мере

¹¹⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С. 216.

¹¹⁵ Там же. С. 410.

¹¹⁶ Sumner W.G., Keller A.G. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. Boston: Ginn & Company, 1906. Pp.12-13.

¹¹⁷ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С.449-450.

расширения и учащения транснациональной же *коммуникации*, сегодня *электронной*. Хотя эти же средства коммуникации используются и с иными целями, в частности, для поддержания сплоченности с покинутыми сообществами (эмигрантами с социумами своих стран происхождения). Но для межгосударственной интеграции важна возможность и действительное применение их для нахождения единомышленников, нормативно родственных групп, установления и развития связей с ними, а затем и движения к интеграции.

В этой связи важным аспектом для обоснования концепции социальной сплоченности является *рациональность*, как условие взаимопонимания акторов. После Второй мировой войны в попытке разрешить новый виток социального кризиса, усиливаемый ростом идеологического противостояния холодной войны и бурным развитием коммуникационных и компьютерных технологий, Ю. Хабермас предложил выработку социального консенсуса посредством собственной концепции коммуникации. Подходам «технотронной» рациональности, «интеллектуальному» компьютерному управлению обществом и даже его «программированию», он противопоставил *коммуникативную рациональность*, как диалог для взаимопонимания и достижения согласия на основании некоторых общих для всех акторов целей и, следовательно, осознания взаимных прав и обязанностей, порождающего в итоге солидарность¹¹⁸. При всем, можно сказать, наивном, но несомненном человеколюбии этого социального философа, принципиальное значение имеет его утверждение *обязательности рациональности* для построения социальных отношений, вместо обращения к нерациональным (сакральным, мифологизированным и проч.) формам, используемых для формирования и поддержания социальной сплоченности¹¹⁹.

¹¹⁸ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. / Юрген Хабермас; Под ред. Д.В. Скляднева. - Санкт-Петербург: Наука, 2000. – 377 с.

¹¹⁹ См.: Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. 1993. № 2. С. 123-136.

В пространном философско-социологическом анализе подходов к концептуализации социальной сплоченности М. Форсе и М. Пароди выделяют следующие:

1. *Справедливость* как основа социальной сплоченности. Сформулирована на основании идеи *солидарности* Э. Дюркгейма как осознания общей судьбы, оформляемой в правовых нормах, поддерживающих социальный порядок *координацией* действий и рефлексией акторов, совместно предвидящих свои взаимодействия. С развитием общества происходит переход от основанной на слабом разделении труда, сходстве личностей и их понимания хорошей жизни «механической солидарности» к «органической солидарности», обусловленной сильным разделением труда, при котором больше нет согласия относительно того, какой должна быть хорошая жизнь, а социальная сплоченность становится основанной на потребности в справедливости¹²⁰. Современная критика такого подхода состоит (например, Ф. Дюбе) в утверждении перехода от «республиканской» модели социальной интеграции, организованной «вертикально» – государством и вокруг государства к «горизонтальной», формируемой в основном гражданским обществом, причем все более локально¹²¹. Широко цитируемая концепция Дж. Ролза о построении «хорошо организованного общества» также предполагает для достижения социальной сплоченности рациональную выработку общественной концепции справедливости, которую затем социум и осуществляет¹²². При этом показателем социальной сплоченности М. Форсе и М. Пароди считают не просто наличие социального порядка, а его признание гражданами легитимным¹²³.

Но, например, Т.З. Козлова рассматривает солидарность с трех позиций, определенных как основные в современной социологии Р. Коллинзом¹²⁴:

¹²⁰ Durkheim É. De la division du travail social. P.: Félix Alcan, 1893. P.382.

¹²¹ Dubet F. Le travail des sociétés. P.: Le Seuil, 2009. – 348 p.

¹²² Rawls J. Théorie de la justice. P.: Le Seuil, 1987. – 667 p.

¹²³ Forsé M., Parodi M. Une théorie de la cohésion sociale. The Tocqueville Review/La revue Tocqueville. 2009, Vol. 30 (2), pp.9-35.

¹²⁴ Collins R. Three Sociological Traditions. N.Y.: Oxford University Press, 1985. – 272 p.

дюркгеймовской (так называемая «социологическая традиция»); марксистской («конфликтологическая» традиция) и интеракционистской (символический интеракционизм Н. Лумана и т.п.). В дополнение к рассмотренным идеям Э. Дюркгейма и солидарности, определяемой К. Марксом как объединение угнетаемых для революционного преобразования общества, она делает вывод относительно последнего направления, как обосновывающего солидарность в современном мире в виде «своего рода суррогата прежней солидарности: она не может привести к революции, а выливается лишь в такие знаки протеста, как забастовки и митинги»¹²⁵.

2. Оценка *реальной социальной сплоченности относительно идеальной*. Предполагает измерение и оценку недостатков текущего социального порядка в сравнении с идеальным хорошо организованным обществом, но также и главным образом – способности граждан самостоятельно производить представление о таком обществе, что и является индикатором наличия социальной сплоченности, интегрированности людей в общество. Отсюда и два аспекта социальной сплоченности – социальное *состояние*, которое мы наблюдаем, и *процесс* обсуждения, что изменить в этом состоянии, причем «каждый (аспект) является условием другого»¹²⁶.

3.2 Социальная сплоченность как *процесс*. Для выработки гражданами концепции хорошо упорядоченного общества, прежде всего, важно признание достоинства и свободы мысли каждого человека, т.е. плюрализма представлений о благе (конечно, речь все время о рациональных идеях, а не спонтанных, эмоциональных желаниях, кроме того, «либерально «отфильтрованных», как выражаются эти социологи, т.е. упорядоченных в соответствии с принципом, «чтобы свобода одного человека закончилась там, где начинается свобода другого»), и признание прав человека, среди которых для данной проблемы основным является равенство участия граждан в

¹²⁵ Козлова Т.З. Проблема солидарности в трех социологических традициях // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 116-119.

¹²⁶ Forsé M., Parodi M. Une théorie de la cohésion sociale // The Tocqueville Review/La revue Tocqueville. 2009, Vol. 30 (2), pp.9-35.

обсуждениях (которое и основано на вышеупомянутом признании). Тогда элементами социальной сплоченности как процесса являются *признание, принадлежность и легитимность*. Эти аспекты входили и в список Дж. Дженсон 1998 г., в котором были также аспекты включения и участия¹²⁷. Однако М. Форсе и М. Пароди считают, что их можно включить в аспекты, соответственно, принадлежности и признания.

3.3 Социальная сплоченность как *состояние* подразумевает содержательное определение хорошо организованного общества. При этом, наряду с *единством*, построенном на общих ценностях или консенсусе, в социуме существует и *разделение*, которое, напротив, многообразно – от неравенства распределения ресурсов, дискурсивной власти и социального влияния до языковых конфликтов, сегрегации, дискриминации по различным основаниям и проч. Однако, по мнению М. Форсе и М. Пароди, такое положение, как и его обсуждение, отражающие существование людей с разными точками зрения, означает только, что социальная сплоченность не может быть сведена в строгом смысле слова к социальному миру. Поэтому они определяют ее не как «отсутствие конфликта, а то, что позволяет этим конфликтам оставаться в разумных рамках и разрешаться в соответствии со справедливостью, а не по закону сильнейших»¹²⁸.

В своем обзоре концепций социальной сплоченности Е.Р. Ярская-Смирнова и В.Н. Ярская перечисляют подходы к ее определению, как социального капитала (Р. Патнэм), как солидарности (Э. Дюркгейм), как приверженности общему благу; как ресурс власти; как взаимную выгоду (Г.-Э. Галабузи и Ш. Тилаксингх); как чувство принадлежности и признания (Дж. Дженсон), как ресурс взаимопонимания (Ю. Хабермас); как равенства и инклюзии (Г. Огилви и А. Эгглтон). В итоге эти социологи делают вывод, что концепция социальной сплоченности, развивая идеи Э. Дюркгейма и Т.

¹²⁷ Jenson J. Op.cit.

¹²⁸ Forsé M., Parodi M. Une théorie de la cohésion sociale // The Tocqueville Review/La revue Tocqueville. 2009, Vol. 30 (2), pp.9-35.

Парсонса, «интегрирует понятия солидарности, сообщества и аффилиации, а также социальной справедливости, инклюзии и прав человека, социального капитала, публичной сферы и жизненного мира»¹²⁹.

Несмотря на такое разнообразие точек зрения и теоретические сложности их описания, страны, интегрирующиеся в Европейский Союз, почти с самого начала стали использовать понятие социальной сплоченности как в своих основополагающих, юридических, так и в прикладных документах, программах. Причем, следствием таких теоретических трудностей и недоработок стала необходимость практически сразу после начала практической реализации соответствующих программ начать их уточнение.

Понятие социальной сплоченности было введено уже в Римском договоре 1957 г.¹³⁰, общепризнанном как основополагающий документ¹³¹ для современного Европейского Союза, и затем переходило в его последующие версии. В нем есть целый «Раздел XVII. Экономическое и социальное сплочение» из пяти статей, из которых, можно сделать вывод, что социально-экономическое сплочение понимается как, в частности, деятельность, с целью сократить «разрыв между уровнями развития различных регионов и уменьшить отставание регионов или островов, находящихся в наименее благоприятных условиях, включая сельские районы», имея ввиду обеспечения «гармоничного развития в целом» (статья 158). Инструментами этой деятельности объявлялись специализированные «структурные фонды (Секция гарантий Европейского фонда ориентации и гарантий в области сельского хозяйства; Европейский социальный фонд; Европейский фонд регионального

¹²⁹ Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 41-61.

¹³⁰ Официальное название – «Договор, учреждающий Европейское экономическое сообщество», подписанный в Риме 25 марта 1957 г.

¹³¹ Основными международно-правовыми документами Совета Европы, используемыми для выработки политики относительно социальной сплоченности, являются Европейская социальная хартия 1961 г. (с изменениями 1991 г.) и Европейский кодекс социального обеспечения 1964 г. (с изменениями в 1990 г.).

развития), Европейский инвестиционный банк» и другие (статья 159), а также Европейский фонд регионального развития, нацеленный на «устранение основных региональных диспропорций в Сообществе путем участия в развитии или структурной перестройке регионов, отстающих в развитии, и в конверсии индустриальных районов, находящихся в упадке» (статья 160), и «Фонд сплочения», который «будет финансировать проекты в области окружающей среды и создания трансъевропейских сетей в сфере транспортной инфраструктуры» (статья 161)¹³². В действующей в настоящее время версии Договора, поменялась не только нумерация (теперь это Раздел XVIII, включающий статьи с 174 по 178), но, и расширилось содержание – теперь используемая по этому вопросу формулировка звучит как «экономическая, социальная и территориальная сплоченность»¹³³. В 1994 г. был сформирован Фонд сплоченности.

Крупной вехой в этом контексте стало внеочередное заседание Европейского совета в 2000 г. в Лиссабоне, которое было заявлено как «стратегический» ответ на «новый вызов», с которым столкнулся Европейский Союз, «переживающий огромные потрясения, вызванные глобализацией и проблемами, присущими новой экономике, основанной на знаниях. Эти изменения затрагивают все аспекты жизни каждого человека и требуют радикальной трансформации европейской экономики. Союз должен подходить к этим изменениям в соответствии со своими ценностями и концепцией общества...». Ответ на этот вызов был сформулирован как программа осуществления к 2010 г. «укрепления занятости, экономических реформ и социальной сплоченности в рамках экономики, основанной на знаниях», а средством предлагалось создание и развитие инфраструктуры,

¹³² Договор, учреждающий Европейское Сообщество (Рим, 25 марта 1957 г.) (консолидированный текст с учетом Ниццких изменений от 16 апреля 2003 г.) [Электронный ресурс] URL: https://eulaw.ru/treaties/teuratom_edit/ (дата обращения: 12.02.2021).

¹³³ Traité sur le fonctionnement de l'Union européenne (version consolidée). 26.10.2012. [Electronic resource] // Journal officiel de l'Union européenne C. Pp. 326-390. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT> (дата обращения: 12.02.2021).

включая социальное обеспечение и образование¹³⁴. Почти сразу в решения, принятые в Лиссабоне стали вноситься коррективы (начиная с 2001 г., когда был добавлен экологический аспект, а затем были даже выделены этапы: 1-й с 2000 по 2005 гг. и 2-й с 2005 по 2008 гг.). Этот пакет документов в целом стал неофициально называться «Лиссабонской стратегией» (Lisbon Strategy, а также «Лиссабонской повесткой», Lisbon Agenda и «Лиссабонским процессом», Lisbon Process). В 2010 г. на следующие 10 лет была принята новая стратегия развития «Европа 2020»¹³⁵. Однако для согласования в ее рамках исполнительной программы по социальной и другой сплоченности потребовалось два года трудных переговоров, и только в самом конце 2013 г. Европейский Совет и Европейский Парламент одобрили бюджет в почти 352 млрд. евро (32,5% бюджета ЕС) на осуществление «Политики сплочения 2014-2020» (EU Cohesion Policy 2014-2020)¹³⁶. «Европа 2020» начинается непосредственно с социальной сплоченности, но речь идет, в основном, только об экономических факторах. Сплоченность находится под давлением из-за безработицы и других проблем, с которыми столкнулась европейская экономика, переживающая кризис, и проч. Отсюда ключевые задачи создания большего количества рабочих мест и улучшения жизни. И у Европы есть для этого много сильных факторов, в частности, «талантливые кадры, мощная технологическая и производственная база, ... внутренний рынок и единая валюта, ... социальная рыночная экономика». При этом дело запутывается перечислениями вроде необходимости построения «умной, устойчивой и инклюзивной экономики, обеспечивающей высокий уровень занятости, производительности и социальной сплоченности»¹³⁷, что, по мнению авторов документа, вероятно, должно подчеркнуть не экономический характер

¹³⁴ Conclusions de la Présidence. Conseil Européen, Lisbonne 23 et 24 mars 2000. [Electronic resource] // https://www.europarl.europa.eu/summits/lis1_fr.htm#1

¹³⁵ EUROPE 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. [Electronic resource] // <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

¹³⁶ Available budget 2014-2020. [Electronic resource] // https://ec.europa.eu/regional_policy/en/funding/available-budget/ (дата обращения: 08.02.2021).

¹³⁷ EUROPE 2020.

социальной сплоченности, а ее обоснованность экономическими факторами (есть работа, доход, растет и сплоченность в социуме).

Не очень получается выходить за экономические рамки при определении социальной сплоченности и у европейских законодателей. В настоящее время на официальном сайте Европейского парламента на отдельной странице «Экономическая, социальная и региональная сплоченность» изложено, что Европейский Союз укрепляет эту свою сплоченность, «чтобы способствовать гармоничному развитию на всей своей территории», и, в частности, «для сокращения разрыва между уровнями развития различных регионов», уделяя особое внимание все тем же «сельским районам, районам, переживающим перестройку промышленности, и регионам, которые страдают от серьезных и постоянных природных или демографических проблем, таким как самые северные регионы с очень низкой плотностью населения, а также островные, трансграничные и горные районы»¹³⁸. Политика сплоченности в целом заявлена как «одна из основных целей» и «основная инвестиционная политика (Европейского) Союза, которая приносит пользу всем регионам и городам Союза и поддерживает экономический рост, создание рабочих мест, конкурентоспособность бизнеса, устойчивое развитие и охрану окружающей среды». Проводится эта политика через соответствующие европейские структурные и инвестиционные фонды и банки. Кроме развития инфраструктуры (транспорта, связи, энергетики, образования и проч.), речь идет о борьбе с безработицей, увеличении количества и качества трудовых ресурсов, повышении уровня жизни, которые, как полагается, являются следствием управляемого сбалансированного (т.е. выравнивающего диспропорции) экономического развития. В том числе и указываемые в этом контексте Фонд сплоченности и Фонд солидарности финансируют соответственно – «проекты в области окружающей среды и

¹³⁸ Cohésion économique, sociale et territoriale. Parlement européen. Fiches thématiques sur l'Union européenne. [Electronic resource] // <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/fr/sheet/93/cohesion-economique-sociale-et-territoriale> (дата обращения: 06.02.2021).

трансевропейских сетей в государствах-членах с валовым национальным доходом на душу населения ниже 90% от среднего по Союзу», и государства-члены или готовящиеся к вступлению в Союз «в случае крупного стихийного бедствия»¹³⁹.

В мае 2018 года была начата работа по формированию «политики сплоченности» Европейского Союза на 2021-2027 гг. Вместо 11 целей для периода 2014-2020 гг. было предложено 5 – все экономико-инфраструктурного характера, за исключением одной – стремления к «более социальной Европе, воплощающей европейские основы социальных прав»¹⁴⁰. Таким образом, можно сделать вывод о, прежде всего, *экономическом* смысле, вкладываемом в этот понятие в рассматриваемых документах, о фундаментальной идее, что экономическое развитие, обуславливаемое, в свою очередь, развитием инфраструктуры, является условием и инструментом всех остальных составляющих развития, включая социальное. Т.е. в реальной социально-экономической политике руководители ЕС под социальным сплочением понимают и осуществляют выравнивание уровня жизни граждан по всей своей территории, инвестируя в инфраструктуру, чтобы косвенно помочь им увеличить свои доходы, доступ к разным услугам, объектам и проч., или прямо их *дотируя*. Иными словами, можно говорить о реализации социальной сплоченности/солидарности как некоторой формы перераспределения ресурсов через инфраструктурные проекты. А. Бонгард и Ф. Торрес, описывая через десятилетие Лиссабонскую стратегию для оксфордского справочника по Евросоюзу, отметили, что ее *экономический* аспект заключался в создании «основы для перехода к конкурентоспособной, динамичной экономике, основанной на знаниях», а *социальный* – в «модернизации европейской социальной модели, инвестировании в человеческие ресурсы и борьбе с социальной изоляцией» (позднее был также

¹³⁹ Ibid.

¹⁴⁰ Ibid.

добавлен *экологический* аспект)¹⁴¹. Т.е. акцент сделан даже не на социальном мире между наемными работниками и покупающей их труд элитой, а на солидарности с «атомизированными» индивидами, прежде всего, длительно безработными по тем или иным причинам.

Несмотря на свой иной статус – политического института с широкой и, преимущественно, консультативной повесткой, подобным образом подходит к этой проблеме и Совет Европы (Россия входит в него с 1996 г.). Правда, именно этой международной организацией была предпринята попытка пересмотреть исключительно экономическое содержание «социальной сплоченности», опираясь на заявленные фундаментальные принципы – реализацию прав человека, демократию и верховенство закона. В итоговом документе своего первого саммита («Венская декларация» 1997 г.), в частности, была выражена «обеспокоенность ухудшением экономической ситуации, которое угрожает сплоченности европейских обществ, порождая формы исключения, способные усилить социальную напряженность и проявления ксенофобии», и подчеркнута «важность обязательств, принятых в рамках Социальной хартии Совета Европы и Европейского кодекса социального обеспечения» с «целью содействия сплочению наших обществ»¹⁴². Декларация по итогам второго саммита Совета Европы (на тот момент, в 2000 г. объединявшего 41 европейское государство) содержала уже целый раздел (II. Социальная сплоченность), в котором Комитету министров было поручено определить «новую стратегию социальной сплоченности» как механизм «реагирования на вызовы общества и провести соответствующие структурные реформы в Совете Европы, включая создание специализированное подразделение для мониторинга, сравнения и решения

¹⁴¹ Bongardt A., Torres F. Lisbon Strategy / The Oxford Handbook of the European Union. 2012 [Electronic resource] // <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199546282.001.0001/oxfordhb-9780199546282-e-33> (дата обращения: 02.05.2018).

¹⁴² Declaration of the Council of Europe's First Summit (Vienna, 9 October 1993). [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/1680536c83> (дата обращения: 06.02.2021).

вопросов, связанных с социальной сплоченностью»¹⁴³. Во исполнение этого поручения, Европейский комитет по социальной сплоченности (CDCS), сформированный еще в 1998 г., представил, а Комитет Министров в 2000 г. принял такую Стратегию. В ней указывалось, что социальная сплоченность есть «необходимое условие безопасности для демократии», и, следовательно, ее укрепление «можно рассматривать как превентивную стратегию противодействия риску возникновения социальных и политических расколов». При этом, особо было заявлено, что «Сплоченность – это идеал, который требует от нас постоянных усилий. Это цель, к которой общества стремятся, но никогда окончательно не достигают». Но, якобы, именно «отсюда и трудность ее определения», которое все же необходимо, чтобы понимать, вырабатывая стратегию, «о чем идет речь»¹⁴⁴. В попытке внести некоторую ясность, в Стратегии выражается и актуализированное видение социума, понимаемого как «результат взаимодействия центростремительных и центробежных сил, объединяющих и разделяющих, ... интересов индивида и интересов общества»¹⁴⁵. Тогда «буквально – социальная сплоченность – это то, что объединяет»¹⁴⁶ общество», и, следовательно, «все общества должны пытаться достичь разумного компромисса между этими силами». Конфликт есть необходимая константа жизни в обществе», и, следовательно, «задача состоит в том, чтобы построить общества, способные управлять конфликтами и конструктивно и творчески эволюционировать». Однако, вуалируемый таким образом социальный конфликт, неизбежный в условиях капиталистического общества, постоянно прорывается наружу и в таком документе. И когда, заявляется о необходимости «разумной экономической политики», т.е. такой, которая «не может руководствоваться только

¹⁴³ Final declaration and Action Plan of the Second Summit of Heads of State and Government of the Council of Europe (Strasbourg, 10-11 October 1997). [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/168063dced> (дата обращения: 06.02.2021).

¹⁴⁴ Stratégie de cohésion sociale. CM(2000)92 Addendum 23 juin 2000. [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/16804e27d6> (дата обращения: 06.02.2021).

¹⁴⁵ Дословно: «коллектива».

¹⁴⁶ Дословно: «цементирует».

рыночными механизмами, в противном случае вызывая разрушительные социальные последствия»¹⁴⁷. И когда, наконец, прямо указывается на исторический европейский опыт вооруженных конфликтов, в которые переросли неуправляемые социальные конфликты. Однако существование социальной сплоченности, как связывающей волю государственных властей к осуществлению подлинной политики социального прогресса и стремление граждан к большей солидарности, только декларируется (но не доказывается).

Следующая за этими и подобными рассуждениями конкретизация предлагаемых направлений деятельности приводит к выводу, что речь идет об обеспечении доступа ко все той же социальной защите – как в целом, так и в ее наиболее актуальных текущих аспектах (доступ к жилью и работе, защита детей и пожилых людей). Очевидно, отдавая себе отчет в отсутствии особой новизны в предлагаемых мерах, равно как и в их экономическом, преимущественно, содержании, авторы документа даже делают специальное замечание (п.21) о том, что данная стратегия имеет целью социальную сплоченность, а вовсе «не политику борьбы с социальной изоляцией». Объяснение разницы выглядит малоубедительно – речь, мол, о том, что следует заниматься «не только» проблемой социально исключенных людей, «но также – более амбициозной задачей – изучать способы движения к более сплоченным обществам, которые, насколько возможно, снижают риски исключения»¹⁴⁸. Т.е. речь об обращении также и к тем, от кого зависит социальная маргинализация, призыв к ним солидаризоваться с маргиналами и действовать превентивно.

31 марта 2004 г. Комитет министров Совета Европы одобрил «Новую стратегию социальной сплоченности»¹⁴⁹, в которой социальная сплоченность была переопределена как «способность общества обеспечивать благополучие всех своих членов, сводя к минимуму неравенство и избегая

¹⁴⁷ Stratégie de cohésion sociale. CM(2000)92 Addendum 23 juin 2000. [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/16804e27d6> (дата обращения: 06.02.2021).

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ A new strategy for Social Cohesion. Strasbourg: Council of Europe workshops, 2004. – 28 p.

маргинализации¹⁵⁰», а «сплоченное общество» – как «поддерживающее друг друга сообщество свободных людей, преследующих эти общие цели демократическими средствами». Подобная неопределенность привела не только к констатации необходимости «постоянного обновления» содержания этого понятия, но и к постепенному снижению интереса к нему. Последний пока, третий саммит Совета Европы упомянул о социальной сплоченности в своем финальном документе («Варшавская декларация» 2005 г.) уже сравнительно кратко и только в 7-м из 10 пунктов. Было заявлено: «Мы полны решимости строить сплоченные общества, обеспечивая справедливый доступ к социальным правам, борясь с изоляцией и защищая уязвимые социальные группы. Мы признаем важность Европейской социальной хартии в этой области и поддерживаем текущие усилия по усилению ее воздействия на формирование нашей социальной политики. Мы полны решимости укреплять сплоченность наших обществ в социальных, образовательных, медицинских и культурных аспектах»¹⁵¹. На саммите было решено образовать рабочую группу высокого уровня по определению стратегии Совета Европы по содействию социальной сплоченности в 21 веке. По итогам своей работы в 2006-2007 гг. группа представила многостраничный доклад, в котором подтвердив вышеприведенное определение Совета Европы, пояснила его – имеется ввиду «способность общества управлять различиями и (социальными) разделениями и обеспечивать средства достижения благосостояния для всех своих членов». В качестве принципов соответствующей политики были определены: «Равный доступ к правам и ресурсам с вниманием к уязвимым группам, признание достоинства индивидов, выраженного в правах человека; разделение ответственности; деятельный подход (участие и примирение);

¹⁵⁰ В переводах на русский язык встречается также «крайностей» и «поляризации», что, очевидно, предполагает также и группы, аккумулирующие богатство, в то время, как маргиналами в данном контексте обозначают только тех, кто его лишается, выпадая из общественных связей и в целом.

¹⁵¹ Warsaw Declaration of the Third Summit of Heads of State and Government of the Council of Europe (Warsaw, 16-17 May 2005). [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/09000016804e45a4> (дата обращения: 06.02.2021).

обеспечение баланса интересов (различных акторов), поколений и сфер деятельности»¹⁵². Также специально отмечено, что достижение социальной сплоченности должно осуществляться *управлением* «различиями и разделениями» в рамках *демократических* процессов и институтов¹⁵³.

Весьма своеобразна и, на наш взгляд, недостаточно научно обоснована позиция ООН по рассматриваемой проблеме. Сегодня, полагая укрепление социальной сплоченности «императивом XXI-го века», эксперты и опирающиеся на их выводы руководители ООН, во-первых, исходят из наличия такой сплоченности, и, во-вторых, полагают причинами проблем ее снижения даже не экономические, а культурные факторы. Выражая обеспокоенность «ухудшением условий конфликтов, которые угрожают уважению многообразия, инклюзивности и основным правам человека», они называют их причинами «обострение напряженности на почве идентичности», как то – «этническая и религиозная вражда, ксенофобия и крайний национализм»¹⁵⁴. Но отчего усиливаются эти факторы вместо социальной сплоченности? По мнению, например, самого Генерального секретаря, А Гутерриша, эта вызывающая беспокойство конфликтная волна «была отчасти вызвана ненавистническими высказываниями и вела к нетерпимости и насилию»¹⁵⁵. Отсюда и удивительные по наивности (но не политической целесообразности) целые «Стратегия и план действий ООН по борьбе с ненавистнической риторикой»¹⁵⁶, разработанные в 2019 году и предусматривающие специальные меры по борьбу с ксенофобскими

¹⁵² Towards an active, fair and socially cohesive Europe. Report of high-level task force on social cohesion. Strasbourg, 28 January 2008. [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/report-towards-an-active-fair-and-socially-cohesive-europe-janv-2008-t/1680939181> (дата обращения: 12.01.2018).

¹⁵³ Ibid.

¹⁵⁴ Pathways to Peace: Inclusive Approaches to Preventing Conflict. Washington, D.C.: World Bank, 2018. Pp. 11-47. [Electronic resource] // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/28337>. (дата обращения: 12.01.2020).

¹⁵⁵ Hatred «a threat to everyone» declares Guterres calling for global effort to end xenophobia and «loathsome rhetoric». [Electronic resource] // <https://news.un.org/en/story/2019/04/1037531>. (дата обращения: 12.01.2020).

¹⁵⁶ Стратегия и план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с ненавистнической риторикой. [Electronic resource] // https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/advising-and-mobilizing/Action_plan_on_hate_speech_RU.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

высказываниями в социальных сетях. В этих документах «виновницей» социальных конфликтов, но также и вообще «угрозой для демократических ценностей, социальной стабильности и мира» буквально объявлена «ненавистническая риторика», которая якобы «сама по себе является посягательством на терпимость, инклюзивность, многообразие и саму суть наших норм и принципов в области прав человека». Именно она и «подрывает социальную сплоченность, разрушает общие ценности, провоцирует насилие, препятствует делу мира, стабильности, устойчивому развитию и реализации прав человека для всех», – заявил А. Гуттериш¹⁵⁷. При этом ООН считает «укрепление социальной сплоченности» центральным элементом своих Целей устойчивого развития (ЦУР), детализируя эту сплоченность: «между гражданами и государством, а также между отдельными лицами, социальными группами и внутри последних». Способствует укреплению социальной сплоченности, необходимой для достижения 16-й ЦУР – «создания миролюбивых, справедливых и открытых обществ», «обеспечение правовой идентичности для всех лиц, борьба со взяточничеством, коррупцией и захватом власти, создание потенциала для предотвращения преступности и насильственного экстремизма»¹⁵⁸. Слабость таких подходов проявляется уже в оговорках, которыми эта организация сопровождает свои определения. Так, напоминая, что в докладе ПРООН за 2009 год утверждалось, что «социальная сплоченность — это терпимость и уважение к многообразию (с точки зрения религии, этнической принадлежности, экономического положения, политических предпочтений, сексуальной ориентации, пола и возраста) как на институциональном, так и индивидуальном уровне»¹⁵⁹, в новейшем, 2020 г. документе по этой теме зафиксировано, что «Социальная сплоченность – это

¹⁵⁷ United Nations, Department of Public Information, Secretary-General Launches United Nations Strategy and Plan of Action against Hate Speech, Designating Special Adviser on Genocide Prevention as Focal Point, PI/2264-SOC/4881. 18.06.2019. [Electronic resource] // <https://www.un.org/press/en/2019/pi2264.doc.htm> (дата обращения: 18.01.2021).

¹⁵⁸ Укрепление социальной сплоченности. Определение концептуальных рамок и основные выводы для разработки программ. Нью-Йорк: ПРООН, 2020. – 76 с.

¹⁵⁹ Community Security and Social Cohesion: Toward a UNDP Approach. 2009. P. 14.

степень доверия правительству и в обществе и желание коллективно участвовать в достижении общего видения устойчивого мира и общих целей развития». Однако эта формулировка тут же дезавуируется комментарием: «Это определение не является официальным определением термина «социальная сплоченность» в ПРООН»¹⁶⁰.

В отношении отечественных исследователей В.Д. Роик отмечает, что «по сравнению со странами Западной Европы Россия отстает в выработке критериев и механизмов для достижения социальной сплоченности. Практически отсутствуют научные и аналитические разработки данного круга вопросов, соответствующие научные центры. Тема социальной сплоченности не включена в предмет функциональной деятельности органов исполнительной власти»¹⁶¹. Сам он, в основном, разделяет позиции экспертов Совета Европы. Тем не менее, например, Е.Р. Ярская-Смирнова и В.Н. Ярская предложили следующие направления концептуализации сплоченности: «Во-первых, как системные усилия основных акторов, направляющие и ресурсно обеспечивающие благополучие населения и социальную интеграцию при помощи институциональной базы... При этом социальная сплоченность выступает одновременно и целью, и средством такой политики. Во-вторых, как степень распространенности ценностей сплоченности в обществе, что, в свою очередь во многом обусловлено стратегиями конструирования, или символического производства сплоченности, в частности, в дискурсивном пространстве СМИ и массовой культуре. В-третьих, через механизмы общенациональной и внутригрупповой мобилизации, формирования публичной сферы по проблемам сплоченности, доверия и инклюзии»¹⁶². Важным является их замечание о том, что «в современных обществах – и Россия не исключение – сосуществуют разнообразные виды социальной

¹⁶⁰ Укрепление социальной сплоченности. ПРООН, 2020.

¹⁶¹ Роик В.Д. Труд, его эволюция и перспективы // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 97-108.

¹⁶² Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 41-61. [С. 41](#).

сплоченности – на уровне общностей различного масштаба, объединенных и разделенных между собой различными ценностными системами»¹⁶³.

Интересный вывод сформулировали М.В. Алешина и В.В. Печенкин относительно структуры социальной сплоченности и ее связи с социальным капиталом. В исследовании структуры сплоченности на основании двух факторов (выделенных из пятнадцати индикаторов), было показано, что фактор, определяющий «чувство соседства», связан «с различными конструкциями социального капитала, степени чувства включенности в социальную жизнь сообщества». Второй фактор, связанный с «социальной сплоченностью», включает «конструкции мотивированного участия, доверия, традиций социального взаимодействия». Кроме этого, по результатам измерения был выявлен «сильный разброс мнений по поводу ценности соседства и чувства принадлежности к жизни локального сообщества» внутри локальных поселений, т.е. не только безотносительно к проблеме миграции, но даже и независимо от социально-демографических характеристик респондентов¹⁶⁴.

Д.В. Зайцев, З.М. Дыльнова, Ю.В. Селиванова отмечают, что социальная сплоченность имеет динамический характер и, главное – может изменяться как в позитивном, так и в негативном смысле, в зависимости от политических целей. Вообще же, «приоритетную роль в достижении социальной сплоченности, управлении этим процессом, его регулировании играет государство». Структура процесса формирования социальной сплоченности, по мнению этих социологов, предполагает, следующие этапы: «междисциплинарное исследование параметров социальной сплоченности; создание инклюзивных пространств в социальной и культурной сферах; разработка и реализация программ социальной инклюзии, сплоченности с целью развития социально-интеграционных практик; мониторинг

¹⁶³ Там же. С. 58.

¹⁶⁴ Алешина М.В., Печенкин В.В. Социальная сплоченность как элемент формирования новой социальной политики // Инновационная деятельность. 2013. № 4(27). С. 133-143. С.138-139

формирования социальной сплоченности и сетей комплексной поддержки данного процесса»¹⁶⁵.

Однако, частое и торжественное употребление «сплоченности» и в европейских или международных официальных документах не полностью проясняет ситуацию. Несмотря на такой не только концептуальный и теоретический, но и практический подходы, до сих пор термин «социальная сплоченность» многими считается слишком широким и многомерным, по существу, не определенным¹⁶⁶. Есть и социологи, едва ли не с самого начала активно критикующие концепт социальной сплоченности, как политическую конструкцию, с целью скрыть растущее социальное неравенство (Дж. Дженсон¹⁶⁷), делегитимизировать социальную борьбу (Д. Элли¹⁶⁸) и др. П. Бернар считает необоснованным сам подход к социальной сплоченности, как к характеристике, якобы присущей современному обществу, понимаемому как интегрированное и инклюзивное, в котором эгоизм и социальные конфликты расцениваются как ненормальные, негативные. Достижение социальной интеграции и социального мира предполагается в результате трех, нормативно оформляемых процессов: 1. Участия всех акторов в выработке политических решений, особенно на местном уровне, для устранения недостатков представительной демократии и государственной бюрократии; 2. Продвижения идей, представляющих общий интерес, общих ценностей и чувства общности и солидарности; 3. Реактивации социальных взаимодействий на основе доверия в рамках гражданского общества. Посредством этих процессов должны осуществляться согласование разных интересов, справедливое перераспределение богатства и устранение исключения (термин, заменивший аномию, по мнению этого социолога),

¹⁶⁵ Зайцев Д.В., Дыльнова З.М., Селиванова Ю.В. Социальная сплоченность: ресурсы и проблемы достижения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 113-123. [С.119](#).

¹⁶⁶ Forsé M., Parodi M. Une théorie de la cohésion sociale. The Tocqueville Review/La revue Tocqueville. 2009. Vol.30 (2), pp.9-35.

¹⁶⁷ Jenson J. Op.cit.

¹⁶⁸ Helly D. Les limites de la notion de cohésion sociale. The Tocqueville Review / La Revue Tocqueville. 2002. Vol. 23 (1), pp. 73-101.

таким образом, предотвращая движение современного социума к групповой фрагментации и индивидуальной «атомизации», происходящих вследствие усиливаемых глобализацией рост социально-экономического неравенства, социальной поляризации и проч.¹⁶⁹. Т.е. по П. Бернару, проблемы, порождаемые или возрождаемые экономической и финансовой глобализацией, и породили в 1990-е годы моду на понятие социальной сплоченности, как на средство решения «так называемого кризиса коллективных уз в активизации гражданских, семейных, местных и прочих сообществ». И, согласно либеральному неокейнсианскому подходу, наличие социальной сплоченности означает, что политика — это «переговоры о распределении ресурсов и богатства общества, устроенного на общих ценностях, а не социальная борьба». Однако, это «противоречит неолиберальной и утилитарной концепциям, рассматривающим социальные связи как основанные на социальном контракте, соглашении между людьми с разными интересами»¹⁷⁰. Сам этот социолог считает политику «процессом, состоящим из конфликтов, позволяющим выявить и поставить опротестовать всегда неравное распределение ресурсов и богатств, порождаемое соотношением экономических, культурных, символических и политических сил». С этой позиции идея социальной сплоченности апеллирует к равенству, «игнорируя и делегитимизируя социальную борьбу и протесты»¹⁷¹.

Схожих взглядов придерживаются и некоторые отечественные исследователи. Например, Р.А. Садыков объясняет популярность термина «социальная сплоченность» у политиков, «трансформацией традиционной модели государства всеобщего благосостояния в условиях глобализации, масштабной миграции, кризиса мультикультурализма, возрастания уровня бедности, угрожающих старому социальному порядку» и, как следствие,

¹⁶⁹ Bernard P. La cohésion sociale : critique dialectique d'un quasi-concept // Lien social et Politiques. 1999. Vol.41, pp. 47-59.

¹⁷⁰ Ibid.

¹⁷¹ Ibid.

требования «достижения нового консенсуса»¹⁷². Д.В. Зайцев и О.В. Зайцева, показывая процесс формирования концепции социальной сплоченности исходя из ее понимания как части механизма *предупреждения* социального неравенства¹⁷³.

В подтверждение подобной позиции можно привести и заключения экспертов Совета Европы, которые постулируют, что европейские политики основываются в своих действиях на понимании социальной сплоченности как «благополучии общества», основанном на «гармоничных и стабильных социальных отношениях», являющихся «неотъемлемой частью экономического и социального прогресса и мирного сосуществования». Индикатором ее можно считать степень, «в которой люди чувствуют себя связанными с обществом и будучи лояльными и приверженными всеми разделяемому набору ценностей и социальных целей»¹⁷⁴. В разных формулировках эта основная идея – *мирно* жить вместе – повторяется неоднократно. Т.е. по существу используется подход к социальной сплоченности как к средству поддержания социального мира смягчением социальных диспропорций, которые, правда, не уменьшаются, а только растут.

В условиях межгосударственных интеграционных процессов проблема равенства, солидарности, социальной сплоченности предполагает решение не только в отношениях между членами отдельных национальных социумов, но и в контексте нового общего наднационального социума, формируемого в ходе *миграции*. С этой позиции может показаться уменьшающимся значение фактора социальной, гражданской, социокультурной *идентичности* в подобных интегрирующихся системах. Однако на деле такая идентичность остается

¹⁷² Садыков Р.А. Социальная сплоченность: критика определений и возможности для новой концептуализации // Социологический ежегодник. 2016. С. 16-32.

¹⁷³ Зайцев Д. В., Зайцева О. В. Социальная сплоченность: опыт социологической рефлексии. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 4 (63). С. 103-106.

¹⁷⁴ Towards an active, fair and socially cohesive Europe. Report of high-level task force on social cohesion. Strasbourg, 28 January 2008. [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/report-towards-an-active-fair-and-socially-cohesive-europe-janv-2008-t/1680939181> (дата обращения: 12.01.2018).

важным фактором, причем динамическим и имеющим значение для успеха самой интеграции. В этой связи, а также в свете выше рассмотренной критики подходов к социальной сплоченности и выводов ряда социологов о смещении дискуссии к проблеме сути современного государства, демократии и гражданства, обостряемой глобализацией и растущей миграцией, важным представляется также обращение к понятию «идентичности». Его подробный социально-философский анализ представлен в работах Э.А. Орловой. В первой половине XX в. социологизация затронула и понятие «идентичности», которое ранее в гуманитарных науках понималось как некая «сущность» человека, а теперь стала трактоваться как социально обусловленная научная категория и позже, «в рамках теории ролей понятие личности ... как интегральная сумма ... с одной стороны, представления о ролях как совокупностях функциональных и символических целостностей, зафиксированных в институциональных социокультурных структурах... с другой – концепция Я, которая рассматривалась как организующее начало, обеспечивающее внутриличностную классификацию ролей»¹⁷⁵. Современная социологическая ее трактовка восходит к «самости» (Self) Дж.Г. Мида, концептуализировавшего отношение «Я – Другой» с позиции символического интеракционизма. Идентичность – социальное образование, возникающее в результате коммуникации как самовосприятие и самооценка на основании восприятия и оценки Другим¹⁷⁶. П. Бергер считает идентичность социально не только формируется, но и затем постоянно поддерживается, изменяется¹⁷⁷. С позиции же конструктивизма категории, включая и идентичность, суть «эпистемологические конструкторы, ... а социокультурные образования – функциональные и символические единицы, структурные связи между ними,

¹⁷⁵ Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории: научный альманах. 2010. Т. IV. С. 91-92.

¹⁷⁶ Там же. С. 98-99.

¹⁷⁷ См.: Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект-Пресс, 1996.

– ... суть производные социальных взаимодействий и коммуникаций»¹⁷⁸. Т.е. эти подходы можно обобщить как:

– «Конструктивизм – понятия «идентификация/идентичность» не субстанциональны, но конструируются как исследователем, так и их носителями.

– Реляционизм – идентичность приобретается в контексте связей человека с окружением, а не его «внутреннего мира».

– Интеракционизм – идентичность приобретается в ходе взаимодействий и коммуникаций с окружением, а не выстраивается индивидуально»¹⁷⁹.

Однако, как отмечает, например, С. Холл, до сих пор общепринятого понятия идентичности не сформулировано, а выдвинутые подвергаются критике¹⁸⁰. В этих условиях Э.А. Орлова предложила уточнять содержание этого понятия для целей конкретного исследования, использовать *варианты* понятия, которые она обобщила в следующие:

-«*Идентичность как основа социального действия*. В этом случае становятся очевидными прежде всего устойчивые характеристики личности, группы, ситуации, которые рассматриваются как детерминанты индивидуальных действий или совместной активности людей. В этой трактовке понятие часто противопоставляется «интересу» в качестве предпосылки и движущей силы ...

-*Идентичность как особый культурный маркер* относительно устойчивых областей социокультурного пространства и социально значимых ситуаций...

-*Идентичность как результат процесса идентификации* ... черт любой социокультурной единицы, которые могут ее репрезентировать как

¹⁷⁸ Там же. С. 102.

¹⁷⁹ Орлова Э.А. Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории: научный альманах. 2011. Т. V. С. 170-192. С.172.

¹⁸⁰ Hall S. Who Needs "Identity"? // Hall S., Gay P. du (eds). Questions of Cultural Identity. London, 1996. P. 1.

распознаваемую и самотождественную в intersubjective пространстве»¹⁸¹.

В новейшем, 2020 г. анализе подходов к коллективной идентичности Т. Берзель и Т. Рисс утверждают, что «решающее значение для европейской интеграции имела *идентичность* политической, экономической и социальной *элит*» (выделено нами – Р.М.). Но возможной интеграция стала благодаря формированию нового состояния массового общественного мнения – «консенсуса граждан ЕС с инклюзивной национальной идентичностью»¹⁸², т.е. со вторичной – европейской идентичностью. И наоборот – социологи показывают, как политизация тех или иных проблем в государствах-членах Союза популистскими силами оказывает на Европу дезинтегрирующее влияние. В первом случае, «коллективная идентификация и взаимное доверие между политическими элитами позволяет им преодолевать проблемы коллективных действий, связанные с политической интеграцией на региональном уровне и передачей основных государственных полномочий наднациональным институтам», что последовательно и происходило с момента зарождения европейской интеграции в 1950-х годах до Маастрихтских договоров. Во втором – в частности, после кризиса евро, популистские евроскептические силы, мобилизующие группы с исключительно *националистической* идентичностью, стали работать против региональной интеграции, проводя «культурное разделение космополитических и националистических взглядов»¹⁸³. В своих выводах социологи предполагают, что «граждане всего мира обладают множеством идентичностей и могут одновременно идентифицировать себя со своим национальным государством и соответствующим регионом. И региональная интеграция начинается не с экономической взаимозависимости или

¹⁸¹ Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории: научный альманах. 2010. Т. IV. С. 109.

¹⁸² Börzel T. A., and Risse T. Identity Politics, Core State Powers and Regional Integration: Europe and beyond // Journal of Common Market Studies. 2020, Vol. 58, pp.21-40.

¹⁸³ Ibid.

совместного решения проблем безопасности несколькими соседними государствами с последующей постепенной передачей их полномочий наднациональным институтам и «возникновением» региональной идентичности, а напротив – интеграция происходит в регионах, существующих как социальные конструкции, охватывающие несколько государств. Элиты же используют социальные ориентиры этих конструкций, конкретизируя их в нарративах идентичности, связывая свои национальные государства с регионом и уже на этом основании формируя региональные управленческие институты «для удовлетворения функциональных потребностей в сотрудничестве в области экономики или безопасности»¹⁸⁴. Отметим, что эти важные и обоснованные выводы, тем не менее, нуждаются в дальнейшем выяснении источника и механизма возникновения этих самых региональных социокультурных конструкций и определении баланса между действием объективных и субъективных факторов в процессе интеграции.

Идентификация между тем предполагает определение ценностей, которых придерживаются индивиды, группы и социум в целом, тем более, когда речь идет о разных суверенных государствах. С одной стороны, периодически предпринимаются попытки создания механизмов согласования ценностей. Например, в Европейском масштабе таковым можно назвать Хельсинкский акт 1975 г., в параграфе «Сотрудничество и обмены в области культуры» которого отмечалось, что сотрудничество договаривающихся сторон основано на убеждении, «что такое укрепление их взаимоотношений будет содействовать обогащению соответствующих культур при уважении самобытности каждой, а также укреплению между ними сознания общих ценностей при дальнейшем развитии культурного сотрудничества с другими странами мира»¹⁸⁵. Правда, специально было оговорено содействие обменов и распространению только *культурных* ценностей. Но в пункте «Области и

¹⁸⁴ Ibid.

¹⁸⁵ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки 1975. [Электронный ресурс] URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 12.12.2019).

формы сотрудничества» предполагалось также «поощрять поиски новых областей и форм культурного сотрудничества», в том числе содействуя «совместному изучению вопросов политики в области культуры, в частности ее социальных аспектов, а также ее связи с политикой в области планирования, градостроительства, образования, окружающей среды и культурных аспектов туризма», и «обмену знаниями по вопросам культурного разнообразия, с тем чтобы способствовать таким образом лучшему пониманию заинтересованными сторонами такого разнообразия там, где оно встречается». Но с другой стороны, уже в самом начале этого же документа постулировалась основа, на которой и стало возможным его подписание, а именно – что «Государства-участники будут уважать суверенное равенство и своеобразие друг друга ... право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила»¹⁸⁶. Т.е. речь не шла даже о намерении движения к некоторым общим, прежде всего, *социальным* ценностям.

Сложность решаемой задачи выразилась в том, что был сформулирован целый ряд определений, подобных вторичной, транснациональной и прочей идентичности, в которые социологи вкладывают похожий смысл. Это, например, «общий дух» Ф. Шиммельфенига¹⁸⁷, «чувство общей идентификации» Д. Эллиса¹⁸⁸ и другие. В тоже время, Л. Хуг, Т. Ленц и Г. Маркс приводят, на наш взгляд, излишне широкий диапазон примеров, утверждая, что такими, т.е. нормативно родственными народами, могут быть либерально-демократические европейцы, выходцы из Центральной Латинской Америки, арабы стран Персидского залива или даже африканцы, борющиеся с империализмом. Здесь происходит явное отступление от

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Schimmelfennig F. Goffman meets IR: dramaturgical action in international community // International Review of Sociology. 2002. Vol.12(3), pp.417-437.

¹⁸⁸ Ellis D. On the possibility of “international community” // International Studies Review. 2009, Vol.11(1), pp.1-26.

социологического анализа к политологическому, заменяющему (или игнорирующему) политическими целями и интересами социальные статусы акторов (хотя они, конечно, находятся в известной корреляции). Но как же разрешить противоречие между необходимостью общего управления системой интегрирующихся государств и тем обстоятельством, что даже внутри каждого из них люди придерживаются различных норм? Эти социологи выдвигают гипотезу, что в таких международных организациях формируется система *взаимных ограничений* на основе сознательно создаваемого порядка, норм, которые, в свою очередь, устанавливаются в результате *предвидения* людьми последствий своих решений¹⁸⁹. Т.е. речь идет не об эмоциональном, а рациональном, просчитанном движении к интеграции, совместной деятельности с теми, кто подходит к интеграции с таких же позиций. Тогда успех Европейского Союза соответствует этой концепции, а антиимпериалистическая борьба африканских государств – нет, хотя *все* они (в отличие от европейских) объединены в Африканский союз (с 1963 по 2002 гг. – Организация африканского единства).

И. Валлерстайн считает, что социальная интеграция вообще есть социокультурная интеграция: «Интеграция является культурологическим, а не юридическим понятием. Иными словами, предполагается существование неких культурных норм, которые человеку надлежит принять»¹⁹⁰. Рассматривает он интеграцию и мигрантов в принимающих обществах, полагая, однако, что их потомство, в основном, ассимилируется. Но современные средства коммуникации позволяют мигрантам постоянно находиться в контакте со своими соотечественниками (причем как на родине, так и в государствах миграции), сохраняя свою идентичность. Поэтому Л. Хуг, Т. Ленц и Г. Маркс полагают необходимым обратить внимание, прежде всего, на восприятие различных групп населения друг друга, степень, в которой они

¹⁸⁹ Hooghe L., Lenz T., Marks G. A Theory of International Organization. A Postfunctionalist Theory of Governance, Volume IV. Oxford: Oxford University Press, 2019.

¹⁹⁰ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. С. 151.

считают себя разделяющими какое-то транснациональное сообщество с другими, представление компромисса между национальным самоуправлением и общим международным, наднациональным управлением. На этом основании можно прогнозировать и возможности институционализации интеграционных процессов и управления ими¹⁹¹. В реальной европейской политике, как минимум, с 1992 г. практически ставится вопрос даже о политических правах мигрантов. В частности, была открыта к подписанию Конвенция Совета Европы об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне¹⁹² (которую, правда, до сих пор подписали меньшинство европейских государств, не говоря уже о ее имплементации). Что касается социальной защиты, основанной на приоритете прав человека, то с опорой в официальных документах на понятие «социальной сплоченности» она в данном контексте к настоящему времени стала означать обеспечение социальной интеграции (начиная с детства, при сложных жизненных обстоятельствах – малообеспеченности семьи, задержке развития, инвалидности, потере работы и проч.) каждому гражданину ЕС в любой стране-члене (т.е. при внутриевропейской миграции). Другим примером в этом же аспекте можно считать процесс формирования Союзного Государства. В частности, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, заявил, что «Нам удалось серьезно продвинуться в обеспечении равных прав граждан, унификации национальных законодательств, координации внешнеполитической деятельности». Как отметил Президент, единая система социальных гарантий, равный доступ к образованию, услугам здравоохранения, беспрепятственное трудоустройство, свобода передвижения и выбора места жительства, ставшие

¹⁹¹ Hooghe L., Lenz T., Marks G. A Theory of International Organization. A Postfunctionalist Theory of Governance, Volume IV. Oxford: Oxford University Press, 2019.

¹⁹² Конвенция об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне. [Электронный ресурс] URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/144>. (дата обращения: 04.10.2018).

возможными благодаря Союзному государству, являются ориентирами для дальнейшей работы»¹⁹³.

Завершим этот анализ важным обобщением П. Неувонена по результатам проведенного им сравнительного исследования интеграционных кейсов АСЕАН, ЭКОВАС и МЕРКОСУР. Отмечая, что, хотя во всех трех случаях власти позиционировали региональную интеграцию, как процесс, ориентированный на интересы людей, и использовали очень похожие концепции и терминологию, в действительности они применяли различные политические и правовые инструменты, исходили из разных предпосылок и получили разные результаты. Основной вывод этого социолога состоит в том, что реальная интеграция происходит в силу не столько поощрения региональной принадлежности и единства, носящего во многом декларативный характер, сколько эффективного предоставления социальных, экономических или политических прав негражданам, мигрантам из других интегрирующихся государств. Именно различия между привилегированными (своими) и непривилегированными (других государств-членов) гражданами и создают структурные препятствия для участия граждан в строительстве регионального сообщества¹⁹⁴.

Таким образом, на основании вышеизложенного критического анализа методологических подходов к исследованию социокультурных аспектов интеграционных процессов и для целей данного исследования определим «креативную социокультурную сплоченность» как результат социокультурной интеграции (социокультурного сосуществования и обмена акторов разных взаимодействующих культур, сохраняющихся и развивающихся дифференцированными) и рационального взаимодействия

¹⁹³ БЕЛТА. Лукашенко: глубокая интеграция с наиболее близкими соседями для Беларуси является естественным путем развития. 17 октября 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-glubokaja-integratsija-s-naibolee-blizkimi-sosedjami-dlja-belarusi-javljaetsja-estestvennym--102396-2011> (дата обращения: 07.10.2019).

¹⁹⁴ Neuvonen P.J. Transforming Membership? Citizenship, Identity and the Problem of Belonging in Regional Integration Organizations // European Journal of International Law. 2019. Vol.30 (1), pp. 229-255.

социальных акторов с целью согласованного (и периодически согласуемого, т.е. динамического) определения и практической реализации совместного образа социума на основании осознанных общих ценностей и различий между акторами и их интересами, сознательно же используемых как источник движения к цели (а не препятствие).

1.3. Разработка метода прикладного исследования социокультурных аспектов

Определение и мониторинг социокультурных факторов межгосударственных интеграционных процессов предполагает их социологическое измерение, для которого необходима социологическая операционализация соответствующих понятий. Сложность и трудность этой задачи, которую непосредственно начал решать еще Э. Дюркгейм, обусловлена, в формулировке Р. Мертон, тем, что речь идет о «ненаблюдаемых объектах или символических конструктах (например, социальной сплоченности)»¹⁹⁵. Поэтому промежуточной задачей является разработка соответствующих индикаторов, эмпирически наблюдаемых. Необходимо отметить также, что сложность современной ситуации заключается в том, что к настоящему моменту большинство государств мира не только формально заявили о своей приверженности общим в целом ценностям (демократии, правам человека), но и в общем же привели в соответствие с ними свои правовые системы, вступили в организации, в которых это является необходимым для членства (в частности, в Совет Европы). Однако в них по-разному осуществляется правоприменение соответствующего законодательства. Кроме того, множатся споры по поводу оценок одними странами ситуации в других. Поэтому усложняется проблема определения по формальным (правовым) признакам состояния, потенциала и перспектив интеграционных процессов.

Основное количество работ по этой проблеме создано европейскими специалистами, решающими теоретические и практические задачи интеграции

¹⁹⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С.197.

Европейского Союза, а также неевропейскими исследователями этого, евроинтеграционного процесса. Так, в докладе о реализации «Лиссабонской стратегии» были указаны показатели, соответствующие основным целям в областях экономического роста, производительности, инноваций и исследований, занятости, образования и профессиональной подготовки, социальной политики и экологической политики, которые Европейской комиссией были сведены к 14 ключевым, а именно: «уровень занятости, уровень занятости работающих женщин, уровень занятости пожилых людей, уровень безработицы, уровень долгосрочной безработицы, уровень риска бедности, уровень раннего ухода из школы, уровень образования молодежи, уровень обучения на протяжении всей жизни»¹⁹⁶. Кроме этого, учету в этом контексте подлежит также такой показатель из области инноваций, как процент расходов на НИОКР в ВВП. Одним из главных инструментов в этой области является программа ESPON (European Observation Network on Territorial Development and Cohesion), в рамках которой ведутся прикладные исследования европейского территориального развития и состояния сплоченности. В 2007 г. Европейской комиссией были одобрены программы ESPON 2013, а в 2016 г. – ESPON 2020. В них индикаторы распределены по группам макроэкономики (занятость населения, производительность труда, ВВП на душу населения) и человеческого капитала (доля людей с высшим образованием, непрерывно обучающихся, человеческие ресурсы в области науки и технологий, люди в возрасте 18-24 лет, не работающие, не имеющие образования или профессиональной подготовки), на основе которых разрабатываются различные комплексные социально-экономические индикаторы, прежде всего, территориальной сплоченности¹⁹⁷. Европейская комиссия периодически издает собственный «Отчет по экономической, социальной и территориальной сплоченности» (последний, 7-й вышел в 2017

¹⁹⁶ The Lisbon Strategy 2000-2010. An analysis and evaluation of methods used and results achieved. Brussels: European Parliament, 2010. P.62.

¹⁹⁷ Second ESPON 2013 Scientific Report. Luxembourg: ESPON, 2014.

г.¹⁹⁸). Методология этих документов содержит большое количество индексов, рассчитываемых по многочисленным индикаторам, группируемых по различным аспектам. Например, индекс «благополучия», который действительно вряд ли возможно померить одним-двумя индикаторами, интегрируется по параметрам от наиболее объективных (продолжительность жизни и доля людей, живущих в зоне риска бедности) до весьма субъективных (восприятие бедности, ощущение счастья проч.).

Совет Европы разрабатывал инструментарий по измерению социальной сплоченности посредством определения «наличия и силы общих политических взглядов (например, ценностей и идеалов), а также структур, которые дают возможность для участия и диалога». Измерялись также «демократические навыки», которые рассматривались как одно из важнейших средств обеспечения условий, необходимых для привития ценностей, способствующих социальной сплоченности¹⁹⁹. Этих навыки были обобщены в четыре «способности»: «Способность формулировать знания и делиться ими; Способность проводить обсуждение общих целей и стратегий, связанных с интересами широкой общественности, куда входит способность знать, в чем заключается общий интерес, уточнять распределение ролей и справедливо распределять ресурсы в соответствии с обязанностями; Способность заключать контракты или обязательства и развивать доверие; Способность к коллективному обучению, капитализации и передаче (знаний), которая включает способность к коллективной оценке, выявлению наиболее важных элементы и извлечению уроков»²⁰⁰. Существенным является различие индикаторов, отобранных для измерения социальной сплоченности на *национальном* и *локальном* уровнях. Если на национальном это – «равенство,

¹⁹⁸ My Region, My Europe, Our Future. Seventh report on economic, social and territorial cohesion. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017.

¹⁹⁹ Towards an active, fair and socially cohesive Europe. Report of high-level task force on social cohesion. Strasbourg, 28 January 2008. [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/report-towards-an-active-fair-and-socially-cohesive-europe-janv-2008-t/1680939181> (дата обращения: 12.01.2018).

²⁰⁰ Concerted Development of Social Cohesion Indicators. Methodological Guide. Strasbourg: Council of Europe, 2005. – 234 p.

достоинство / признание разнообразия, участие, чувство принадлежности к обществу и разделение ответственности» (а в идеале – также и показатель безработицы), то на локальном это – «доступ к средствам жизни (работа, доходы, жилье, питание, образование и проч. – здесь и далее – прим. Р.М.), жизненное пространство (знание социальных прав, управление общественным пространством, экология, транспорт и проч.), управление (баланс институты/граждане, правосудие, институциональная стабильность, гражданский диалог и проч.), межчеловеческие отношения (уважение, солидарность, взаимопомощь, эмпатия и проч.), баланс личного и социального (семейная жизнь, личностное развитие, интеграция и проч.), чувства (доверие, страх, признание), участие (чувство гражданственности, ответственность, уважение к общественной собственности и проч.)»²⁰¹.

Метод оценки социальной сплоченности, предложенный М. Форсе и М. Пароди, состоит из четырех групп аспектов, для которых они разработали систему индикаторов уровня социальной сплоченности:

1) оценка оснований и активности общественного обсуждения хорошо организованного общества, которая включает гарантии признания каждого гражданином, а также количество нарушений прав человека, индикаторы чувства принадлежности ко всему обществу на региональном, национальном, федеральном уровнях и желание участвовать в дискуссиях.

2) Оценка степени достижения этого хорошо организованного общества, которая подразделяется на две части:

2а) оценка степени приверженности идеалу хорошо организованного общества, которую можно измерить тем, как эти представления оформлены в правах и гарантиях.

2б) оценка степени достижения хорошо организованного общества через практики и их достигаемые результаты.

²⁰¹ Towards an active, fair and socially cohesive Europe. Report of high-level task force on social cohesion. Strasbourg, 28 January 2008. [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/report-towards-an-active-fair-and-socially-cohesive-europe-janv-2008-t/1680939181> (дата обращения: 12.01.2018).

3) оценка ощущений людей относительно степени достижения организованного общества и социальной справедливости, т.е. их ощущения, существует ли разрыв между хорошо организованным обществом и реальным обществом, и все ли делается для сокращения этого разрыва. Здесь возможны разные показатели, среди которых доверие к институтам – от государства до политических партий и СМИ, ощущение, что они действуют законно и в целях достижения справедливости²⁰².

ООН предлагает несколько методик, в связи с тем, что существуют различные подходы к определению социальной сплоченности. Кроме того, эксперты этой международной организации отмечают, что для оценки социальной сплоченности обычно используется комплексный подход, включающий понимание исторического контекста и «многочисленные нарративы о происхождении, ценностях, символике и событиях», а также такие «структурные факторы, как виды поселений, социально-экономическое неравенство, язык, используемый в семье» и проч.²⁰³. Ввиду разнообразия всех этих факторов, ООН разрабатывает индексы социальной сплоченности (в рамках ПРООН) для отдельных регионов мира, как с одним этносом, в частности, арабского региона, так и многоэтнических (индекс SCORE). Методологические подходы включают:

- качественные подходы, такие как интервью и фокус-группы;
- подходы, подразумевающие совместное участие (включенное наблюдение и обращение к внешним экспертам);
- количественные подходы, такие как формирование индексов, которые «используются совместно с подходами, изучающими нарративы, символы и смыслообразование»²⁰⁴.

Характерным примером этой работы является Индекс социальной сплоченности и примирения (The Social Cohesion and Reconciliation Index,

²⁰² Forsé M., Parodi M. Une théorie de la cohésion sociale. The Tocqueville Review/La revue Tocqueville. 2009. Vol. 30 (2), pp.9-35.

²⁰³ Укрепление социальной сплоченности. ПРООН, 2020.

²⁰⁴ Там же.

SCORE²⁰⁵), разработанный ПРООН и Центром устойчивого мира и демократического развития (Centre for Sustainable Peace and Democratic Development, SeeD) для измерения этих показателей в многоэтнических сообществах посредством проведения индивидуальных интервью совместно с демографическими данными. Для оценки социальной сплоченности измеряются следующие аспекты:

- **«Доверие к органам власти:** степень, с которой люди доверяют важным органам власти, таким как судебные органы, парламент и полиция.

- **Чувство адекватного представительства в органах власти:** мнение людей о том, как органы власти, такие как парламент, представляют их интересы, и в какой степени люди являются участниками процесса принятия решений.

- **Безопасность человека:** насколько безопасно чувствуют себя люди в своей повседневной жизни с точки зрения личной безопасности (чувство безопасности от насилия), экономической безопасности (наличие стабильного основного дохода, который способен удовлетворить их потребности) и политической безопасности (способность свободно объединяться и выражать свое мнение).

- **Удовлетворенность в гражданской сфере:** удовлетворенность различными элементами общественной жизни, включая, например, осуществление правосудия, состояние экономики и ведение переговоров о мире.

- **Свобода от коррупции:** степень, с которой люди воспринимают общественную жизнь свободной от коррупции.

- **Удовлетворенность личной жизнью:** удовлетворенность жизнью в целом, например, личной жизнью, трудовой деятельностью и состоянием здоровья.

²⁰⁵ The Social Cohesion and Reconciliation (SCORE) Index. [Electronic resource] // www.scoreforpeace.org.

- **Идентификация этнической группы:** важность идентификации индивидуума при участии в группе...

- **Гражданская активность: уровни вовлеченности в общественную жизнь...**²⁰⁶.

На основании рассмотренных современных подходов и теорий межгосударственной интеграции и прикладных методов ее исследования были разработаны и обоснованы показатели для регулярного (мониторингового) измерения, расчета индексов межгосударственного социокультурного сотрудничества. На первом уровне операционализации понятия «социокультурной сплоченности» были сформулированы шесть *аспектов*, изучая которые можно было бы оценивать в евразийском локусе состояние, динамику и перспективы существующих и зарождающихся связей, взаимодействия, сближения, общности, уровня социальной сплоченности, роли и места социокультурного фактора. Это:

– *ценностные основания социальной сплоченности*, выраженные в коллективном сознании (*разделяемые ценности и общность мировоззрения*, базирующиеся на групповой идентичности, общности системы культурных норм), обуславливающие институциональные нормы социальных связей и сопричастности, принадлежности индивидов к общей цивилизационной общности, а также совместную активность индивидов, культурные маркеры, позволяющие распознавать похожие ситуации и задающие формы поведения индивида в конкретных условиях;

– *интенсивность социальных обменов* – количественные характеристики территориальной распространенности и множественности социальных связей, их интенсивность;

– *содержание социальных взаимодействий*, функциональное распределение и содержание социальных ролей в многосторонних взаимодействиях, взаимность и содержание социальных обменов,

²⁰⁶ Цит. по: Укрепление социальной сплоченности. ПРООН, 2020.

способствующих росту доверия и накоплению социального капитала и конкурентоспособности в широком смысле слова (знаний, интеллектуального и материального продукта, качество трудового ресурса);

– *механизмы согласования микродинамических процессов (миграция)*, в том числе определяющих равноправность участников в доступе к социальным благам, отсутствие социального исключения, взаимное согласование социально ориентированной политики, характер взаимодействий и коммуникаций (консолидацию, конфликт, партнерство), способность разрешения противоречий в случаях конфликтов или возникающих социальных барьеров, вызывающих чувство несправедливости (в т.ч. в миграционных процессах);

– *активно работающие демократические институты гражданского общества* и инструменты, объединяющие социумы участвующих стран, способствующие созданию межгосударственных ассоциаций и сетевой социокультурной инфраструктуры, определяющей конфигурацию социального пространства;

– *инструменты поддержания интеграционной безопасности* – баланса между потребностью индивидов в стирании межстрановых разделительных барьеров и необходимостью сохранения национальной идентичности и суверенитета государств, входящих в интеграционное образование.

Для каждого из выбранных аспектов был разработан оригинальный набор из 36 параметров, позволяющих конкретизировать содержание каждого аспекта, значимо влияющее на состояние межгосударственного социокультурного сотрудничества (второй уровень операционализации).

В ходе третьего уровня операционализации первоначально было сформировано 170 конечных показателей по каждому из 36 параметров социокультурного сотрудничества. Их значимость и измеримость определялась с помощью экспертных интервью и обсуждений участниками разработки методологии, по результатам которых было отобрано 80 наиболее проработанных индикаторов, поделенных на четыре группы по способам

получения данных – анализа данных статистики, экспертных оценок, массовых опросов населения, экспертных интервью.

Также был разработан инструментарий проведения экспертного он-лайн опроса (Приложение 1)²⁰⁷. Задачей экспертов было оценить по пятибалльной шкале предложенный набор показателей по двум критериям: степень важности, т.е. насколько тот или иной индикатор важен для раскрытия соответствующего параметра, и валидность, т.е. насколько данный показатель действительно может быть надежно измерен предложенным способом (наличие данных по всем странам, достоверность данных и т.п.). Именно они могут выступить основой методики оценки институционального развития, а также использования в качестве ключевых показателей эффективности (key performance indicators, KPI) ответственных ведомств. Экспертам была предоставлена возможность дополнить перечень показателей и дать свои комментарии. В составе инструментария экспертного опроса в качестве ключевых аспектов гуманитарного сотрудничества и социальной сплоченности было выделено десять блоков показателей (образование и наука, искусство, спорт, туризм, миграция, семья и брак, религия, язык, информационное поле и СМИ, общественное мнение), встречающихся в социологических измерениях гуманитарного сотрудничества. Миграция рассматривается через призму коммуникации между странами, а в общественном мнении изучается восприятие и отношение населения к другой стране.

В итоге, в соответствии с вышеупомянутыми шестью аспектами первого уровня операционализации понятия «социокультурной сплоченности» для мониторингового исследования «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества» было сформировано шесть блоков. Рассмотрим их содержательное построение.

Блок 1. Ценностные основания интеграционных процессов.

²⁰⁷ Индекс в диссертации – ПИМГС-2017.

В связи с узостью понятия интеграции, воспринимаемой как экономический процесс, и ввиду фактов отсутствия межгосударственной интеграции (например, США и Канада) и даже разрушения всех связей между государствами и социумами (например, Россия и Украина), самым тесным образом связанными экономически, представляется необходимым выяснение ценностных оснований как условия для успешной межгосударственной интеграции. Такие, базовые ценности имеют социокультурный характер. В мониторинге в блок «Ценностно-смысловые основания социальной сплоченности» были отнесены аспекты «Культура» и «Религия» с последующей расшифровкой параметров (второй уровень операционализации), определяющие конкретные факторы притяжения (религиозные взаимодействия, участие в культурных событиях и мероприятиях, доступ к литературе, продукции кинематографа и культурному наследию, музыка, эстрада), или конкретные факторы отталкивания (наличие религиозных конфликтов) (17 показателей).

Блок 2. Интенсивность социальных обменов.

Социокультурное сотрудничество составляет общественный запрос, понимается, как готовность к коммуникации и ее осуществление, составляет значимый фактор в достижении социальной сплоченности. Это требует построение здорового гуманитарного диалога, а не упрощения сложности и многообразия социальных отношений, тем более принуждения партнеров из стран Евразии, при строгом отслеживании суверенитета каждого участника. В мониторинге в данный блок включены аспекты «Язык», «Туризм», «Спорт», «Семья и брак». Второй уровень операционализации включает направления, стимулирующие распространение и использование языков, причем, не только русского языка, количественные показатели коммуникационной активности, показатели популярности русского языка как наиболее распространенного языка межнационального общения на территории СНГ.

Интенсивности коммуникаций способствуют аспекты, связанные с международным туризмом, например, степень развития инфраструктуры,

стоимость проезда и турпоездки в целом, объема туристического бизнеса между странами-участниками интеграционных образований. Социальные обмены стимулируются также в рамках такого аспекта как «Семья и брак» и включают такие операциональные уровни, как создание цивилизованных условий для коммуникации граждан, заключивших межнациональные браки, и детей, рожденных или усыновленных иностранными гражданами.

Одним из особо значимым в достижении социальной сплоченности выступает спорт, в частности, в аспектах участия в спортивных соревнованиях на территории стран-участников, условий для мероприятий в рамках международной спортивной активности, знаний о конкретных иностранных спортсменах из стран региона (26 показателей).

Блок 3. Содержание социальных взаимодействий, функциональное распределение и содержание социальных ролей в многосторонних взаимодействиях. Данный блок обусловлен тем, что социальная сплоченность усиливается в условиях согласованности действий социальных институтов каждой страны и наднациональных структур, в т.ч. гражданского общества. Рассматривая проблемы управления развитием интеграционных процессов, отметим, что возможны просчеты и ошибки этого управления, в т.ч. проявление которых может быть отложено по времени. Чтобы управлять интеграционными процессами в новой парадигме необходимо постоянно отслеживать процессы внутренних и внешних изменений. Поскольку управление интеграционными процессами носит в большинстве своем координирующий характер, основную работу проводят министерства и ведомства каждой страны-участницы. Это поддерживает суверенность каждого участника, хотя и требует стандартизации и согласованности действий каждого государства-участника. *Структура управления* формируется, исходя из принципа обеспечения согласованности действий и включает сотрудничество и координацию всех участников, их структур управления, институтов гражданского общества каждой страны и общих институциональных структур интегрирующегося сообщества.

Операционализация данного аспекта определяется парадигмальной составляющей проходящей модернизации экономики, производства, направленностью на экономику знания и включает такой аспект как: «Образование и наука». Конкретизация параметров мониторингового исследования выражена такими направлениями, как организация и проведение международных научных проектов и исследований, международных научных конференций, присвоение ученых степеней, обмен научными и преподавательскими кадрами, расширение возможностей для повышения квалификации и обучения государственных служащих (15 показателей).

Блок 4. Механизмы согласования на микроуровне (миграция).

Наиболее болезненные для развития социальной сплоченности вопросы связаны с равным доступом к правам и возможностями их реализации. Особенно это проявляется в миграционном опыте, который получают граждане в странах-участницах интеграционных образований. В мониторинге в данный блок включены аспекты «Миграция». На операциональном уровне в социологическое измерение предлагается включить качественные характеристики условий и показатели предпочтительности выбора стран-участниц для трудовой миграции (7 показателей).

Блок 5. Активность институтов гражданского общества. Данный аспект социальной сплоченности связан с массовым сознанием и развитостью институтов гражданского общества, способных формировать согласованное общественное мнение и осуществлять общественный контроль на территории интеграционных образований. В мониторинге в данный блок включен аспект «Массовое сознание (общественное мнение)». Сегодня идет процесс формирования реально работающих горизонтальных связей, консолидации экспертов и лидеров гражданского общества для повышения их роли в интеграционных процессах и в развитии общественных институтов. Основные проблемы, которые требуют решения – слабость межгосударственных институтов гражданского общества и недостаточная развитость инфраструктуры межкультурного диалога. Важным представляется пересмотр отдельных

функций организационных структур в условиях «взросления» институтов гражданского общества и обеспечения их ресурсами применительно к порученным новым функциям (материальными, информационными, финансовыми), внесения корректив в систему распределения полномочий и ответственности организационных структур.

Операционализация второго уровня предполагает измерение оценки экономического, социокультурного и политического взаимного притяжения, способности разрешения межнациональных конфликтов (8 показателей).

Блок 6. Безопасность информационного поля. Данный аспект в силу особой его важности для социальной сплоченности определяет такое направление как качество и безопасность информационного пространства в рамках аспекта «Информационное поле (СМИ)». Второй уровень операционализации включает общую характеристику информационного поля в части условий для работы СМИ, качественные характеристики интернет-коммуникаций и тональность медиапубликаций (7 показателей).

Выводы к первой главе

В параграфе 1.1. «Интеграционные процессы как объект социологического анализа» исследовано понятие «интеграция» в контексте межгосударственных отношений. С позиции развития социологического знания в направлении рефлексивной социологии и социологии международных отношений обосновано рассмотрение межгосударственных интеграционных процессов, понимаемых как процесс и результат деятельности индивидуальных и институциональных социальных акторов, в качестве объекта социологического анализа. Осуществлено критическое исследование развития подходов к объяснению международных отношений в целом и конкретно межгосударственной интеграции – от функционализма через неофункционализм к постфункционализму и интегральным подходам, включая социологическую концепцию *агентности* (агентности-структуры), позволяющую в сочетании с системным и организационный подходами сформулировать проблему *структуры и управления* интегрирующихся в

новое целое независимых субъектов, в данном случае государств, и проблему их *многоуровневого* управления. Показан соответствующий переход приоритетного внимания ученых и политиков от экономических факторов к ценностным, основное содержание которых составляют социокультурные факторы. Они, а именно – наличие транснациональной («про-региональной») идентичности граждан – и обуславливают успех или неудачу межгосударственной интеграции, что наиболее наглядно проявляется в интеграции европейских стран. Таким образом, эффективная²⁰⁸ региональная, межгосударственная интеграция представляет собой процесс трансграничной институционализации транснациональной идентичности граждан, складывающейся в результате объективного социокультурного взаимодействия, управляемый обладающими такой же (трансграничной) идентичностью элитами.

В связи с постепенным переносом фокуса внимания в исследованиях международных отношений с политико-экономических факторов на социокультурные, в параграфе 1.2. «Методологические подходы к исследованию социокультурных аспектов в евразийских интеграционных процессах» был представлен критический анализ понятий «социальная сплоченность» и «идентичность» в контексте изучения межгосударственных отношений. Показано, что с конца прошлого века, когда эта терминология стала активно применяться, прежде всего, европейскими политиками в попытках преодоления социально-экономических кризисов и постепенного отставания Европы в общемировом экономическом соревновании, подходы к описанию, исследованию и формированию социальной сплоченности носили и носят, в основном, экономический характер. Решения, принимаемые в этой связи в Европейском Союзе, а также в рамках Совета Европы, основаны на

²⁰⁸ Под эффективностью в данном случае мы понимаем получение преимуществ для развития и конкуренции с другими международными акторами более крупного с точки зрения материальных, человеческих, социокультурных ресурсов нового межгосударственного образования и его социума, по сравнению не только с каждым отдельным его участником, но и с суммой арифметически складываемых их страновых показателей, т.е. появление системного эффекта объединенной структуры.

фундаментальной идее о том, что экономическое развитие, обуславливаемое, в свою очередь, развитием инфраструктуры, является условием и инструментом всех остальных составляющих развития, включая социальное. Социальный мир, необходимый для экономического роста, может быть достигнут за счет дополнительного финансирования тех, кто по разным причинам оказался в трудной жизненной ситуации. Т.е. социальная сплоченность представляет собой «способность общества обеспечивать благополучие всех своих членов, сводя к минимуму неравенство и избегая маргинализации». Однако, такое и подобные определения критикуются как неточные, а также как политические, имеющие целью скрыть растущее социальное неравенство и делегитимизировать социальную борьбу.

В результате сформулировано, что креативная социокультурная сплоченность есть результат социокультурной интеграции (социокультурного сосуществования и обмена акторов разных взаимодействующих культур, сохраняющихся и развивающихся дифференцированными) и рационального взаимодействия социальных акторов с целью согласованного (и периодически согласуемого, т.е. динамического) определения и практической реализации совместного образа социума на основании осознанных общих ценностей и различий между акторами и их интересами, сознательно же используемых как источник движения к цели (а не препятствие). Отсюда – необходимость обращения к проблеме идентификации в условиях межгосударственных интеграционных процессов, факторам социальной, гражданской, социокультурной идентичности во вновь возникающих системах. Идентификация же предполагает определение ценностей, которых придерживаются индивиды, группы и социум в целом. Анализ показывает, что реальная интеграция происходит в силу не столько деклараций о региональной принадлежности и единстве, сколько эффективного предоставления социальных, экономических или политических прав негражданам, мигрантам из других интегрирующихся государств. В том числе и движение к современному ЕС (который и теперь не является конечной

точкой интеграционного процесса), формально начавшееся с решения даже не с общеэкономических, а отраслевых задач (создания ЕОУС), по существу стало не только следствием *политического* (а не экономического) решения, но и оказалось возможным только в силу *общих социокультурных* предпосылок, имевшихся в интегрирующихся странах, в первую очередь, ценностных и правовых. Социальная сплоченность в данном контексте стала означать обеспечение социальной интеграции (в социум и действия в нем) не только каждому человеку в стране своего рождения, начиная с детства, при сложных жизненных обстоятельствах, но каждому гражданину ЕС в любой стране-члене (т.е. при внутриевропейской миграции), а также беженцам и иммигрантам, прибывающим в Европу.

В параграфе 1.3. «Разработка метода прикладного исследования» изложена авторская методика для измерения социокультурных аспектов интеграции на евразийском пространства, прежде всего, с участием России. На основании изложенных выше теоретических положений была осуществлена операционализация понятия «социокультурная сплоченность» для межстранового экспертного онлайн-опроса «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества». Операциональное определение межгосударственной социокультурной интеграции сформулировано как процесс формирования организационной структуры с общими целевыми ориентирами на базе общих ценностей.

Глава 2. ФАКТОРЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

2.1. Социокультурные факторы влияния на евразийские интеграционные процессы

Представленные выше теоретические и методические разработки были опробированы в мае-сентябре 2017 г. в социологическом исследовании «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества: возможности мониторингового измерения»²⁰⁹, проведенном Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор» и Автономной некоммерческой организацией «Евразийское содружество», в котором принял участие диссертант.

Важной составляющей исследования стал тщательный отбор состава экспертов, который был осуществлен по следующим ключевым критериям:

- *статус эксперта* (наличие профильной ученой степени, профессиональная деятельность в области социологии и/или политологии, цитируемость публикаций, позиция ведущего эксперта или руководителя в исследовательских, научных и аналитических организациях по профилю исследования – в сфере исследований постсоветского пространства, интеграционных процессов в рамках СНГ);

- *высокий уровень самооценки*, выявленный в ходе анализа экспертных анкет (редкое упоминание слабой компетенции в текстовых комментариях к вопросам инструментария, наличие таких комментариев в принципе);

- *способность к анализу в полной шкале оценивания* заявленных в анкете аспектов гуманитарного сотрудничества (наличие оценок от 1 до 5 из 5 возможных).

На основе этих критериев из 295 первоначальных кандидатур был произведен отбор 60 экспертов (20 %), из следующих регионов (стран),

²⁰⁹ ПИМГС-2017.

сформировавших объективную в пространственном отношении выборку респондентов:

- Россия – 27 участников;
- Восточно-европейский регион – 11 участников (Беларусь; Молдова; Украина; Эстония);
- Кавказский регион – 7 участников;
- Центрально-азиатский регион – 15 участников (Казахстан; Кыргызстан; Таджикистан; Узбекистан).

В ходе анализа данных все респонденты были разделены на две категории: «Россия» и «Другие страны».

В соответствии с **рабочим статусом** участников выделены следующие группы с соответственным количеством участников каждой: Распределение экспертов по статусу следующее:

-27 – специалисты-теоретики – эксперты научного профиля (представители ВУЗов, авторы публикаций по тематике евразийской интеграции);

-33 – специалисты-практики – руководители и специалисты исследовательских, научных и аналитических организаций, специализирующиеся на исследованиях интеграционных процессов. Распределение числа респондентов по перечисленным выше группам позволяет сделать вывод о наличии баланса профессиональных компетенций среди участников исследования.

В анализе и апробации показателей использовались материалы глубинного интервью экспертов «Евразийская интеграция: восприятие, инструменты, состояние»²¹⁰, экспертного опроса участников Всероссийского форума по воспитательной работе «Воспитание и студенчество»²¹¹, массового опроса студентов и молодежи «Анализ инфраструктуры международного

²¹⁰ ЕИВИС-2017.

²¹¹ ВС-2017.

сотрудничества на примере XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Южном федеральном округе»²¹².

Исследование «Анализ инфраструктуры международного сотрудничества на примере XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Южном федеральном округе» обусловлено важностью инфраструктурной составляющей для молодежи, способной дистанционно устанавливать содержательные коммуникации, выступающие «социальным клеем» интеграционных процессов, определяющих условия для накопления социального капитала, повышающих доверие, скрепляющих сетевые компоненты социальной сплоченности. Экспертный опрос «Воспитание и студенчество» позволил дифференцированно подойти к перспективам межгосударственного сотрудничества в процессах становления межгосударственных институтов гражданского общества в силу их важности для формирования социальных акторов, способных в будущем оказывать значимое влияние на интеграционные процессы.

На основе результатов экспертной оценки был обоснован отбор важнейших показателей для возможного их использования в качестве рабочих инструментов ответственных ведомств²¹³. Модель операционализации понятия «социокультурная интеграция» получила одобрение практически всех экспертов. Заполняемость онлайн-анкеты всеми экспертами была без пропусков (100%). При этом 84 % экспертов использовали полную пятибалльную шкалу оценки, 16 % экспертов поставили всем показателям оценки от «3» до «5» (т.е. использовали сокращенную, менее дифференцирующую шкалу). Для сравнения средних баллов показателей аспектов, в каждом аспекте было отобрано по пять наиболее значимых показателей, по мнению экспертов, и подсчитан средний балл по критерию важности и средний балл по критерию измеримости. Затем был получен результат оценивания показателей в разрезе выделенных блоков, в каждом из

²¹² АИМС-2017.

²¹³ ПИМГС-2017.

которых также выведен средний балл в случае наличия нескольких аспектов в одном блоке (диаграмма 2.1).

Наиболее важными для социальной сплоченности эксперты выделили два блока – активность демократических межгосударственных институтов гражданского общества и содержание взаимодействий в образовании и науке. На втором месте – интенсивность социальных обменов, механизмы согласований на микроуровне и безопасность информационного поля.

Следует отметить, что по критерию измеримости на первом месте интенсивность социальных обменов и безопасность информационного поля.

Наиболее трудными для измеримости эксперты выделили механизмы согласований на микроуровне и активность демократических межгосударственных институтов гражданского общества. Примечательно, что традиционные для темы сплоченности показатели, связанные с ценностными основаниями, оказались на невысоком месте как по важности, так и по их измеримости, т.е. возможности получения данных в процессе их сбора.

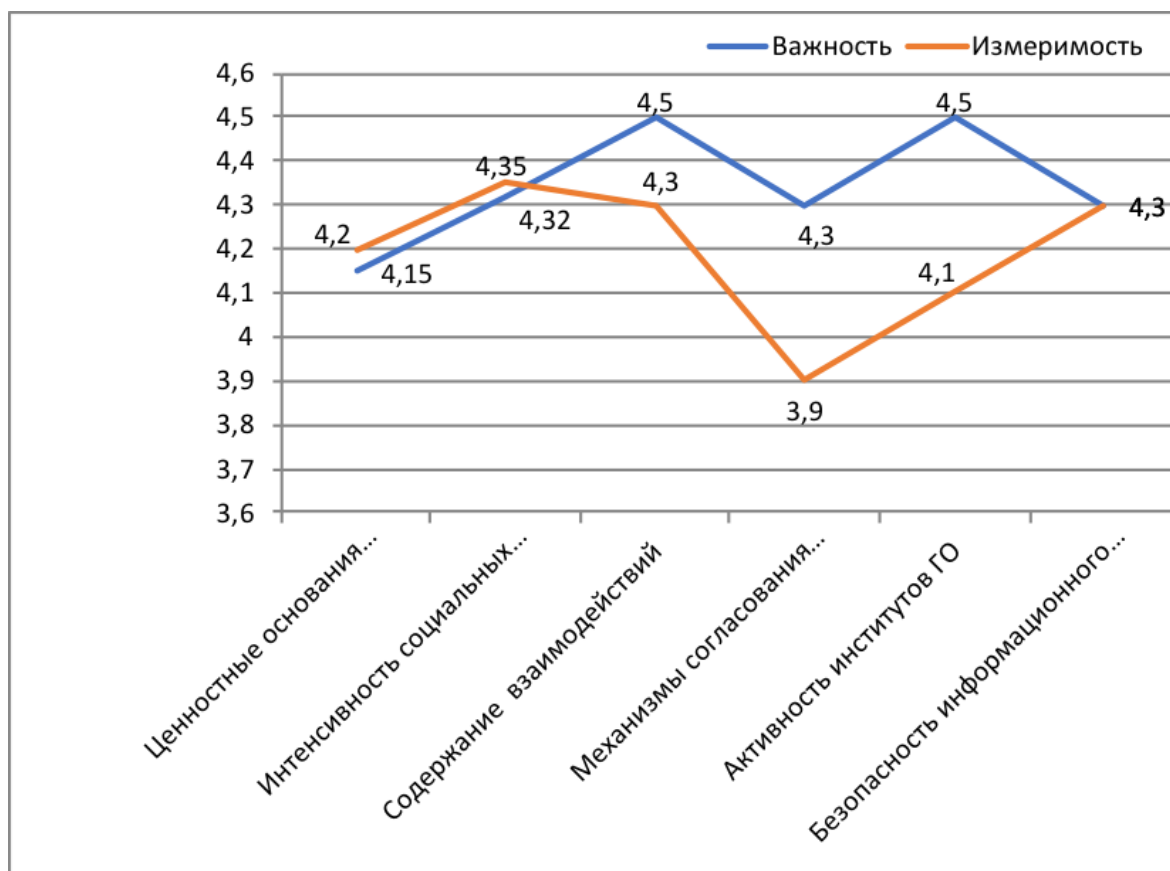

Рис. 2.1. Средние баллы показателей социальной сплоченности, сгруппированные по блокам по критерию важности и измеримости.

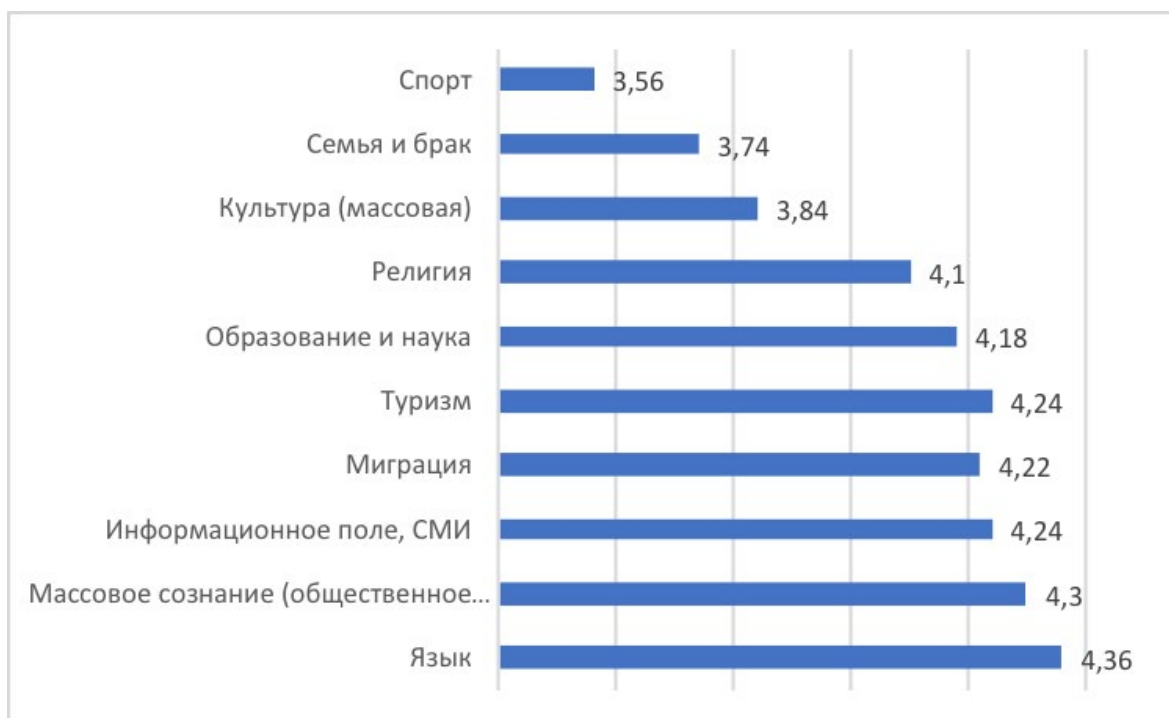

Рис. 2.2. Средние баллы групп показателей аспектов социокультурного сотрудничества по критерию важности.

Результат оценивания показателей в разрезе группировок по десяти аспектам (первый уровень модели исследования социокультурной интеграции) отображен на диаграмме 2.2²¹⁴.

Наиболее важными эксперты признали показатели, отражающие аспекты межгосударственного сотрудничества стран, необходимые для межличностной коммуникации граждан страны, особенно необходимой в повседневности и для обеспечения жизнедеятельности – «Язык» (средний балл 4,36), «Миграция» (средний балл 4,22), «Туризм» (средний балл 4,24).

Совокупные результаты оценки показателей аспектов по критерию *измеримости* имеют в целом несколько отличающийся характер: способы сбора данных по шести показателям такого аспекта как «Образование и наука» признаны наиболее валидными для использования в мониторинге состояния

²¹⁴ Там же.

социокультурного сотрудничества. «Туризм» «Информационное поле, СМИ», «Спорт», «Язык», «Массовое сознание (общественное мнение)» признаны экспертами как средне измеримые. Показателя аспектов «Религия», «Миграция», «Семья и брак» имеют, по мнению экспертов, наименьшие перспективы достоверного измерения (рис.2.3).

Рис. 2.3. Средние баллы групп показателей социокультурного сотрудничества по критерию измеримости.

На рис. 2.4. отображены сравнительные результаты максимальных оценок экспертов показателей, входящих в десять аспектов как по критериям важности, так и критериям измеримости²¹⁵.

²¹⁵ Там же.

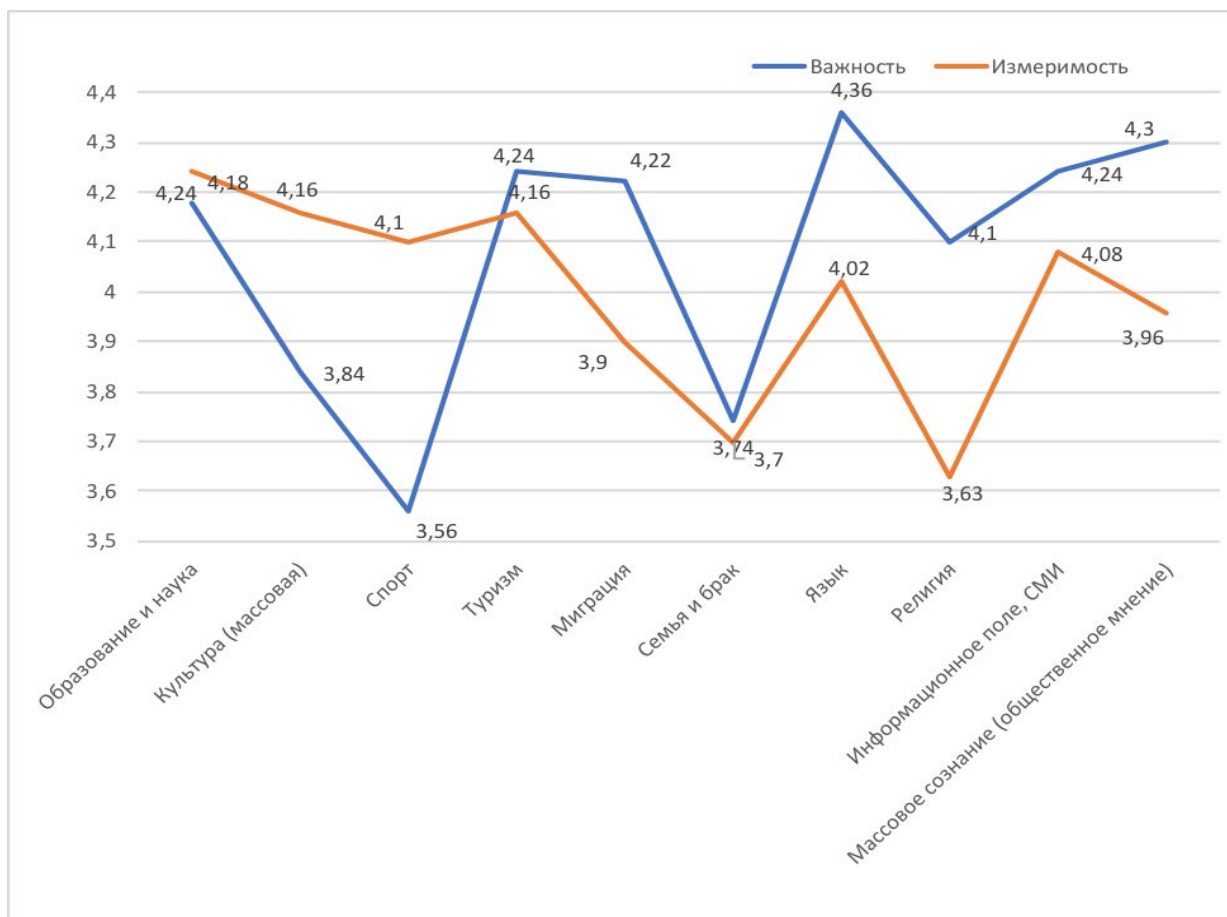

Рис. 2.4. Сравнительные результаты максимальных оценок экспертов по показателям десяти аспектов по критериям важности и измеримости.

Рассмотрим результаты исследований по каждому блоку в порядке их важности.

Блок «Содержание социальных взаимодействий» применительно к модернизационным процессам оказался на первом месте в рейтинговом списке по результатам экспертного опроса. Он определяет функциональное распределение и содержание социальных ролей в многосторонних взаимодействиях, что напрямую связано как с потенциальной способностью повышения экономической эффективности в современной экономике, в том числе и цифровой, а также способствует повышению уровня социальной сплоченности. Данный блок включает показатели такого аспекта как «Образование и наука», получившего средний балл 4,18 и значительно влияющего на качество организации и проведения первичной и вторичной социализации в странах-участницах. Такой аспект как «Образование и наука» требует особенно пристального рассмотрения, поскольку здесь наблюдалась

наибольшая активность экспертного сообщества в период проведения опроса. 34 % экспертов предложили дополнительные показатели или оставили комментарии в анкетах, например, было высказано предложение учитывать конкретный образовательный контекст в различных государствах, поскольку в них проходят реформы систем образования, они предложили включить в инструментарий такие позиции как:

- «Количество общих унифицированных образовательных программ»,
- «Активность и число создания совместных научных проектных объединений»,
- «Академическая мобильность студентов и преподавательского состава»,
- «Совместные стипендиальные программы»,
- «Обмен управленческими кадрами»,
- «Проведение совместных научных экспедиций»,
- «Получение второго высшего образования»,
- «Подготовка совместных учебников или отдельных глав»²¹⁶.

Больше всего комментариев эксперты оставили к показателю «число ежегодно защищаемых диссертаций в других странах региона», несмотря на невысокий средний балл этого показателя, видимо есть необходимость не упускать данное направление из управленческого поля.

Ни одного комментария не было оставлено к показателю «число ученых, работы которых цитируются в публикациях ученых стран-участниц», видимо реформа научной сферы еще не в полной мере охватила системы управления образованием и наукой в странах-участницах. Индекс Хирша и другие индексы цитируемости пока в полной мере не используются в управленческой практике, хотя в перспективе данная тенденция, по крайней мере, в

²¹⁶ ПИМГС-2017.

Российской Федерации и Республике Казахстан уже обозначена как перспективная линия управления в сфере науки и высшего образования.

Исследование «Анализ инфраструктуры международного сотрудничества на примере XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Южном федеральном округе подтверждает важность такого показателя как «Число проводимых международных конференций в год с участием стран региона»; «Число иностранных студентов/преподавателей (из стран региона), приезжающих в страну»; «Наличие и доступность (отсутствие административных барьеров) программ стажировок и учебы по обмену для иностранцев (граждан стран региона)». Респонденты считают важными активизировать такие направления работы как участие ВУЗов в международных студенческих обменах (60,09 %), международных программах и проектах (43,47 %), образовательных проектах и фестивалях культуры мира (41,26), рис. 2.5 – 2.7²¹⁷.

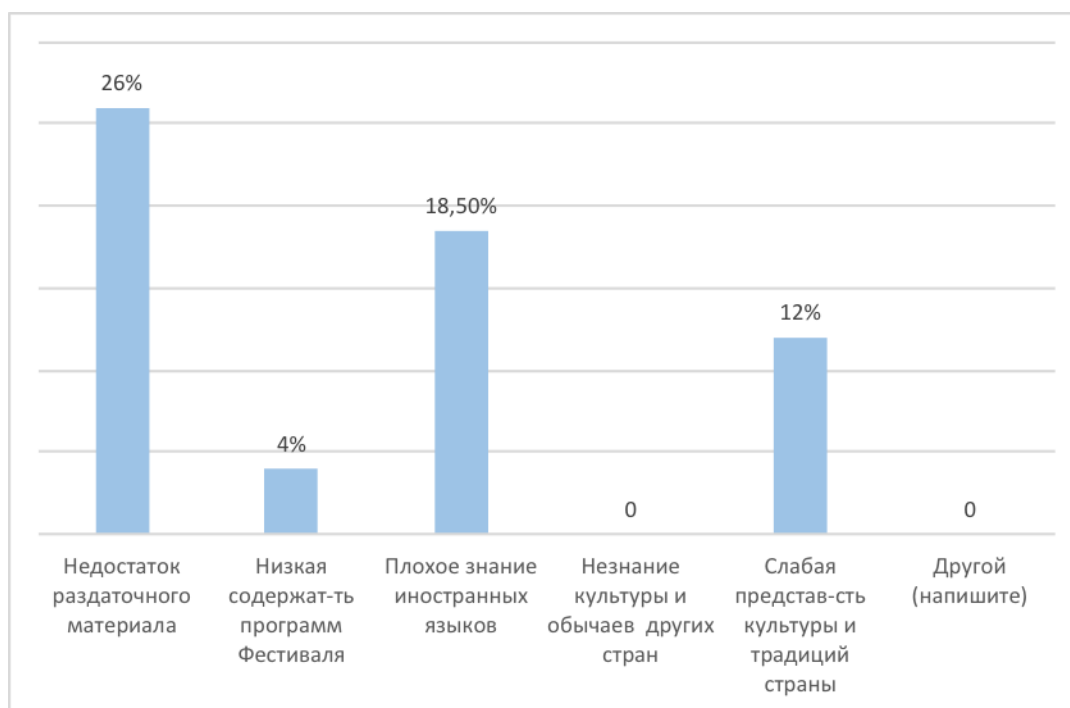

Рис. 2.5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Укажите, пожалуйста, с какими проблемными ситуациями Вам пришлось столкнуться на XIX Всемирном фестивале молодежи и студентов? (Выберите не более 5 ответов)».

²¹⁷ АИМС-2017.

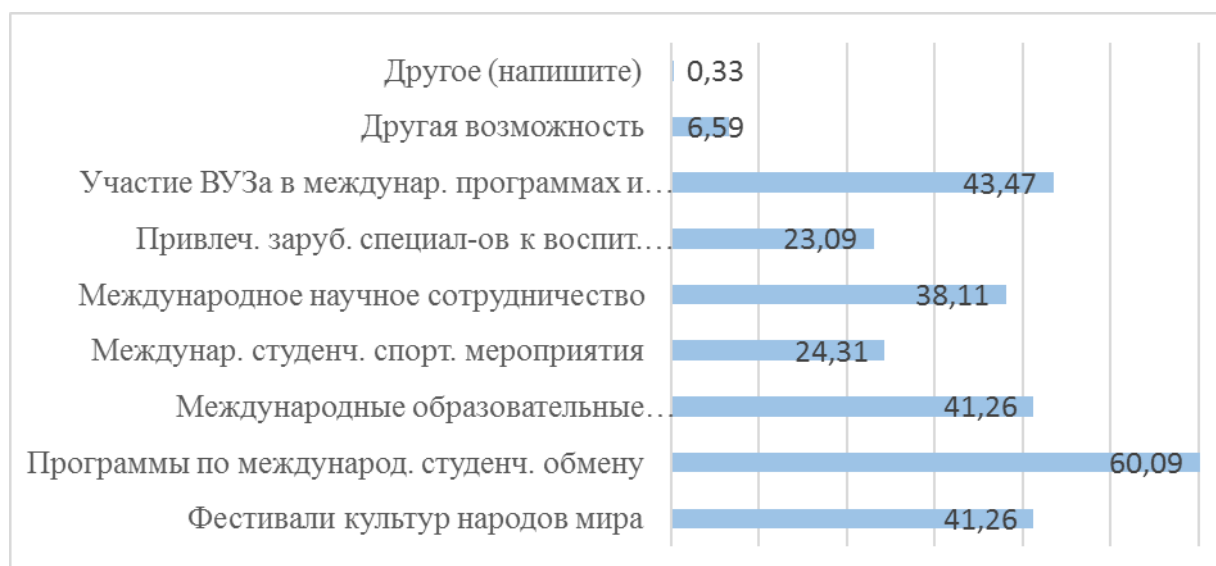

Рис. 2.6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие направления работы ВУЗов, на Ваш взгляд, способствуют развитию международного гуманитарного сотрудничества? (Выберите не более 3 ответов)».

Вариант ответа	Доля
Масштабные мероприятия, включающие в себя несколько направлений	29.38%
Культурно-творческое направление (студенческая весна, конкурс театральных постановок, вокально-инструментальные конкурсы)	40.48%
Физкультурно-спортивное направление (универсиады, турниры, соревнования)	20.75%
Научно-образовательное направление (конференции, семинары, круглые столы)	47.29%
Патриотическое направление (поисковые отряды, создание музеев славы, реконструкции исторических событий)	12.6%
Международное направление (поездки за границу, встреча международных делегаций, международные конкурсы)	52.8%
Гражданско-правовое направление (юридические консультации, помощь с сложной жизненной ситуацией, права обучающихся)	11.52%
Другое (напишите)	0.89%

Рис. 2.7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие направления воспитательной работы в вузе Вам кажутся наиболее интересными? (не более 2 ответов)».

В целом, респонденты нарисовали следующий идеальный образ образования будущего в России через 20 лет: доступное, бесплатное, практико-ориентированное, международное, глобальное и адаптированное под актуальные запросы рынка труда (рис. 2.8). Следует отметить важность оценки международных программ финансовой поддержки студенческого самоуправления и проведения молодежных мероприятий, которые выступают механизмом формирования будущей общей среды интегрирующихся стран, закладывая соответствующие ценностные основы.

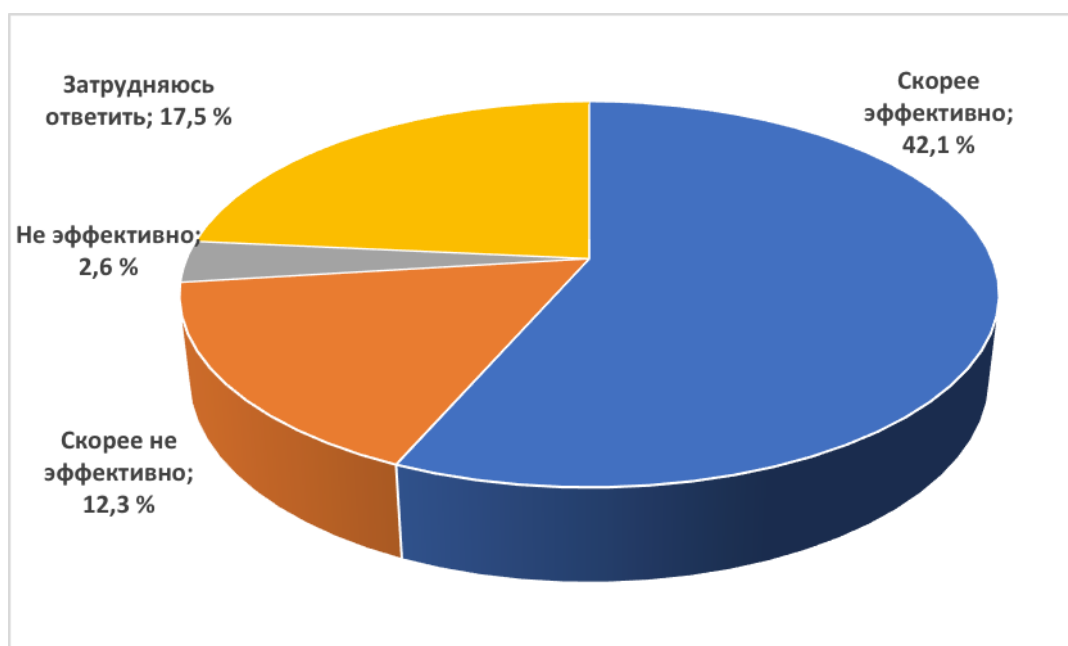

Рис. 2.8. Распределение ответов респондентов на вопрос об эффективности механизма международных программ финансовой поддержки студенческого самоуправления и проведения молодежных мероприятий²¹⁸.

Блок «Активность демократических институтов гражданского общества». В данном блоке уровень социальной сплоченности зеркально отражается в степени развития институтов гражданского общества, способных интегрироваться для конкретных дел. Так, наиболее важными эксперты назвали показатели, содержание которых связано с согласованным формированием сознания человека — показатели таких аспектов как «Массовое сознание (общественное мнение)» получили наивысший средний балл (4,3)²¹⁹.

Три показателя данного блока обозначили максимальную важность оценки личностного восприятия друг друга гражданами стран-участниц: «Доля граждан, отмечающих другие страны региона как дружественные / недружественные» (4,5); «Отсутствие/наличие межнациональных конфликтов в стране» (средний балл 4,44); «Доля граждан, с симпатией/доверием, относящихся к жителям других стран региона» (средний балл 4,4), т.е. те показатели социокультурного взаимодействия,

²¹⁸ АИМС-2017.

²¹⁹ ПИМГС-2017.

которые характеризуют коннотации в восприятии населением других стран в целом. Дружественность, симпатии, доверие и неконфликтность – ключевые индикаторы, определяющие общую среду, окружающую конкретного человека в интегрированном социальном пространстве стран-участниц, которые конечно же выражают конкретные достижения социокультурного сотрудничества с точки зрения Человека, позволяя предметно выразить качество работы, реально проведенной институтами гражданского общества каждой страны и надгосударственными структурами в целом для формирования взаимного доверия, сотрудничества и взаимодействия как составляющих социального капитала²²⁰.

Востребованность международного направления в составе воспитательной работы со студентами демонстрируют ответы респондентов опроса участников I Всероссийского форума по воспитательной работе «Воспитание и студенчество»²²¹. По мнению большинства респондентов экспертного опроса, наиболее интересными направлениями воспитательной работы для студентов выступили масштабные мероприятия (64,9%), культурно-творческое направление (50%) международное направление (36%). Международное направление расшифровывалось в вопросе следующим образом: поездки за границу, встреча международных организаций, международные конкурсы. В наименьшей степени, как интересное, для студентов, респонденты отметили гражданско-правовое (14,2%) и патриотическое (19,5%) направления. В графе «другое» эксперты указывали интересные, по их мнению, направления: неформальное образование, профессионально-техническое направление, а также комментировали, что все направления в равной степени важны. Международные программы поддержки рассматриваются респондентами как достаточно эффективные механизмы

²²⁰ Там же.

²²¹ ВС-2017.

развития самоуправления и проведения молодежных мероприятий (рис. 2.9)

222

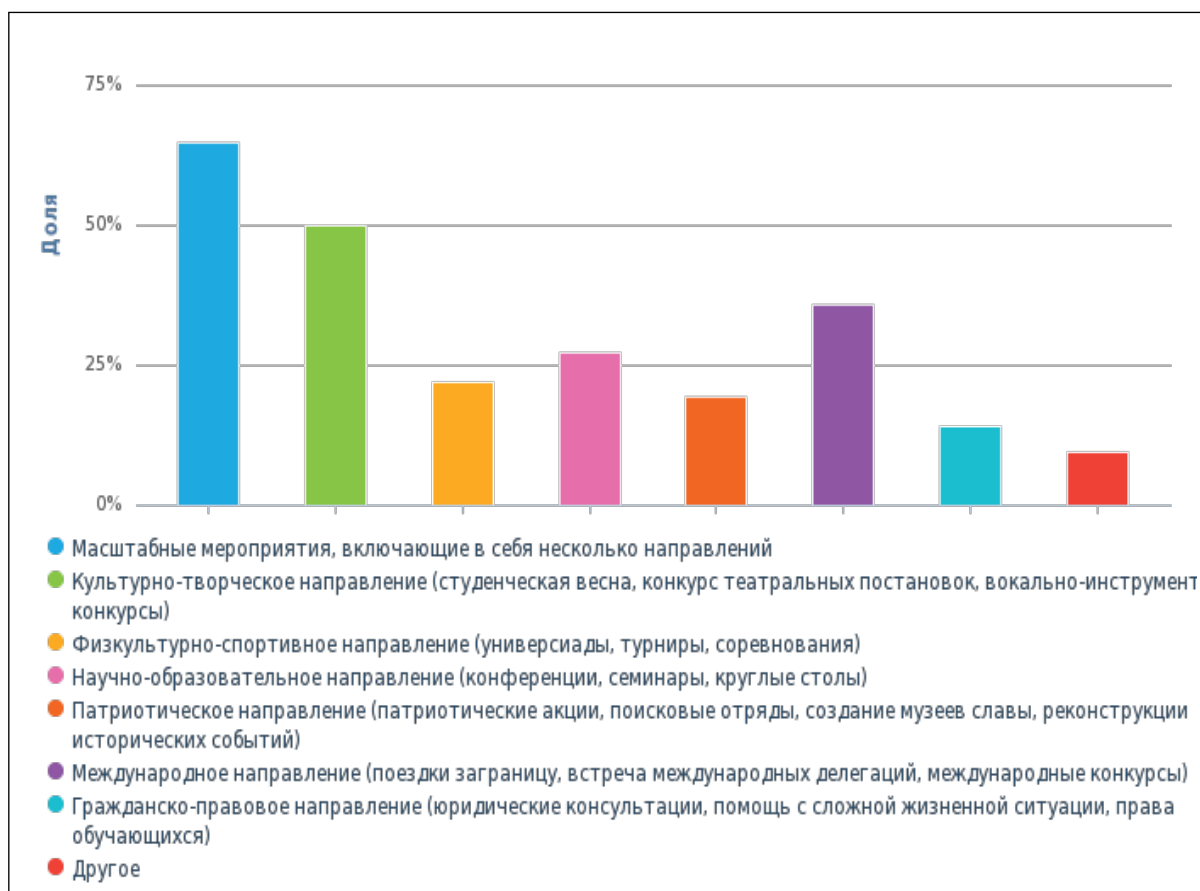

Рис. 2.9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие направления воспитательной работы в ВУЗе Вам кажутся наиболее интересными для студентов?»

Блок «Интенсивность социальных обменов». Данный блок отражает содержание и условия межстрановой коммуникации и включает группы показателей четырех аспектов – «Язык», «Туризм»²²³. Наиболее значимые показатели гуманитарного сотрудничества на межгосударственном уровне евразийских интеграционных образований постсоветских стран с участием России (СНГ, ЕАЭС, Таможенного Союза) в аспекте языка эксперты называют те из них, которые характеризуют практическое применение населением иностранных языков, используемых в данных странах. Так показатель «Наличие/отсутствие дискриминации какого-то языка» получил самую высокую оценку экспертов (средняя оценка – 4,56 балла).

²²² Там же.

²²³ ПИМГС-2017.

На втором месте две группы показателей «Туризм», составляющее поле практических взаимодействий и значимо влияющих на экономическую эффективность интеграции. В то же время высокая оценка такого аспекта как «Туризм» получена за счет наивысшей средней оценки важности показателя «Наличие прямого авиасообщения со столицами стран региона» (4,5 балла), который на самом деле может относиться практически ко всем аспектам, а средние оценки остальных показателей находятся в диапазоне 4,0-4,3 балла, что не выделяет их из общих средних оценок других аспектов.

Менее важными по итогам экспертной сессии признаны показатели аспекта «Спорт» (средний балл 3,56). На сегодняшний момент это вероятно определяется еще и тем, что сегодня взаимодействие в рамках данного «аспекта» ведется, как правило, на профессиональном уровне (обмен профессиональными спортсменами, тренерами и результатами их труда). Коммуникация здесь происходит опосредованно на уровне институтов и особых профессиональных сообществ, а не граждан страны, занимающихся массовыми видами спорта. Поэтому важность такой коммуникации эксперты в целом оценивают ниже, чем коммуникацию на микроуровне, т.е. взаимодействия непосредственно между гражданами, что показывает разрыв взаимодействий, осуществляемых гражданами (микроуровень) и взаимодействиями, осуществляемыми в рамках деятельности межгосударственных институтов (макроуровень). Опрос молодежи и студентов Южного федерального округа подтверждает важность такого показателя как «Доля граждан, владеющих иностранными языками (языками стран региона)». Студенты отмечают наличие такой проблемы как плохое знание иностранного языка (18,5 %), считают важными активизировать такие направления работы как участие ВУЗов в международных спортивных студенческих олимпиадах и спортивных мероприятиях (24,31 %) ²²⁴.

²²⁴ АИМС-2017.

Более интересен результат, полученный по аспекту «Семья и брак» (средний балл 3,74). Среди всех показателей данного аспекта наивысшую оценку получил показатель «Симпатия/антипатия к бракам представителей определенных стран со стороны населения» (средний балл 4,1), лишь на 0,1 балла ему уступает показатель «Правовые особенности (барьеры, ограничения, послабления и т.п.) заключения межнациональных браков» (средний балл 4,0) – выбор экспертов осуществлялся преимущественно на микроуровне, показатели выбирались исходя из критерия важности для жизни и деятельности человека в общей социокультурной среде. Отсутствие препятствий для заключения межнациональных браков в сознании граждан и в правовой системе они ценят выше статистики о браках и усыновлении.

Блок «Механизмы согласования микродинамических процессов (миграция)». Входящий аспект «Миграция» занимает второе место в рейтинге по итогам экспертного опроса. Высокая оценка большинства показателей указанного аспекта демонстрирует практическую полезность данного направления для интеграции как таковой и социокультурной интеграции, в частности, поскольку непосредственно затрагивает жизнедеятельность граждан, требующую создания соответствующих условий от стран-участниц, что невозможно выполнить только, опираясь на экономическую интеграцию без учета социокультурной составляющей. Другие возможности данного аспекта на данном этапе развития интеграционных процессов нет смысла рассматривать, поскольку они касаются вопросов «защиты уязвимых слоев населения» равного для граждан всех стран-участниц доступа к благам и должны бы были включать процедуры согласования социальной политики.

Блок. Безопасность информационного поля, т.е. инструменты поддержания безопасности процессов интеграции через формирование сознания человека, эксперты дали высокую оценку показателям аспекта «Информационное поле, СМИ» (средний балл 4,24). Высокое значение аспекта «Информационное поле, СМИ» получил показатель «Доля граждан,

использующих/доверяющих информационным ресурсам стран региона», в названии которого также имеется ключевое слово «доверие».

Блок «Ценностные основания социальной сплоченности». В данный блок входят показатели таких аспектов как «Культура» и «Религия», определяющих ценностные основания социальной сплоченности, определяющие интересы и потребности отдельного человека на ментальном уровне. Их совокупный средний балл – один из самых низких в оценках экспертов, т.е. эксперты не видят важность этих показателей в их влиянии на гуманитарное сотрудничество и социальную сплоченность. Показатели такого аспекта как «Религия» (средний балл 4,1), а «Культура» еще меньше – (3,84) и определяют качество организации и проведения первичной социализации в странах-участницах. Невысокое значение можно частично объяснить, что данное направление традиционно осуществляется Россотрудничеством, но состояние сплоченности и гуманитарного сотрудничества по мнению многих экспертов желает быть лучшим, что подтверждается материалами глубинного интервью²²⁵:

«...Потому что, к сожалению, понятие «евразийский» политизировано и... отторжение происходит... простых граждан... Семейные ценности, религиозные ценности, обычаи и традиции... Эти вещи более людей объединяют. Они их сохраняют. Мне кажется в этом отношении надо проводить большую работу».

Т.Б., Киргизия.

Таким образом по совокупности важнейших характеристик ряда проведенных исследований – состава экспертов, понятности и приемлемости вопросов анкет и оцениваемых показателей, а также характеристик оценивания в межстрановом экспертном он-лайн опросе (по полноте оценок и использования всей шкалы для оценивания)²²⁶, частичной апробации

²²⁵ ЕИВИС-2017.

²²⁶ ПИМГС-2017.

показателей в глубинном интервью экспертов²²⁷, массовых опросах студентов и молодежи²²⁸ и опросе экспертного сообщества по воспитательной работе ВУЗах России²²⁹, можно считать достаточно обоснованным расширенный набор показателей социокультурного межгосударственного сотрудничества.

Количественные и качественные показатели, важность которых отмечена экспертами, позволяет сделать вывод о возможности использования полученного набора показателей для формирования итогового списка важнейших показателей межгосударственного социокультурного сотрудничества и управления процессами евразийской интеграции применительно к евразийским интеграционным процессам с участием России. Для итогового отбора показателей в разрабатываемом инструментарии мониторингового исследования процессов определен пороговый уровень среднего балла 4,1 балла исследования «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества»²³⁰. В то же время по таким аспектам как «Культура» и «Семья и брак» отсутствуют показатели, средний балл оценки которых был бы равен или выше выбранного порогового значения. В аспекте «Спорт» имеется один показатель, значение которого равно пороговому («Число проводимых в стране международных спортивных соревнований интеграционного формата (например, за кубок ЕАЭС или СНГ) (в год)»). А в аспекте «Семья и брак» единственный показатель, равный пороговому значению («Симпатия/антипатия к бракам представителей определенных стран со стороны населения»)²³¹.

Таким образом в итоговую модель инструментария мониторингового исследования качества интеграционных процессов включено 22 из предложенных к экспертной оценке 84-х показателей социокультурного сотрудничества, набравшие значение среднего балла выше порогового (4,1

²²⁷ ЕИВИС-2017.

²²⁸ АИМС-2017.

²²⁹ ВС-2017.

²³⁰ ПИМГС-2017.

²³¹ Там же.

балла) и приемлемые значения возможности их измерения, дополненные показателями, получившими максимальную оценку из аспектов «Спорт» (важность 4,1, измеримость 4,5) и «Семья и брак» (важность 4,1, измеримость 3,95). Перечень показателей представлен в табл.2.1.

Таблица 2.1.

Наиболее значимые показатели межстранового социокультурного сотрудничества

№ п/п	Параметр	Средний балл	Блок	Аспект
1	Наличие/отсутствие дискриминации какого-то языка	4,56	Интенсивность социальных обменов	Язык
2	Доля граждан, отмечающих другие страны региона как дружественные / недружественные	4,55	Активность демократических институтов гражданского общества	Массовое сознание. Общественное мнение
3	Количество международных проектов и исследований, совместных с другими странами региона	4,5	Содержание социальных взаимодействий	Образование и наука
4	Наличие прямого авиасообщения со столицами стран региона	4,45	Интенсивность социальных обменов	Туризм
5	Отсутствие/наличие межнациональных конфликтов в стране	4,44	Активность демократических институтов гражданского общества	Массовое сознание. Общественное мнение
6	Доля граждан, с симпатией/доверием, относящихся к жителям других стран региона	4,40	Активность демократических институтов гражданского общества	Массовое сознание. Общественное мнение
7	Доля населения, использующего (способного использовать) язык межнационального общения (второй государственный, официальный и т.п.) дома, в кругу семьи	4,36	Интенсивность социальных обменов	Язык
8	Доля граждан, владеющих иностранными языками (языками стран региона)	4,31	Интенсивность социальных обменов	Язык
9	Доля населения страны, позитивно относящихся к иммигрантам из стран региона	4,31	Механизмы согласования микродинамических процессов (миграция)	Миграция

10	Число ежегодно въезжающих туристов	4,29	Интенсивность социальных обменов	Туризм
11	Тональность информационных материалов в СМИ по вопросам интеграции стран региона	4,3	Безопасность информационного поля	Информационное поле, СМИ
12	Доля граждан, свободно читающих и говорящих на русском языке	4,25	Интенсивность социальных обменов	Язык
13	Наличие/отсутствие ограничений на доступ к иностранным (стран региона) интернет-ресурсам	4,25	Безопасность информационного поля	Информационное поле, СМИ
14	Доля граждан, положительно (или нейтрально) относящихся к иным конфессиям	4,24	Ценностные основания социальной сплоченности	Религия
15	Доля граждан, использующих/доверяющих информационным ресурсам стран региона	4,22	Безопасность информационного поля	Информационное поле, СМИ
16	Доля граждан, выбирающих страны региона для работы	4,22	Механизмы согласования микродинамических процессов (миграция)	Миграция
17	Число иностранных студентов/преподавателей (из стран региона), приезжающих в страну	4,22	Содержание социальных взаимодействий	Образование и наука
18	Число совместных публикаций с авторами из других стран-участниц мониторинга	4,21	Содержание социальных взаимодействий	Образование и наука
19	Наличие и доступность (отсутствие административных барьеров) программ стажировок и учебы по обмену для иностранцев (граждан стран региона)	4,21	Содержание социальных взаимодействий	Образование и наука
20	Количество выставок (фотографии, картины, скульптуры, произведения народных промыслов и т.п.) из стран региона за определенный период	4,20	Ценностные основания социальной сплоченности	Культура (массовая)
21	Число проводимых в стране международных спортивных соревнований интеграционного формата (например, за кубок ЕАЭС или СНГ) (в год)	4,10	Интенсивность социальных обменов	Спорт
22	Симпатия/антипатия к бракам представителей определенных стран со стороны населения	4,10	Интенсивность социальных обменов	«Семья и брак»

Предложенный перечень может выступать основой ключевых показателей эффективности (KPI) деятельности органов власти стран-участниц в достижении стратегических и тактических целей евразийских интеграционных процессов (при достижении соответствующих установок на уровне институтов наднационального управления). Так, например, с точки зрения обозначенного выше подхода к оценке гуманитарной интеграции, можно признать эффективность планируемых мероприятий министерств и ведомств РФ в разделе «Образование и наука» плана гуманитарного сотрудничества стран – участников СНГ на 2017-2018 гг.²³², «Поддержка Сетевого университета СНГ» (при условии, если в рамках его деятельности запланировать²³³ дополнительные мероприятия, влияющие на участвующих в них конкретных граждан: обмен студентами и преподавателями; проведение совместных международных научных исследований; проведение международных конференций с участием стран региона, а также совмещение роли участников конференций и ролью туристов, с целью повышения их знаний о культурных особенностях стран-участниц интеграции, что достигается дополнением основной программы программой культурных мероприятий.

Так, на эффективность интеграции могли бы повлиять все запланированные международные конференции, форумы, конгрессы, съезды, школы ученых, творческие конкурсы, чемпионаты мастерства, включенные в указанный выше план, поскольку эти действия реально повлияют на значение таких показателей как «Доля граждан, с симпатией/доверием, относящихся к жителям других стран региона»; «Число иностранных студентов/преподавателей (из стран региона), приезжающих в страну», «Число проводимых международных конференций в год с участием стран региона», а

²³² Решение Совета глав правительств СНГ «О Плате приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2017-2018 годы» от 28 октября 2016 года. [Электронный ресурс] URL: <https://e-cis.info/page/3651/81207/> (доступ 03.03.2018).

²³³ ЕИВИС-2017.

также косвенно позитивно повлияют на значение показателя «Тональность информационных материалов в СМИ по вопросам интеграции стран региона».

Все пункты этого раздела плана косвенно влияют на рост числа пассажиров авиаперелетов и доли граждан, с симпатией и доверием относящихся к жителям стран региона. Планирование различных мероприятий с участием представителей интегрирующихся стран, увеличение числа турпоездок социокультурного назначения, введение льготных цен на поездки болельщиков международных спортивных соревнований интеграционного формата приведут к тому, что будут восстановлены авиарейсы между столицами интегрирующихся стран.

В разделе «Спорт и туризм» этого же плана наиболее эффективными с точки зрения интеграции выступают международные туристические выставки; организация информационных туров о туристическом потенциале для туроператоров и представителей СМИ, фестиваль национальных видов спорта, Международный юношеский турнир по самбо среди команд городов-героев, городов воинской славы и федеральных округов «Победа» и др.

Частичный экспересс-анализ плана только одного ведомства (Россотрудничества)²³⁴ с позиции эффективности показателей интеграции стран-участников свидетельствует о слишком узкой смысловой направленности их мероприятий межгосударственного взаимодействия, осуществляемых преимущественно на двусторонней основе в привычном формате «перекрестных годов, учреждении центров науки и культуры, мер поддержки русского языка, проведения выставок-презентаций и акций, узко направленных, в основном, на экономическую выгоду в старой парадигме и инвестиционную привлекательность Российской Федерации.

²³⁴ Распоряжение Правительства РФ от 9 октября 2014 г. N 2006-р «Об утверждении Плана мероприятий по активизации деятельности в сфере содействия международному развитию и гуманитарного сотрудничества на базе российских центров науки и культуры за рубежом на 2014-2016 гг». [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/420225444> (дата обращения: 04.10.2020); План деятельности Россотрудничества на 2017 г. [Электронный ресурс] URL: <http://rs.gov.ru/ru/pages/385>. (дата обращения: 04.10.2020).

Так, например, в плане отсутствуют мероприятия, которые могли бы повысить значение такого показателя как «Количество международных проектов и исследований, совместных с другими странами региона», который эксперты посчитали наиболее важным для оценки социокультурного сотрудничества по аспекту «Образование и наука». Но это направление не является привычным для министерств и ведомств, так как считается прерогативой Министерства образования и науки. Существующие подходы к планированию опираются, скорее, на межведомственную разобщенность и устаревший стандарт традиционных мероприятий, проводимых на межгосударственном и дипломатическом уровне многими десятилетиями.

Совместные международные научные проекты и исследования – это другой уровень сотрудничества, опирающийся на горизонтальные связи. Здесь более продуктивными могли бы быть институты гражданского общества, но включение в этот процесс научно-аналитических НКО и ВУЗов проблематично в силу действия Федерального закона «Об иностранных агентах», который должен все же иметь избирательную основу, легитимные исключения для совместной деятельности институтов гражданского общества на общем пространстве СНГ при условии поступления финансов, которые формируются из источников стран-членов или других международных источников, в которые поступают средства стран-участниц. Но тогда корректность использования средств этих фондов должна жестко отслеживаться.

Отметим, что данное направление вполне может внести свой значимый вклад в инновационные направления развития экономики, техники, технологии в государствах СНГ, т.е. результат может быть более комплексным и эффективным.

Согласованность направлений будущих действий стран определяется процедурами согласования предложений каждой из интегрирующихся стран на Мегауровне с принятием основных показателей и критериев их оценки на уровне руководящих структур СНГ. Введение индекса гуманитарной

интеграции и социальной сплоченности как управленческого инструмента на всех уровнях управления позволит организационным структурам отслеживать соответствующие направления развития с учетом согласованных параметров на всех уровнях управления. В результате могут быть сформированы как постоянно действующие показатели социологического мониторинга степени согласованности сотрудничества интегрирующихся стран в различных областях деятельности, так и периодически вводимые новые характеристики, связанные с управлением социальными измерениями.

Так, показатели Макроуровня определяются направлениями государственной политики в каждой стране. С этой позиции, т.е. с позиции государств, внешняя политика стран СНГ сконцентрирована сегодня преимущественно на более понятных и менее спорных проблемах – экономке, безопасности и исходящей из них политике. Гуманитарные аспекты здесь присутствуют лишь частично, они вторичны и затрагивают только частично такие сферы как наука и образование, культура и искусство, спорт и туризм, и в меньшей степени СМИ, информационный обмен, интернет.

Микроуровень практически вообще не рассматривается. Цели политики России в области социального и культурно-гуманитарного международного взаимодействия практически не включают вопросы развития способностей отдельного человека и защиту его интересов, они отражают преимущественно *интересы государств*. При этом создание пространства взаимного доверия и взаимопонимания теснейшим образом связано с самосознанием граждан интегрирующихся стран Евразии, а значит и с темой евразийской идентичности. Практическая сторона данной проблемы выражается в том, что, хотя никто вроде бы и не чинит препятствий взаимным контактам, но в целом сохраняются «стереотипы большинства населения стран-членов СНГ относительно друг друга», а институты гражданского общества не выходят за рамки национальных государств. В России этому способствует закон об иностранных агентах, в котором выбран непростой способ отслеживания финансовых потоков в целях безопасности страны, но ведущий к огромным

потерям на других направлениях деятельности органов власти и институтов гражданского общества.

Подводя итог, отметим, что качество интеграционных процессов в новой парадигме необходимо отслеживать мониторинговыми инструментами, включая внутренние и внешние изменения в общей социокультурной системе. В эффективном осуществлении экономической интеграции уже невозможно обойтись без социокультурной составляющей т.е. без наличия общей ценностной основы сотрудничества.

Рассмотренные компоненты индекса социокультурной (гуманитарной) интеграции и социокультурной сплоченности на данном этапе исследования не претендуют на полноту и точность, но могут быть полезными для улучшения условий широкого межкультурного диалога, развития институтов гражданского общества, межгосударственных общественных организаций, что позволит лучше формулировать и оценивать альтернативы управления процессами евразийской интеграции.

2.2. Тенденции и проблемы социокультурного характера в евразийских интеграционных процессах с участием России

Для определения тенденций и проблем в рассматриваемых аспектах евразийских интеграционных процессов и институтов с участием России, были проанализированы результаты следующих исследований:

- шесть мониторинговых опросов общественного мнения, проведенных в 2012-2017 гг. Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЕАБР) в партнерстве с Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор»²³⁵;
- «Евразийская интеграция: восприятие, инструменты, состояние»²³⁶;
- «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества»²³⁷,

²³⁵ ИБ-ЕАБР-2012-2017.

²³⁶ ЕИВИС-2017.

²³⁷ ПИМГС-2017.

– «Политическая культура постсоветских стран: экспертная рефлексия»²³⁸.

По итогам их комплексного социологического анализа были выявлены две основные тенденции – *интеграционная* и *дезинтеграционная*.

Интеграционная тенденция. Приверженность интеграции, способствующая социальной сплоченности.

Представленные в исследовании ожидания граждан стран постсоветского пространства, респонденты из которых участвовали в Евразийском мониторинге, свидетельствуют о том, что народы этих стран желают иметь свободу передвижения с возможностью жить, работать, учиться и вести бизнес в странах интегрирующегося пространства, мечтают о свободной торговле и инвестициях между странами СНГ (хотя также и со странами Европейского союза)²³⁹. Заметно обозначилась потребность респондентов в административных усилиях по организации общей безбарьерной социальной среды для жизни, деятельности, свободного передвижения и развития человека, поскольку эта среда несет в своем ядре общие социокультурные нормы и ценности, и близкий менталитет:

«Мне кажется мы подошли к тому этапу, когда Евразийский экономический Союз, который изначально создавался политическими элитами, из верхушечного политического проекта трансформировался в проект для простых людей, т.е. евразийская интеграция по идее да при благоприятном исходе должна пронизать все сферы жизни человека, ...чтобы граждане стран Евразийского экономического Союза могли путешествовать по стране без необходимости паспортного контроля, ...чтобы они могли говорить по сотовому телефону без роуминга, из таких небольших элементов, которые создают комфортную среду евразийской интеграции. ...Восприятие евразийской интеграции – это и есть будущее евразийской интеграции, это и есть ее капитал в общественном восприятии».

Т.Ж., Казахстан²⁴⁰.

²³⁸ ПКПС-2016-2017

²³⁹ ИБ-ЕАБР-2012-2017.

²⁴⁰ ЕИВИС-2017.

Готовность граждан стран-участниц евразийского проекта к процессу интеграции в условиях объективных мировых процессов формирования общей идентичности интегрируемых стран подтверждают и результаты, полученные И.В. Задориным: «... в целом общественная поддержка интеграции в рамках ЕАЭС налицо. Это подтверждается в том числе и нашими многочисленными исследованиями. В Казахстане и России – странах «ядра» Евразийского экономического союза – доля сторонников вхождения страны в ЕАЭС стабильно превышает 75% респондентов, в Беларуси немного меньше, но все равно больше 60%. В Кыргызстане и Армении, более «молодых» участниках Союза, доля сторонников также велика (около 60%). Естественно, политики играют ведущую роль, но легитимация со стороны населения есть. Кстати, в Таджикистане, не входящем в ЕАЭС, среди населения также довольно высока поддержка союзного вектора (больше 70%)»²⁴¹.

Блок «Ценностные основания сплоченности». Специфика формирующейся общности на пространстве стран-участниц СНГ обладает всеми признаками становления устойчивой цивилизационной общности с особыми качествами. У ее представителей бережно сохраняется представление о своей национальности и самобытной культуры, поскольку система СНГ – это саморегулируемая система поддержания социокультурного разнообразия. Взаимодействие европейской и восточной культур определило черты, присущие многим народам, создало уникальные особенности российско-азиатской общности:

- терпимость к сложившимся формам совместного бытия, традиционности, самоограничение;
- стремление к справедливости и совестливости;
- склонность к взаимообогащению культур, подвижничеству, оказанию помощи, служению человечеству и др.,

²⁴¹ Игорь Задорин. Евразийского союза не будет без общей идентичности. 15 Июня 2016 г. [Электронный ресурс] URL: <https://eurasia.expert/zadorin-evraziyskiy-soyuz-identichnost/> (дата обращения: 14.04.2018).

– отказ от наживы и стяжательства как мерила общественного успеха личности.

Истоки приверженности интеграции граждан постсоветского пространства выявлены в глубинном интервью «Евразийская интеграция: восприятие, инструменты, состояние». Главным трендом выступает экономическая составляющая – практически все респонденты солидарны в том, что каждая из стран надеется в результате получить взаимные экономические выгоды и конкурентоспособность в мировой экономике. Но мнения респондентов свидетельствуют о наличии оснований ментального характера для общего социокультурного пространства как пространства, базирующегося на близких ценностях:

«У нас есть общие с другими странами ценности и общее видение будущего. Мы жили раньше в одном государстве в Российской империи, в СССР и теперь у нас есть общие ценности. Я считаю, что эти общие ценности действовать и здесь будут. Есть общая перспектива, т.е. у нас будет сотрудничество».

Б.К., Армения.

«Евразийская интеграция – это достаточно интересный политический проект... Он частично основывается на постсоветской или советской идентичности граждан, ...уже практически более 25 лет этого государства не существует, тем не менее они сохраняют общую культуру, общие ценности, у них до сих пор есть общая история, в принципе, в связи с тем, что у них есть это единство, есть некая платформа, для построения и развития общей идентичности...».

Г.К., Киргизия.

«После распада Советского Союза не удалось сохранить многих механизмов, которые можно было сохранить, допустим тот же самый русский язык, какие-то культурные традиции, которые были всем понятны и просты в понимании и также об экономических я вообще не говорила, так как была Единая система... Но после того как Союз перестал существовать за 26 лет утратили

эти связи и теперь пытаются восстановить... Евразийская интеграция – это восстановление, но по-новому, скажем так, перезагрузка».

А.Н., Киргизия²⁴².

Интерес вызывают ответы вопрос «Из каких стран надо больше приглашать в нашу страну артистов, писателей, художников, закупать и переводить книги, кино, музыкальные произведения и другую культурную продукцию?». По данным 2016 г., более половины респондентов Беларуси и Таджикистана, около половины респондентов Казахстана, Кыргызстана и Молдовы предпочитают приглашать артистов, писателей, художников, закупать и переводить книги, кино, музыкальные произведения и другую культурную продукцию из России. Россия опережает по этому показателю Францию, Германию, Великобританию, Индию и США²⁴³.

Блок «Интенсивность социальных обменов». Приверженность интеграции обусловлена общностью исторического процесса, наличием общих ментальных оснований и сохранением русского языка как языка межнационального общения, активно поддерживаемых коммуникаций с родственниками, близкими, находящимися в соседних странах. По данным мониторингового опроса, коммуникативные связи имеются более чем у половины взрослого населения Таджикистана, Армении, Кыргызстана, Беларуси и Молдовы²⁴⁴. Важность общения подтверждается высказываниями респондентов:

«Для меня это, в первую очередь, наверное, платформа где могут общаться представители разных стран обмениваться своими культурными [творениями] какими-то, познакомиться, а также на базе этого избегать очень многих конфликтов и конфликтных ситуаций».

А.П., Армения.

«Интеграция – это общение между народами может быть в таком глобальном плане; и общение просто между людьми, между молодежью, между

²⁴² ЕИВИС-2017.

²⁴³ ИБ-ЕАБР-2012-2017.

²⁴⁴ Там же.

студентами... конечно, это важнейший аспект интеграции для того, чтобы люди видели друг друга общались друг с другом, понимали друг друга...

А.А., Россия²⁴⁵.

Россияне остаются наиболее востребованными туристами в странах Центральной Азии, Молдове и Беларуси²⁴⁶.

Блок «Содержание социальных взаимодействий в модернизационных процессах». Потребность в интеграции в области научно-технического сотрудничества и в получении образования за границей является одним из наиболее значимых индикаторов социокультурной близости между странами. Образование в России предпочтительно для 49 % респондентов Таджикистана, 34 % для респондентов из Казахстана, 19 % – из Молдовы, но меньшей престижностью российских документов об образовании²⁴⁷. Интеграция рассматривается как процесс консолидации стран и народов постсоветского пространства, по мощности подобно Советскому Союзу, но на новом уровне. Выявлено также нежелание быть частью сообщества развивающихся стран, т.е. стран, отставших в своем развитии от стран высокоразвитых, а Советский Союз, по их мнению, относился к странам с высоким уровнем развития:

«После развала Советского Союза у нас еще осталась достаточно развитая инфраструктура, высокий уровень образования, медицинского обслуживания, и я думаю, что вот эта интеграция поможет всем странам участникам объединить свои усилия, максимизировать потенциал и быть более конкурентоспособными на международном уровне, если они смогут объединиться на каких-то определенных началах, которые позволят им совместно развиваться, как нечто единое целое в рамках экономического пространства».

Г.К., Киргизия.

²⁴⁵ ЕИВИС-2017.

²⁴⁶ ИБ-ЕАБР-2012-2017.

²⁴⁷ Там же.

«Евразийские народы это умудренные опытом народы, которые не раз в течение истории показали, что мы можем жить и развиваться по отдельности. Но мы можем гораздо больше развиваться если мы будем прикладывать общие усилия, мы можем дать успехов, о которых можно было раньше только мечтать».

О.О., Армения.

«Интеграция– это сотрудничество во всех отраслях, начиная от взаимовыгодного экономического сотрудничества, сближения экономических позиций, стирания различных экономических барьеров сотрудничества в научной, образовательной сфере, для того чтобы на нашем Евразийском пространстве для людей было как можно меньше барьеров и как можно больше возможностей во всех странах, входящих в содружество».

А.А., Россия²⁴⁸.

Идеи, высказанные респондентами, созвучны термину «корпоративная интеграция», рассматриваемой Б.А. Хейфецем и А.М. Либманом как «интеграция снизу» под влиянием бизнес-интересов, показавших, как корпоративная интеграция может выступать действенным инструментом интеграционного регионального сотрудничества в СНГ, за счет лоббистских возможностей корпоративных структур²⁴⁹.

Блок «Активность демократических институтов гражданского общества». Немаловажное значение в формировании интеграционных связей между регионами имеют и другие негосударственные структуры: политические партии и общественные движения, религиозные организации, организации образования и науки, благотворительные фонды и т.д. Именно деятельность негосударственных структур является основой процессов самоорганизации, фактором, скрепляющим межрегиональную интеграцию. Негосударственным организациям (коммерческим и некоммерческим)

²⁴⁸ ЕИВИС-2017.

²⁴⁹ См.: Хейфец Б.А., Либман А.М. Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 160 с.

межрегиональная интеграция выгодна, в первую очередь, поскольку расширяет географическое пространство их деятельности, позволяет гибче реагировать на изменения социально-экономических и политических условий, формирует дополнительные материально-технические средства и ресурсы работы. Зачастую именно негосударственные структуры способствуют началу интеграции, организуя хозяйственное, социальное, научное и культурное взаимодействие между структурами соседних регионов. Эти аспекты выделяются и в материалах глубинного интервью:

«Евразийская интеграция, по моему мнению, это, прежде всего, содружество народов, содружество культур и религиозных традиций, но самое главное осознать то, что связывает эти традиции и культуры и народы. И Евразийская интеграция – это процесс, который начался в постсоветский период, признан все-таки выработать некие ценности, которые объединяют людей и когда мы поймем, что это за ценности и государственная ценность и общественная религиозная и так известно, призывает к нравственности, добру, к хорошим добрым поступкам к социальным служениям, но мы должны определиться с институтами, это демократические институты культурного сотрудничества».

Л.Р., Россия²⁵⁰.

Блок «Безопасность информационного пространства». Еще один важный факт – ожидание решения проблемы обеспечения безопасности интегрирующихся стран. Как следует из ответов респондентов глубинного опроса, этот аспект важен уже не только для элит и государственных руководителей, но и для гражданами:

«Посмотрите, что происходит в Сирии. Это региональные войны. Там очень много непосредственных участников, которые стремятся решить свои проблемы. И вот если бы не было евразийской интеграции как военной интеграции, например, то на евразийском пространстве были бы уже и

²⁵⁰ ЕИВИС-2017.

внутренние и межгосударственные войны. Поэтому евразийская интеграция – это гарантия безопасности всего этого большого пространства. В том числе и для Армении тоже. Для всех государств, которые интегрированы в это пространство».

М.С., Армения²⁵¹.

И.В. Задорин так обозначил проблемную область обеспечения безопасности стран: «Сейчас многие граждане стран ЕАЭС неожиданно для себя увидели, что мир существенно разделен, и эти разделительные линии могут быть конфликтными. И теперь надо определяться, с кем мы в том или ином конфликте, условно в какую "империю" входим. Это вопросы, от которых простые люди обычно весьма далеки, и о которых в обычной жизни мало задумываются. А теперь эти вопросы задевают многих прямо-таки на бытовом уровне – что читать, кого слушать, чьи продукты покупать, куда ехать отдыхать, где учиться детям и т.п. Эти вопросы неожиданно стали более выпуклыми. Пока разделение неустойчивое, идет борьба и возможны колебания»²⁵². Таким образом, проявляется ожидание построения безопасного евразийского пространства на основе геоинформационной культуры безопасности, т.е. создания условий для утверждения общей культуры.

Дезинтеграционная тенденция.

Такая тенденция на постсоветском пространстве явно выражена в Грузии, Украине, где власти формулируют стремление к вступлению в ЕС и НАТО (страны Балтии туда уже вступили) как антитезу не только курсу на интеграцию со странами этого пространства, но в отдельных случаях – и вообще отношениям с ними, например, используя термин «оккупация» применительно к российскому государству. Социологически же дезинтеграционные настроения измеряются и в интегрирующихся с Россией странах.

²⁵¹ ЕИВИС-2017.

²⁵² Игорь Задорин. Евразийского союза не будет без общей идентичности. 15 Июня 2016 г. [Электронный ресурс] URL: <https://eurasia.expert/zadorin-evraziyskiy-soyuz-identichnost/> (дата обращения: 14.04.2018).

Блок «Ценностные основания сплоченности». Исчезновение института советского гражданства, реалии самостоятельного политического существования образовавшихся государств поставили их граждан перед трудным выбором новой идентичности в связи с построением национальных государств и переходу к рынку и демократии. Привлекательность интеграции ЕС для граждан стран постсоветского пространства следует из приверженности демократическим нормам и ценностям, толерантности, свободе слова, бережным отношением к различиям. Эта гуманитарная составляющая, хорошо символически представленные ценности закреплены в информационном поле и хорошо узнаваемы в выступлениях руководителей стран ЕС. Хотя эти ценности были признаны и демократическими силами России, материалы глубинного интервью свидетельствуют:

«Такие как, например, Европейский Союз или Союз Американских Государств, или Объединение Южноазиатских Государств, они имеют, помимо цели и задач, еще концептуальные ценности, вокруг которых базируется единство граждан этих объединившихся стран. Вот, например, какие в Советском Союзе были: ценности коллективизма, атеизма, коммунистической морали, солидарности... но в Евразийском Союзе это отсутствует. Поэтому Евразийский союз начал действовать, не имея вот этого концептуального ценностного основания, тех цели и задач, которые бы были одобрены большинством людей...».

Б.Б., Казахстан²⁵³.

Речь идет о динамике осознанного формирования у граждан идентичности, чувства сопричастности к общему социальному пространству стран-членов СНГ, включающего в себя систему взглядов и убеждений, которые представляют собой социальные ценности, нормы поведения и коллективные символ, доминанты индивидуальной идентичности. Но, как отмечает Д.М. Бердаков, «все те, кто сейчас занимается продвижением

²⁵³ ЕИВИС-2017.

интеграции на пространстве СНГ, постоянно сталкиваются с тем, что они внятно не могут объяснить, что они продвигают. Нет набора ценностей, а лишь личные интерпретации, фантазии, мифы и размышления на эту тему, зачастую ничем не подкрепленные и реально или даже номинально не поддерживаемые»²⁵⁴. Кроме того, например, в России социологами постоянно фиксируется высокий уровень неприятия работников из каких-либо других стран (53% населения в 2017 г)²⁵⁵.

Блок «Безопасность информационного пространства». Замеры общественного мнения показывают постоянный рост доверия к таким странам, как Китай и Турция, а также к Евросоюзу, которые активно наращивают свое в т.ч. социокультурное присутствие на постсоветском пространстве. Напротив, аналитики отмечают, что межгосударственные конфликты между странами СНГ (особенно российско-украинское противостояние) существенно влияют на общественное восприятие участвующих в них таких стран, а в самих этих странах (особенно в России, Молдове и Армении) – усиливают автономистские настроения, так называемый интеграционный «нейтралитет», когда респонденты не называют ни одной привлекательной страны²⁵⁶. На этом фоне эксперты глубинного интервью выразили озабоченность состоянием информационного пространства, слабой работой с населением, особенно с молодежью:

«Я считаю, что надо работать над мнением молодежи, чтобы у них было положительное мнение об евразийской интеграции, чтобы они получили верную информацию, что это вообще такое».

Б.Б., Армения.

«Ну прежде всего я думаю, что стоит работать с гражданами, необходимо донести до людей, проживающих на территории тех стран,

²⁵⁴ Бердаков В.М. Евразийские ценности: мифы и реальность // Социокультурный аспект евразийской интеграции. Евразийский Гражданский Альянс: сборник научных статей / науч. ред. Л.А. Василенко. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 35.

²⁵⁵ ИБ-ЕАБР-2012-2017.

²⁵⁶ ИБ-ЕАБР-2012-2017.

государств – участников, которых собираются интегрировать на этой Евразийской платформе, вообще для чего нужна эта интеграции, почему она важна, чем она обусловлена и чего нам ожидать».

Г.К., Киргизия²⁵⁷.

Блок «Интенсивность социальных обменов». Наблюдается тенденция постепенного снижения коммуникационных связей, в том числе у Беларуси с Россией, Молдовой Украиной. За четыре года (2012-2016 гг.) на 3 % уменьшились коммуникации жителей Кыргызстана в Казахстане²⁵⁸. Одна из причин – наличие организационных и экономических барьеров. Не только между некоторыми столицами стран-участниц ЕАЭС отсутствует авиасообщение, но и стоимость авиабилета, например, из Казахстана в Ереван намного выше, чем из Казахстана в Братиславу. Подтверждение тому высказывания респондентов глубинного интервью:

«Ну как можно допустим интегрироваться с человеком, которого я не знаю... Это должны быть прежде всего культурные связи, развитие понятия взаимного уважения, взаимного доверия, на основе вот этого вот уважения, а дальше потом уже... расширяются экономические связи... т.е. у нас Евразийская интеграция я вижу ее так, что она на доверии построена».

В.Ш., Киргизия.

«Культурные потребности движут людьми... нужно еще, чтобы он относился к тебе как к другу, относился как к партнеру, знать, что он тебе не является врагом он является всегда человеком или гражданином той страны, которая придет на помощь».

Б.Б., Казахстан²⁵⁹.

Блок «Содержание социальных взаимодействий в модернизационных процессах». По результатам серии опросов, Европейский Союз обладает значительными конкурентными преимуществами по сравнению

²⁵⁷ ЕИВИС-2017

²⁵⁸ ИБ-ЕАБР-2012-2017.

²⁵⁹ ЕИВИС-2017

с территориями постсоветского пространства. В 2016 г. на вопрос «В какую из перечисленных стран Вы лично хотели бы поехать на учебу, с образовательной целью (или отправить на учебу своих детей)?», наибольшее число респондентов ответило, что таких стран нет или «затрудняюсь ответить», страны Евросоюза на втором месте, страны постсоветского пространства – на третьем. Россия предпочтительна только для 19% – из Молдовы и только для 9% респондентов Беларуси, что, правда, обусловлено в том числе и их географической близостью со странами ЕС²⁶⁰.

Несмотря на положительную роль бизнеса в интеграционных процессах, есть и негативные моменты, следующие из его первоочередной ориентации на получение максимальной прибыли. Тем более, в условиях недостаточно развитого рынка относительно молодые компании пока далеки от осуществления долгосрочных программ, ориентированных на устойчивое развитие, тем более, с опорой на социокультурные аспекты. Бизнес напротив, ориентируется преимущественно на регионы, уже располагающие лучшими для него условиями и ресурсами, что усиливает диспропорции развития. Отчасти это присутствует в деятельности и других негосударственных структур. Например, политические партии и общественные движения также стремятся прилагать основные усилия в районах и регионах с наибольшим населением (где компактно проживают их действующие или потенциальные сторонники) и т.д. В силу этого одной из приоритетных задач управления межрегиональной интеграцией становится выявление и корректировка социальных и экономических «белых пятен» или диспропорций, возникающих в результате действия негосударственных структур.

Блок «Активность демократических институтов гражданского общества». Проблема взаимодействия государственных и негосударственных субъектов управления является на сегодняшний день одной из наиболее актуальных в региональной политике и экономике. В то же время, как уже

²⁶⁰ ИБ-ЕАБР-2012-2017.

указывалось выше, для негосударственных структур характерен весьма узкий интерес к межрегиональной интеграции, концентрация на конкретных, связанных со своей специализацией аспектах межрегионального взаимодействия. В связи с этим, межрегиональная интеграция, осуществляемая только на основе деятельности негосударственных структур, не носит комплексного характера, охватывает только отдельные сферы хозяйственной, социальной и политической жизни регионов.

Обе вышеописанные тенденции можно объединить в *проблему* интеграционного развития, общую для всех стран, предпринимающих попытки интеграции. Практически всем наднациональным структурам различных объединений, созданных в ходе интеграционных процессов, пока не в полной мере удается учитывать интересы всех стран-участниц, гармонично согласовывать их, организовывать эффективное взаимодействие между странами при принятии решений. Также появляются элементы возможного движения в направлении создания наднациональных сверхдержав, «сверхимперий», ставящих под вопрос суверенитет государств-членов. Не избежал этих трудностей и Европейский Союз. Тем не менее, наличие уже значительного объема интеграционной практики позволяет анализировать ее, выделяя для использования в других ситуациях, в частности, в евразийских процессах, уже полученный положительный опыт.

В попытке объяснить природу проблем интеграции Европейского Союза, все чаще характеризуемые как *кризис*, С. Балмер и Дж. Джозеф предложили использовать для понимания интеграции, во-первых, теоретические наработки социологии относительно отношения структура-агентность в исследовании макроструктур ЕС и их деятельности, и, во-вторых, подойти к интеграции как к результату борьбы между конкурирующими гегемонистскими проектами, проистекающими из лежащих в их основе социальных процессов и находящихся свое основное выражение во *внутренней*

(выделено нами – Р.М.) политике²⁶¹. Иными словами – связать международный уровень интеграции с внутренней политикой, тогда как традиционно евроинтеграция рассматривалась, в первую очередь, с экономических позиций как развитие транснационального капитализма (что показано, например, в рамках неограмшианского подхода). При этом, разумеется, евроинтеграция имеет и экономический, и политический аспекты. Но к ним следует добавить и социальные процессы в каждой из стран ЕС. Следствием такого подхода являются тезисы о влиянии изменений на «нижнем», страновом уровне на весь интеграционный проект, вплоть до изменения состава интегрирующихся государств, не говоря уже о текущей политике (а, значит, интеграция также представляет собой *динамический*, «становящийся» по П. Штомпке, результат), а также о гегемонистских проектах, понимаемых, в конечном счете, как *борьба* экономических и политических *идей*, на которых осуществляется интеграция. Таким образом, С. Балмер и Дж. Джозеф считают, что интеграция слишком сложна, чтобы быть рассмотрена в рамках какого-либо одного, функционального (неофункционального), инструментального или либерального межправительственного подхода, и, скорее всего, может быть описана как *метапроект*, состоящий из проектов, в основном, странового уровня²⁶².

Конечно, несмотря на процесс экономической глобализации, и неофункционалисты отдают себе отчет в возможности дезинтеграции. Уже после того, как в 2009 г. вступил в силу Лиссабонский договор, которым, казалось, удалось институционализировать евроинтеграцию после провала Конституционного договора, с большим трудом удалось не допустить выхода Греции из Союза («Грексит» из-за разногласий по поводу проблемы платежного баланса этой средиземноморской страны – так называемый «кризис евро»), пришлось войти в затяжной «шенгенский кризис» вследствие

²⁶¹ Bulmer S., Joseph J. European integration in crisis? Of supranational integration, hegemonic projects and domestic politics // European Journal of International Relations. 2016, Vol. 22(4), pp. 725-748.

²⁶² Ibid.

разногласий относительно усиления миграционного притока и, наконец, покинула ЕС Великобритания. Ф. Шиммельфениг резюмировал эти и другие события как переход в постоянный кризисный режим²⁶³. Но в своем анализе он приходит к важному диалектическому выводу: действительно, как минимум, с 2010-х гг. можно говорить о том, что Европейский Союз *постоянно* переживает кризисы. Однако кризисы эти чреваты не только развалом, дезинтеграцией, но также и нахождением реформаторских решений в целях углубления интеграции²⁶⁴. Интересно в этой связи отметить, что уже один из отцов-основателей Европейского союза и первый Председатель ЕОУС Ж. Монне не только сталкивался с интеграционными кризисами, но и вообще считал, что «Европа будет построена через кризисы, станет суммой их решений»²⁶⁵. Будучи убежденным в важности и верховенстве роли институтов, он также социологически и даже психологически объяснял интеграционный потенциал кризисов, утверждая, что «люди принимают изменения только тогда, когда они сталкиваются с необходимостью, и признают необходимость только тогда, когда их надвигает кризис»²⁶⁶.

На этом фоне М. Райнард ввел термин «кризисизация» в отношении политики управления в ЕС, которым он описывает постепенное дополнение (а не полную замену) изначальных, традиционных механизмов принятия решений (обстоятельное изучение проблем, длительные широкие консультации заинтересованных сторон для осознанного коллективного принятия решений, их долгосрочная реализация и др.) механизмами, применяемыми в условиях кризисов. Такие механизмы кризисного управления отличаются приоритетами – теперь, прежде всего, ведется поиск с целью как можно более раннего выявления начала следующего кризиса, повышается скорость принятия решений, в т.ч. за счет сокращения процедур,

²⁶³ Schimmelfennig F. European integration (theory) in times of crisis. A comparison of the euro and Schengen crises // Journal of European Public Policy. 2018, Vol. 25(7), pp. 969-989.

²⁶⁴ Ibid.

²⁶⁵ Monnet J. Memoirs. London: William Collins, 1978. P.417.

²⁶⁶ Ibid. P.109.

и даже вырабатываются новые нарративы о смысле (*raison d'être*) европейской интеграции²⁶⁷. Иными словами, происходит движение в направлении усиления роли наднациональных общеевропейских институтов по сравнению с правительствами государств-членов, не всегда подкрепленное нормативно.

На постсоветском пространстве примером такого процесса служит СГ: несмотря на периодически возникающие проблемы, российский и белорусский лидеры и социумы двух стран в целом продолжают интеграционное движение. Это выражается и в постепенной, но всё же реализации договора о СГ, включая подготовку «дорожных карт», и – главное, – в становлении самостоятельных идентичностей, тем не менее, обладающих и общими ценностями. В частности, Белоруссия показывает, как, в отличие от своих прибалтийских и украинских соседей, можно укреплять свою национальную, культурную идентичность, сохранять суверенитет (согласно опросам, большинство белорусов не хотят слияния в одно государство с Россией) и на русском языке²⁶⁸. Причем, этот процесс имеет вовсе не советский, а самый настоящий европейский характер, поскольку именно в современной Европе успешно интегрируются и государства, в которых сосуществуют несколько разных государственных языков, и государства, в которых один и тот же (французский, немецкий) язык является государственным.

Также в исследованиях были выявлены и другие важные проблемы. Среди них – общая неудовлетворенность динамикой интеграции, включая и экономическую составляющую. Стремление к интеграции связано с представлениями граждан о вхождении в новое мощное безопасное объединенное интеграционное образование с высоким уровнем развития. Ее предпосылками выступают представление респондентов об общих культурных кодах, распространность русского языка, наличие широких

²⁶⁷ Rhinard M. The Crisisification of Policy-Making in the European Union // *Journal of Common Market Studies*. 2019. Vol. 57(3), pp. 616-633.

²⁶⁸ Махмутов Р.Р., Н.В. Литвак. Становление белорусской идентичности в эпоху рефлексивного модерна // *Современная Европа*. 2020. № 3. С. 128-138.

экономических связей. Но при этом отмечено желание сближения и с ЕС, что показывает наличие, по крайней мере в сознании граждан, неполной удовлетворенности состоянием евразийских интеграционных процессов, медленным продвижением к безбарьерной общей социальной среде с общими социокультурными нормами и ценностями, близким менталитетом, возможностью свободного передвижения, получения образования на русском языке, участия в общих негосударственных организациях гражданского общества, что особенно выражено у молодых респондентов, студенчества. Однако управленческая система не проявляет в этой связи особой активности. Исследования выявляют также стремление субъектов государственного управления интеграционными процессами получить исключительно экономическую выгоду и слишком слабые их усилия на социокультурных направлениях, а также исключение из интеграционных процессов институтов гражданского общества. Более того, как рассказал руководитель самых востребованных социологических исследований по обсуждаемой проблематике – проекта «Евразийский монитор»²⁶⁹, а также Исследовательской группы ЦИРКОН И.В. Задорин, «волны» прикладных исследований евразийских процессов закончились в 2017 г. в связи с прекращением финансирования. Не дали результата и обращения в инстанции всевозможных интеграционных объединений, к которым при этом выражали сожаление по поводу отсутствия новых данных и докладов. Главные же причины такой ситуации социолог определил именно как социокультурные: во-первых, как элемент наследия еще советского подхода, состоящего в превалировании принципа «не обострять», поскольку в процессе интеграции опросы выявляют и проблемы. И во-вторых, как превалирование «в высоких инстанциях» мнения главенстве экономики по сравнению с «гуманитарными какими-то проблемами». То есть, «мы столкнулись с откровенным непониманием того, что в современном мире хозяйственные связи нельзя

²⁶⁹ ИБ-ЕАБР-2012-2017.

наладить без соответствующих установок, приоритетов и соответствующего отношения общества», - заключил И.В. Задорин²⁷⁰.

2.3. Перспективные направления евразийского социокультурного сотрудничества с участием России

Существующий подход к интеграции стран-участниц интеграционных структур с участием России в значительной мере обусловлен экономическими причинами и сформирован на фоне возврата постсоветских стран к периоду первичного накопления капитала с соответствующими ему ценностями. Однако лидирующие позиции в современном мире занимают государства с развитыми капиталистическими экономиками, а также Китай, сочетающий рыночную экономику с элементами госкапитализма и социализма. Отсюда актуальность цивилизационного сдвига стран-участниц евразийских межгосударственных образований в сторону современных подходов к экономике и экономической интеграции, разработки и использования нового комплексного инструментария решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества с использованием информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, альтернативных классической дипломатии, которые обозначены, в частности, в Концепциях внешней политики Российской Федерации.

Востребованность такой модернизации проявляется в результатах исследований. В поле зрения экспертов попали неэкономические аспекты, которые ранее не рассматривались ответственными ведомствами как направления сотрудничества, а спорт и культура не получили среди экспертов высокие оценки важности показателей гуманитарного сотрудничества, хотя значительная часть отчетности составляют мероприятия культурной тематики. Миграция и туризм традиционно измеряются экономическими показателями. Однако по оценкам экспертов – это важные составляющие

²⁷⁰ Игорь Задорин: «Некоторые характеристики нашего российского бытия мы не можем оценить без сравнения». 17 апреля 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://ia-centr.ru/han-tengri/opinions/igor-zadorin-nekotorye-kharakteristiki-nashego-rossiyskogo-bytiya-my-ne-mozhem-otsenit-bez-sravneniya/> (дата обращения: 08.08.2020).

социокультурного процесса. Религиозный аспект часто игнорируется при гуманитарном взаимодействии на уровне государств, но эксперты посчитали его достаточно важным. Важно при этом, что наиболее значимые социальные отношения строятся на уровне повседневных практик жителей разных стран. Выбор страны для миграции или туризма, желание выучить иностранный язык, выбор СМИ для чтения или просмотра, отношение к религиозным конфессиям и т.д. – все это формирует представление о соседствующем государстве и населении в целом²⁷¹.

Таким образом, процесс международной интеграции на рассматриваемом нами евразийском пространстве подразумевает активное начало граждан суверенных государств с разными ментальностью и национальным самосознанием, непосредственно участвующих в межстрановых взаимодействиях. При этом понятие гражданственности обретает двойственное звучание, поскольку индивиды, имея гражданство своей страны, в условиях интеграции желают пользоваться многими правами и свободами других (всех) стран-участниц, что обуславливает как их гражданскую принадлежность к общему интегрированному социальному пространству, так и обладание новыми качествами, составляющей некую общую идентичность, узнаваемую в мире.

Сущность и устойчивость цивилизации определяется ее культурным ядром, включающим характерные культурные феномены, материальные и духовные ценности (язык, религия, искусство, традиции, обычаи), а также коллективные представления о форматах поведения. Для устойчивого развития формирующейся евразийской цивилизации необходимо сформировать такое ядро – общее ценностное основание, объединяющее интегрирующиеся народы. Потребность в формировании цивилизационного культурного ядра и возможности этого процесса выявлена и в глубинном интервью:

²⁷¹ ПИМГС-2017.

«Однозначно больше я отношу евразийскую интеграцию к носителям этого вот цивилизационного культурного ядра. Оно в себя совокупляет и родственные, и духовные, и культурные, и исторические компоненты. Мне кажется, что именно евразийское цивилизационное ядро, которое можно назвать по сути такой концепции "объединяем, сохраняем самобытность". Она имеет серьезный потенциал на многих бóльших территориях, которые сегодня объединены в рамках каких-то форматов, союзов».

Р.О., Россия²⁷².

Н.И. Лапин выделяет четыре основных критериальных компонента цивилизации в контексте условий ее устойчивости – личность, тип культуры, тип социума, характер соотношения, соответствия между типом культуры и типом социума²⁷³. Используя его подход к формированию современной евразийской цивилизационной общности в контексте социальной сплоченности, можно определить критерий созидания личности, представляющий собой оценку взаимодействия на микроуровне по формированию личностей будущего, составляющих новую евразийскую общность как «достаточно большое множество людей, живущих в определенном географическом пространстве». Речь идет о формировании идентичности человека эпохи гуманитарной модернизации как базисного основания социального действия, готовности к совместной активной деятельности индивидов. Социальный портрет такой личности в определенной мере обуславливают объединяющие символы и ценности: открытость сознания, понимание глобальных эволюционных процессов, готовность к взаимопроникновению культур; сочетание сохранения национальной идентичности с духовной модернизацией, т.е. культурной открытостью и амбивалентностью к межконфессиональному диалогу, отрицание «архаичных привычек, пристрастий и кумовства»; обладание

²⁷² ПИМГС-2017.

²⁷³ Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 3-15.

нравственными императивами; модернизационная конкурентоспособность (открытость к развитию, образованность, компьютерная грамотность, владение современными коммуникациями, языковая развитость, знание нескольких иностранных языков). Тенденции развития такой современной личности формирующейся субцивилизации можно отслеживать по состоянию разработанных нами показателей, отобранных на основании мнений экспертного сообщества, а также проанализированных с позиции такого критериального компонента устойчивости субцивилизации как «Созидание Личности»:

1. Показатель «Доля населения, владеющих иностранными языками (языками стран региона)» (Блок «Интенсивность социальных обменов», аспект «Язык») проверяет приобретение гражданами стран-участниц таких качественных характеристик как «языковая развитость, знание нескольких иностранных языков» и определяет, насколько хорошо работает система образования стран-участниц.

2. Показатель «Доля граждан, с симпатией/доверием относящихся к жителям других стран региона» (Блок «Активность демократических институтов гражданского общества», аспект «Массовое сознание (общественное мнение)») контролирует процесс духовной модернизации, т.е. культурной открытости, демонстрирует, насколько хорошо скоординированы действия СМИ, системы образования и культуры по формированию амбивалентности к диалогу культур и религий жителей страны к гражданам стран-участниц СНГ.

3. Показатели «Доля населения страны, позитивно, относящихся к иммигрантам из стран региона», «Доля граждан, предпочитающих страны региона для работы» (Блок «Механизмы согласования микродинамических процессов (миграция)», аспект «Миграция») и «Число ежегодно въезжающих туристов» (Блок «Интенсивность социальных обменов», Аспект «Туризм») определяют результативность СМИ, системы образования и культуры и миграционной службы, туристических агентств, в сферу деятельности

которых входит по формированию цивилизованного отношения жителей страны к гражданам стран-участниц СНГ.

4. Показатель «Доля граждан, положительно (или нейтрально) относящихся к иным конфессиям» (Блок «Ценностные основания сплоченности», аспект «Религия») отражает приобретение гражданами способности к межконфессиональному диалогу и степень взаимодействия органов власти и руководства конфессий по формированию позитивного отношения граждан к представителям других конфессий.

Критерий формирования типа культуры, ее качеств, распространенных в национальных сообществах стран-участниц, напрямую влияющих на повышение социальной сплоченности, в дополнение к уже существующим в практике социокультурного взаимодействия, можно отслеживать по следующим показателям:

1. Показатель «Доля населения, использующего (способного использовать) язык межнационального общения (второй государственный, официальный и т.п.) дома, в кругу семьи» (Блок «Интенсивность социальных обменов», аспект «Язык»)) определяют продвижение культуры общего евразийского пространства, насколько хорошо работает система первичной социализации (институты семьи и образования) в странах-участницах.

2 Показатель «Симпатия/антипатия к бракам представителей определенных стран со стороны населения (Блок «Интенсивность социальных обменов», аспект «Семья и брак) определяет качественные характеристики формирования сохранения культурного разнообразия институтами первичной социализации (Семья и Образование).

Критерий формирования типа социума или совокупности общественных отношений, возникающих между людьми в процессах их деятельности, определяющей качество социальности. В этом плане предлагается рассматривать качество достаточно традиционной деятельности органов власти по созданию условий для формирования необходимых качественных

характеристик социальных отношений, способствующих интеграции – правовых, финансовых, обеспечивающих, организующих.

Достижение заданных качественных характеристик на данном направлении можно отслеживать по таким показателям как:

1. Показатели «Доля граждан, свободно читающих и говорящих на русском языке», «Наличие/отсутствие дискриминации какого-то языка (Аспект «Язык) и «Наличие и доступность (отсутствие административных барьеров) программ стажировок и учебы по обмену для граждан стран региона» (Блок «Содержание социальных взаимодействий в модернизационных процессах», аспект «Образование и наука») определяет отсутствие нормативных оснований и законодательных норм, способствующих процессам дискриминации какого-либо языка или способствующих социальной сплоченности.

2. Показатель «Наличие прямого авиасообщения со столицами стран региона» (Блок «Интенсивность социальных обменов», аспект «Туризм») показывает степень экономической востребованности туристических направлений в странах СНГ и стимулирующих мер, предпринятых государствами-участками. О возможности такого регулирования свидетельствует такой факт, что стоимость проезда (авиабилет) из Астаны в Братиславу дешевле, чем стоимость проезда из Астаны в Ереван, т.е. существуют возможности корректировки при наличии востребованности решения данной проблемы.

3. Показатели «Доля граждан, отмечающих другие страны региона как дружественные /недружественные», «Отсутствие/наличие межнациональных конфликтов в стране» (Блок «Активность демократических институтов гражданского общества», аспект «Массовое сознание (общественное мнение)» определяет условия активных межгосударственных социальных взаимодействий.

4. Показатели «Число иностранных студентов/преподавателей (из стран региона), приезжающих в страну» (Блок «Содержание социальных

взаимодействий в модернизационных процессах», аспект «Образование и наука») и «Количество выставок (фотографии, картины, скульптуры, произведения народных промыслов и т.п.) из стран региона за определенный период» (Блок «Ценностные основания сплоченности», аспект «Культура» отражают конкретные традиционные действия системы образования и культуры в области интеграции.

5. Показатели «Тональность информационных материалов в СМИ по вопросам интеграции стран региона», «Доля граждан, использующих/доверяющих иностранным информационным ресурсам стран региона» (Блок «Безопасность информационного пространства», аспект «Информационное поле. СМИ») отражает совокупные действия демократического характера органов власти по обеспечению публичности и открытости принимаемых мер в области формирования позитивного отношения граждан к процессам интеграции.

Проблема взаимодействия и взаимопонимания личностей в общей социокультурной межгосударственной социальной среде определяется наличием или отсутствием общих социальных идеалов, базовых и инструментальных ценностей, способствующих сплоченности социума. Инструментом развития такой системы взаимодействия могли бы стать группы влияния, вызывающие мультипликацию социокультурных связей, отношений и взаимодействий между гражданами межгосударственных интеграционных образований в целях формирования креативной социальной сплоченности. Ее можно определять по критериям обеспечения согласованности действий акторов по формированию характера соответствия между типом культуры и типом социума, социальности нового типа, которая заключается в развитии собственно цивилизационных человеческих качеств (потребностей и способностей, свобод и обязанностей), обеспечивающих выживание, устойчивое существование цивилизационной общности. Представляется, что как маркеры креативной социальной сплоченности в обществе будущего можно рассматривать такие ценности, как жизнь человека

и гуманность способов его жизнеустройства, человеческое достоинство, ненасилие как императив поведения во взаимоотношениях между людьми (по Н.И. Лапину на основании проведенных им исследований). При этом следует иметь в виду, что «управляющее воздействие на культуру допустимо лишь в той мере, в какой способствует переструктурированию и изменению этой сложной целостности. Культура должна иметь возможность свободно "дышать", хотя при определенных социальных ситуациях нуждается в организованном воздействии»²⁷⁴. Качество работы на данном направлении можно отслеживать по таким показателям как:

1. Показатель «Наличие/отсутствие ограничений на доступ к иностранным (стран региона) интернет-ресурсам (Блок «Безопасность информационного пространства», аспект «Информационное поле, СМИ»)» отражает формирование коммуникативной конкурентоспособности, входящей в группу Новой социальности, несмотря на то что определяет практически действия органов власти по легитимации открытости информационного пространства. Новизну данному качеству добавляет умение сочетать в данном процессе ограниченный набор запретительных мер с целым набором процедур демократического характера, связанных с формированием у Новой цивилизованной Личности таких качеств как «нравственные императивы» и «ответственность».

2. Показатели «Количество международных проектов и исследований, совместных с другими странами региона» и «Число совместных публикаций с авторами из других стран-участниц» (Блок «Содержание социальных взаимодействий в модернизационных процессах», аспект «Образование и наука») отражают новые формы работы органов власти в сфере образования и науки государств-участников по организации профессиональных общностей, обеспечивающих взаимопроникновение культур и знаний.

²⁷⁴ См. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. М.: Изд-во МГИДА, 2002. – 295 с.

3. Показатель «Число проводимых в стране международных спортивных соревнований интеграционного формата (например, за кубок ЕАЭС или СНГ) (в год)» (Блок «Интенсивность социальных обменов», аспект «Спорт») определяет качественные характеристики формирования новой идентичности, Новой Социальности. С одной стороны, символическое оформление новой культурной общности, обеспечивая взаимопроникновение культур, а с другой, формирует лидеров из своей социокультурной среды, на которых можно равняться. Массовость участия (спортсменов, болельщиков) обеспечивает тиражирование новых символов в сознании интегрируемого социума,

Общий свод данных, на основании которых проводится мониторинговый анализ качественных характеристик управления интеграционными процессами в контексте построения будущего интегрированного пространства с применением обозначенных критериев и показателей социальной сплоченности представлен в Приложении 2.

Следует отметить, что в данной области практически отсутствуют модели межгосударственного взаимодействия, отвечающие современным вызовам и требованиям гуманитарной модернизации. Это обусловлено склонностью применения устоявшихся традиционных методов и технологий, которые на межведомственном поле деятельности сегодня недостаточно продуктивны, в виду отсутствия непосредственных неформальных взаимодействий граждан и стандартности применяемых подходов. Отсюда – необходимость в разработке новых направлений межгосударственного взаимодействия граждан с применением инновационных технологий управления будущим в области гуманитарной интеграции, по которым могли бы согласованно работать два или более ведомств на межгосударственном уровне в тесном партнерстве с институтами гражданского общества. Результативность таких механизмов требует их инициации надгосударственным исполнительным органом, например, Евразийской экономической комиссии при условии принятия политического решения Высшим Евразийским экономическим советом, и, конечно, апробации.

Для практической реализации такого подхода предложим следующие направления социокультурной деятельности:

- «Возобновление каналов исторической памяти». При всех существующих различиях в конкретике реализации демократических принципов формирования и деятельности государств, у всех стран СНГ есть общее – близкие по своим основам Конституции, значительная часть законодательства, включая положения о равенстве граждан вне зависимости от национальности, языка и религии. Можно воспользоваться такой особенностью социального пространства стран-участниц как общность исторического процесса, сохраняющегося в психологии восприятия большинством населения себя частью общего единого социокультурного пространства (хоть и бывшего), которое в прошлом длительное время было общим. Это подтверждается социологическими исследованиями:

«Я всегда в частных беседах подчеркиваю, что нас связывает то, что мы все имели эту зеленую книжку – свидетельство о рождении, которая выдавалась всем гражданам Советского Союза. Я тоже имела... Потом у нас были общие мультики, у нас были общие герои, у нас были общие фильмы, которые мы до сих пор смотрим. Это то, что не имеет, например, Европейский союз на сегодняшний день».

А.П., Армения.

«Евразийская интеграция – это в первую очередь, культурно цивилизационное пространство, которое объединяют ценности – ценности культуры, ценности мировоззрения, религиозные ценности и так далее... Все понимают только как экономический союз, но в реальности это более глубинные ценности, которые объединяют пять государств, которые входят в ЕАЭС. И не только советский период, когда мы... были в едином политическом, идеологическом, культурном пространстве... Имеются в виду древние периоды... глубинные как я сказала основания... ...мировоззренческие понятия кыргызов, которые переселились на современную территорию, формировались именно там, в Сибири, на Енисее... А формирование этих

ценностей доказывают археологические, картографические, филологические письменные источники».

Т.Б., Киргизия.

«Мы выходцы из Советского Союза абсолютно убеждены что там не только плохое было, от чего надо было отказываться. После распада этого объединения мы понимаем, что наша история прошлых двух-трех столетий вместе с Россией, в одном государстве в Российской империи, в Советском Союзе имело также очень позитивное значение для нашего народа и об этом знают многие армяне, и передают родители своим детям».

А.С., Армения²⁷⁵.

Практическая задача состоит в поиске и общих и объединяющих символов и ценностей, актуализирующих и демонстрирующих силу интегрированного сообщества, закрепляемых в общественном сознании. Обозначение данной позиции как одного из приоритетов с выделением под данную тему финансирования привлечет квалифицированных ученых к разработке такого направления на междисциплинарной основе. В качестве условия желательно поставить обязательность участия ученых не менее, чем двух государств, получивших согласие от организаций или ведомств своих стран, в поле деятельности которых будет находиться предлагаемая тематика проекта. Постепенное накопление опыта таких проектов позволит затем, после принятия политических решений активизировать данный механизм на социальном пространстве всех стран-участников, в т.ч. выделяя гранты для молодежных проектов. Еще одно направление – конкурс эссе школьников на эту же данную тематику, или конкурс проектов на размещение в Интернет воспоминаний граждан стран-участниц о том, что нас связывало в недалеком прошлом и что можно взять с собой в будущее.

- «Созидание элиты будущего», творящей историю новой субцивилизации. Аналогом может стать проект «Лидеры России», который

²⁷⁵ ПИМГС-2017.

хорошо представлен в медийном пространстве России. Его можно расширить на пространство СНГ. В проект следует добавить и поиск ответа на вопрос: «Что позволяет всех граждан стран-участниц ассоциировать себя с евразийцем?». Сегодня, к сожалению, образ представителя элиты интегрированной евразийской общности с точки зрения управления, экономики, политики, социальной, духовной и социокультурной жизни пока не имеет определенных социокультурных и поведенческих характеристик.

Укрепление межгосударственного *образовательного* сотрудничества стран СНГ выступает фактором популяризации национальных и общих культурных и духовных ценностей, развития здорового образа жизни среди молодежи, содействия деятельности общественных объединений и организаций студентов в интересах сохранения этнической идентичности, национально-религиозной самобытности, духовного и культурного наследия коренных народов и их консолидации в рамках гражданского общества на значительном пространстве.

Для реальной интеграции в области образования возможны следующие направления деятельности:

1. Формирование объединенного образовательного пространства. Для этого необходимо повысить роль сетевых университетов в рамках проекта Евразийского сетевого университета, начать работу по выявлению различий образовательных стандартов в наших странах; объявить конкурс на создание общих унифицированных программ, обеспечить свободный доступ к учебным программам и учебным курсам, в том числе и дистанционным, с обязательным их включением в перечень дисциплин конкретных специальностей. Сформировать совместные стипендиальные фонды, организовать совместные педагогические коллективы по подготовке общих учебников для сетевых университетов. Выпускники интегрированных программ должны иметь возможность участвовать в программах академической мобильности студентов и преподавательского состава. Сформировать правила обоюдного признания документов об образовании без процедуры нострификации на

основе их унификации и принять их всеми странами-членами СНГ. Более того, можно, например, обсудить специализированные стандартизированные форматы образовательных документов – евразийские образовательные сертификаты, которые могут быть приняты в образовательных учреждениях, на предприятиях и организациях. Это не исключает наличие национальных стандартов и программ обучения, которые будут проходить процедуру нострификации в связи с отсутствием унифицированного подхода. Формирование общего педагогического сообщества может проходить по типу создания «больших кафедр», сформированных в рамках общей научной парадигмы и подготовки общих специальностей с использованием сетевых технологий.

Кроме того, имеет смысл создать специализированные кафедры и магистерские программы, посвященных интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Такой опыт, по словам респондентов, распространен, например, в Армении. Примечательно, что в результате социологического исследования респонденты были максимально активны именно по разделу «Образование и наука», которые дали вполне выполнимые и полезные предложения, которые вполне можно применить в интеграционных процессах в сфере образования и науки.

Интеграция в научной сфере требует более серьезного внимания в силу проблем использования совместного финансирования, так как к финансированию проектов из соседней страны (в рамках СНГ) применяется то же законодательство, что и к другим зарубежным странам, что делает проблематичной работу совместных коллективов, софинансирование международных конференций, проведение совместных научных экспедиций.

2. Укрепление русского языка при одновременном переходе на многоязычный формат общения. Возвращаясь к истории наших государств, отметим, что на постсоветском пространстве пока еще сохранилась общность языка, приверженность религиозным ценностям, понятность культурных и поведенческих норм и т.п. Мы безошибочно определяем представителя этого

пространства, встречая его в Европе, Африке или в Америке. Принадлежность к многочисленным народностям наших стран этому узнаванию не мешает, их всех называют русскими, когда они говорят на русском языке. Развитый и полнофункциональный русский язык обеспечивает коммуникационное единство постсоветского пространства, формируя полноценное информационное пространство. Кроме того, русский язык создает условия для доступа к научному и образовательному контенту, во многом определяя характер интеграционных процессов, связанных с внутренним сплочением и информационным обменом.

Новый глобальный вызов брошен российской цивилизации с наступлением информационной эпохи и вхождению народов в общее информационное пространство. В эпоху глобальных коммуникаций вопрос языка перестает быть лишь вопросом выбора инструмента передачи информации. Это вызвало потребность народов евразийского социального пространства в формировании языковой амбивалентности, т.е. обретения способности к диалогу с использованием других языков – не только русского, но и английского (как языка глобального общения), тюркской группы языков (как наиболее распространенной на территории Центральной Азии) для повышения конкурентоспособности народов в глобальном мире. Примером служит тот факт, что руководство Казахстана настойчиво внедряет в школах английский язык, который рассматривается как средство социальной и технологической модернизации республики, а перевод казахского языка на латиницу, по их мнению, ускорит данные процессы.

Из этого следует, что, одной стороны, назрел вопрос серьезного обсуждения спорности русского языка, как средства межнационального общения, использования его интеграционного потенциала как инструмента «мягкой силы» России, в связи с вытеснением его из пространства Интернет, с широким распространением тюркских языков, а также усилением китайского языкового пространства.

Таким образом, с одной стороны, необходимы меры по изменению традиционных подходов, применяемых Российским Правительством, по распространению русского языка, ежегодно на это тратится значительный объем бюджетных средств. Следует, с одной стороны, актуализировать историческую память единого социально-гуманитарного пространства, включавшего в общую культуру и особую миссию русского языка, а с другой, создать целую систему, при которой русский язык будет практически востребован. С другой стороны, не следует запаздывать и с историческими решениями. Так, было бы полезно поддержать процесс расширения и использования языкового разнообразия, т.е. добиваться не исключения других языков из поля межнационального общения, а напротив, отстаивая в этом разнообразии наличие русского языка как признания необходимости владения им индивиду, входящего в конкурентоспособную мировую элиту. Целесообразно начать постепенно менять стереотипы и учреждать школы евразийских полиглотов, применяя инновационные технологии, где кроме азов построения тех или иных языков будут давать суть их различий и диалектных особенностей. Острота языковой темы в политическом дискурсе и СМИ при таком подходе достаточно быстро пойдет на убыль.

Наличие образовательных стипендий и грантов по обучению языкам будет давать результат, если будут созданы удобные дистанционные самообучающие комплексы для освоения всех языков нашего социокультурного пространства по примеру аналогов освоения английского языка, как, например, система *Lingualeo*, а также введение при продвижении по госслужбе и назначении в регионы с многонациональным населением требования знания определенных языков. Также важно создание в многоязычной среде бесплатных специализированных виртуальных переводческих бюро. При таком подходе языковые школы будут востребованы, а интеллектуальная элита страны будет создавать языковые школы курсы, тренинги для взрослого населения, так как они станут востребованными.

- «Гибкая интеграция» подразумевает создание механизмов, учитывающих различия объединяющихся социумов, экономик, территорий в целом, неодинаковую степень готовности стран-участниц к тем или иным направлениям и сферам сотрудничества, то есть неоднородность состава интеграционного образования, в том числе выраженной в:

- различной скорости вхождения в интеграционные процессы, различий в возможности применения интеграционных инструментов, в том числе обозначение переходного периода для тех или иных сфер сотрудничества;

- различий или неясностью целевой ориентированности интеграционного процесса;

- наличии стран с неодинаковыми правами и обязанностями с официальным оформлением ограничений из общих правил.

- постепенной (позапной) передаче части функций (управленческих, политических, организационных) наднациональным органам²⁷⁶.

Длительный опыт формирования такой практики существует в Европейском Союзе, разработавшем несколько схем интеграции, приема новых членов и даже так называемой «интеграции без членства», сохраняющей возможность государств не передавать значительную часть своего национального суверенитета на наднациональный уровень²⁷⁷.

- «Евразийский Гражданский Альянс» - направлена на формирование инфраструктуры коммуникативного пространства стран постсоветского пространства для повышения информированности молодежи и студенчества, интеграции усилий экспертов, лидеров общественных некоммерческих организаций наших стран по реализации совместных гуманитарных проектов. Гражданские институты способны интегрировать сообщество участвующих людей, выступая основным источником обновления и субъектом реализации обозначенных ими целей. Акторами этих процессов выступает молодежь,

²⁷⁶ См.: Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в ЕС: теория и практика. Автореферат дис. ... кандидата политических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2010. – 23 с.

²⁷⁷ Там же.

образованная и профессионально подготовленная молодежь. Созданная под руководством автора настоящей работы электронная инфраструктура (интернет портал ega.org с комплексом технических и коммуникационных инструментов) позволит участникам Альянса и общественным экспертам евразийского социокультурного пространства:

- использовать доступ к актуальному единому реестру НКО ЕАЭС и к актуальному единому реестру общественных экспертов евразийского социокультурного пространства;
- вести разработку и реализацию совместных проектов на современной краудфандинговой платформе;
- организовывать онлайн форматы взаимодействия (видеоконференции, вебинары и т.д.);
- проводить виртуальные опросы и социологические исследования;
- присутствовать в Едином евразийском календаре;
- публиковать свои новости;
- предоставлять аналитические и экспертные материалы и обеспечивать доступ к электронной библиотеке;
- обеспечивать онлайн-связь с участниками Альянса.

Методологическая поддержка деятельности общественных организаций, включая студенческие организации и сообщества, позволяет более результативно реализовать коммуникативную функцию, координацию сотрудничества, ведение гуманитарного диалога между представителями гражданских структур в различных сферах: в области образования и науки, в области культуры, литературы, искусства и спорта, в области развития институтов гражданского общества и институтов демократии. Особая функция в данном механизме – формирование реально работающих горизонтальных связей и консолидация экспертов и лидеров НКО для повышения их роли в интеграционных процессах и в развитии общества в целом.

В целом, применительно к вопросам межрегиональной интеграции схема взаимодействия государственных и негосударственных структур может выглядеть следующим образом:

1. Установление горизонтальных межрегиональных связей негосударственными структурами регионов;

2. Государственные структуры проводят отслеживание территориальной концентрации межрегиональных связей негосударственных структур и оценку их желательности для государства в целом (здесь могут быть привлечены и негосударственные структуры – различного рода научные и общественные организации). При достижении желательными для государства связями определенной концентрации, государственные органы инициируют в регионах дискуссию о необходимости интеграции и ее возможных путях.

3. При решении о поддержке какой-либо схемы интеграции большинством институтов гражданского общества регионов, органы государственного управления принимают меры к реализации этой схемы: создают нормативную базу, изыскивают финансовые средства, проводят конкурсы интеграционных проектов и т.д. Негосударственные структуры сосредотачивают свою деятельность на реализации конкретных интеграционных проектов, создаваемых в рамках применяемой схемы интеграции.

4. Государственные органы ведут мониторинг реализации схемы интеграции: характера и динамики установления интеграционных связей, ее влияния на уровень социально-экономического развития регионов, соответствия достигнутого вида и уровня интеграции интересам страны в целом, появлению тенденций к интеграции с другими регионами и международными структурами. При возникновении нежелательных для государства тенденций, соответствующие субъекты государственного управления осуществляют корректирующие действия.

5. Основное взаимодействие внутри интегрирующихся регионов осуществляют негосударственные структуры. По мере реализации модели интеграции государство уходит от управления интеграционным процессом, оставляя за собой только функции контроля за соблюдением конституционных прав граждан и обеспечением национальной безопасности в рамках интегрированной структуры.

Выводы ко второй главе

В параграфе 2.1. «Социокультурные факторы влияния на евразийские интеграционные процессы» изложены результаты апробации операционализации социокультурных аспектов евразийской интеграции с участием России и стран постсоветского пространства, осуществленной в экспертном заочном онлайн-исследовании. Модель операционализации понятия «социокультурные процессы евразийской интеграции» получила одобрение практически всех экспертов. Наиболее важными они признали показатели, необходимые для практического применения в межличностной коммуникации и обеспечении жизнедеятельности граждан интегрирующихся стран – по аспектам «Язык» (средний балл 4,36 из 5,0), «Массовое сознание (общественное мнение)» (4,3), «Туризм» (4,24), «Информационное поле, СМИ» (4,24); «Миграция» (4,22). Высоко были оценены аспекты гуманитарного взаимодействия, которые характеризуют коннотации в восприятии населением других стран и выражают конкретные достижения гуманитарного сотрудничества с точки зрения самосознания и самоощущения Человека: «Наличие/отсутствие дискриминации какого-то языка» получил самую высокую оценку экспертов (4,56); «Доля граждан, отмечающих другие страны региона как дружественные / недружественные» (4,5); «Отсутствие/наличие межнациональных конфликтов в стране» (4,44); «Доля граждан, с симпатией/доверием, относящимся к жителям других стран региона» (4,4)²⁷⁸.

²⁷⁸ ПИМГС-2017.

На втором месте показатели в диапазоне 4,0-4,3 балла полей практического взаимодействия, связанных с процессами социализации и обеспечения жизнедеятельности индивидов – «Образование и наука» (средний балл 4,18), «Религия» (средний балл 4,1). Оценка большинства показателей аспекта «Миграция» демонстрирует практическую полезность данного направления для интеграции как таковой и социокультурной интеграции, в частности, поскольку непосредственно затрагивает жизнедеятельность граждан, требующую создания соответствующих условий от стран-участниц, что невозможно выполнить только, опираясь на экономическую интеграцию без учета социокультурной составляющей.

Результаты исследования «Анализ инфраструктуры международного сотрудничества на примере XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Южном федеральном округе» подтверждают важность показателей, отражающих необходимость знания иностранных языков, степень участия ВУЗов в международных студенческих обменах (60,09 %), международных программах и проектах (43,47 %), образовательных проектах и фестивалях культуры мира (41,26), международных спортивных студенческих олимпиадах и спортивных мероприятиях (24,31 %) ²⁷⁹. Респонденты-эксперты нарисовали следующий идеальный образ образования будущего в России через 20 лет: доступное, бесплатное, практико-ориентированное, международное, глобальное и адаптированное под актуальные запросы рынка труда ²⁸⁰.

В итоговую модель инструментария мониторингового исследования качества интеграционных процессов включено 22 из 84-х показателей гуманитарного сотрудничества, набравшие значение среднего балла выше порогового (4,1 балла) и два показателя аспектов «Спорт» (важность 4,1, измеримость 4,5) и «Семья и брак» (важность 4,1, измеримость 3,95). Данный перечень может выступать основой ключевых показателей эффективности

²⁷⁹ АИМС-2017.

²⁸⁰ ВС-2017.

(КРІ) деятельности органов власти стран, тяготеющих к интеграции на постсоветском пространстве.

В параграфе 2.2. Тенденции и проблемы социокультурного характера в евразийских интеграционных процессах с участием России на основе комплексного социологического анализа результатов вышеупомянутых исследований евразийских интеграционных процессов с участием России определены:

- интеграционная тенденция, выражающая рост востребованности большинством граждан стран-участниц широкого участия институтов гражданского общества в развитии всесторонних связей на основе общих ценностей, норм, идеалов культуры. Приверженность граждан такой интеграции характеризуется их представлениями о вхождении в новое мощное безопасное объединенное интеграционное образование с высоким уровнем экономического и социального развития, близкими культурными кодами, понятным языком общения, возможностью получения бесплатного образования, отсутствием барьеров для коммуникации, включая миграцию;

- дезинтеграционная тенденция, выраженная в настроениях интеграции с другими сильными игроками (Евросоюзом, Китаем, Турцией), имеющая источником нежелание повторения какого-либо аналога советского периода. Эта тенденция проявляется в уменьшении, в т.ч. целенаправленном, коммуникационных связей с Россией, снижении числа граждан, желающих получать социокультурную продукцию из России (книги, кино, музыка и др.), роста количества тех, кто получает образование в Евросоюзе и других странах.

- проблемы социокультурного характера, проявляющиеся в неудовлетворенности граждан выполнением существующими надгосударственными организационными структурами регулятивных функций (декларативный характер целей, стремление решать кризисные проблемы за счет других стран, слабый учет интересов всех участников, стремление экономически развитых стран сохранять неравенство в межстрановом разделении труда, потребительская модель поведения граждан,

иждивенчески-потребительский способ организации жизнедеятельности менее развитых стран, их стремление сохранять преференции за счет политического торга) и в чрезмерной экономизации парадигмы евразийского объединения с участием России – с преобладанием стремления к извлечению экономической выгоды. При этом, напротив, дезинтеграционные процессы формируются на основе использования сильными внешними игроками в основном социокультурных факторов (распространение своего языка и культуры, образования, особенно среди политических и экономических элит).

В параграфе 2.3. «Перспективные направления евразийского социокультурного сотрудничества с участием России» на основании понимания сущности цивилизации, как определенного культурного ядра, поставлена задача формирования такого ядра – общего ценностного основания для интеграции евразийских народов. На основе критериальных компонентов цивилизации с позиции ее устойчивости (по Н.И. Лапину) – личности, типа культуры, типа социума, характер соотношения, соответствия между типом культуры и типом социума, предложены направления социокультурного сотрудничества:

- коэволюционного созидания личности (социокультурная интеграция на микроуровне), базирующаяся на признании общих ценностей, противостоящем узко потребительской идеологии, на сочетании равных прав с равной ответственностью);

- формирования типа культуры (макроуровень), специфика которых выражается в симбиозе социокультурной двойственности – сохранения культурного разнообразия, бережного отношения к национальной идентичности, согласованного с компонентами культуры общего евразийского пространства;

- формирования типа социума (мегауровень), определяющие совокупность общественных отношений, качество социальности, способствующие интеграции;

– обеспечения согласованности субъектов социального действия, определяющие соответствие между типом культуры и типом социума, новую социальность, обеспечивающую выживание, устойчивое существование и развитие цивилизационной общности.

Представлен общий свод показателей, на основании которых проводится анализ качественных характеристик управления интеграционными процессами в контексте построения будущего интегрированного пространства.

Обоснована необходимость применения механизмов межгосударственной социокультурной интеграции, позволяющих проводить согласованные действия на горизонтальном уровне министерствами и ведомствами стран-участниц с широким участием негосударственных акторов при условии их инициации надгосударственными исполнительными структурами управления и принятия политического решения каждой страной-участницей. Создание общей социально-информационной среды может выполняться по следующим, сформулированным автором, направлениям: *«Возобновление каналов исторической памяти»*, служащее для обновления долговременных параметров; *«Формирование элиты будущего»*, укрепляющее гуманитарное сотрудничество в целях сочетания национальных и общих культурных и духовных ценностей; *«Гибкая интеграция»*, согласующее процесс институциональной интеграции; *«Евразийский Гражданский Альянс»*, формирующее инфраструктуру, коммуникационную среду для согласования на микроуровне ценностных императивов и условий их реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании рассмотрены процессы международной межгосударственной интеграции, проблемы евразийских интеграционных образований с участием России и самих подходов к их изучению. Несмотря на объективные экономические потребности (расширения и дерегуляции страновых рынков сбыта, рабочей силы, капиталов), представляющие собой наиболее мощные, объективные, глубинные силы региональной интеграции и глобализации, исторический опыт свидетельствует, что успешные интеграционные образования осуществлялись между социокультурно-политически близкими акторами, причем конкретного – демократического характера: США (между штатами-республиками, освободившимися от колониальной зависимости монархических империй), Швейцарская Конфедерация (между кантонами-республиками), СССР (между советскими республиками), СЭВ (между социалистическими республиками), Европейский Союз (между республиками, включая номинальные исторические монархии). Между социально разнородными участниками международных отношений возможны только краткосрочные, тактические союзы (самый яркий пример – антигитлеровская коалиция). Можно также говорить о решающем значении для интеграции социокультурных факторов, в частности, на обратных примерах – СЭВ, прибалтийских республик, а теперь и Украины, когда самые тесные экономические связи и даже реальная, глубокая и широкая экономическая интеграция, разрушаются под действием политических решений, основанных на радикальных социокультурных, ценностных изменениях в социуме той или иной страны. Прежде всего, это касается политического класса, представители которого принимают соответствующие решения, но также необходима и поддержка таких решений широкими слоями граждан. При этом оказывается возможной активность элит и других социальных групп по поиску и формированию новых, объединяющих ценностей и их символов.

Рассматривая сотрудничество в межгосударственном интегрирующемся сообществе во имя человека на основе согласованных ценностей, автор подчеркивает приоритетность социокультурного сотрудничества над экономическим, так как без согласования ценностной основы трудно достигать эффективности и вообще объединения в каких-либо областях, включая экономическую.

В этой связи в исследовании рассмотрены целевые ориентиры евразийских интеграционных образований с участием России. Они находятся в области создания условий для формирования элементов общей культуры народов и государств на основе уважительного диалога, мира и безопасности, сохранения и развития их социокультурных ценностей и институтов, защиты от опасностей и рисков. В процессе анализа категории «социокультурная интеграция», подчеркнута важность процесса становления определенной меры самосознающей однородности, некой общей составляющей – новой идентичности, как основы для социальной сплоченности, совместной активности на основе общепризнанных ценностей, способности решать социально-культурные проблемы в интегрированной социокультурной среде.

В качестве принципов интегрирующегося сообщества предлагаются: принцип целесообразности и научной обоснованности создания новой объединенной структуры; принцип добровольности; принцип безопасности, равных прав и равной ответственности каждой страны-участницы и каждого ее гражданина; принцип согласованности их действий; принцип социального партнерства и обеспечения взаимной заинтересованности участников интегрированного объединения; принцип недопущения монопольного положения какой-либо структуры как в обществе; принцип демократии и поддержания активности негосударственных субъектов и институтов гражданского общества.

Исходя из этого, сделан вывод, что более результативному подходу к евразийским интеграционным процессам мешает неясность образа будущего интеграционного объединения, непрозрачность целей интеграции и принятой

устаревшей парадигмы «экономической интеграции». Результаты глубинного интервью показали, что парадигма экономической евразийской интеграции Евразийского союза слишком узка. Но граждане стран-участниц настроены на более широкое толкование сущностной составляющей интеграции²⁸¹. Они считают невозможным обойтись в интеграционных процессах без утверждения ценностной основы сотрудничества. Поэтому необходима деятельность общественности, институтов гражданского общества по созданию и применению ценностей, норм, идеалов культуры и других составляющих социокультурного сотрудничества, направленных на комфортное жизнеобеспечение человека в безбарьерной коммуникационной среде. Из этого следует вывод, что социокультурное сотрудничество поддерживаемое по крайней мере частью граждан, может представлять общественный запрос и активизировать гуманитарный диалог, не упрощая сложности и многообразия социальных отношений, а совершенствуя управление интеграционными процессами. В условиях неразвитости межгосударственных социальных институтов организационные действия по интеграции могут проводиться через министерства и ведомства каждой страны-участницы, что обеспечивает гарантии суверенности каждого участника. В то же время следует отметить одно из перспективных направлений исследования – построение управленческого инструмента «Индекс гуманитарной интеграции и социальной сплоченности» с позиции мега-, макро-, микроуровней с учетом отслеживания обоснованных показателей как в общем социокультурном пространстве, так и в каждой из интегрирующихся стран.

Кроме этого, на ближайший период исследованием определена новая задача – направить коллективные усилия на развитие межгосударственных институтов, формирование общей социокультурной среды и воспитание активно действующих акторов и интеллектуальных сообществ, которые будут работать над созданием коллективного сознания и демократических

²⁸¹ ЕИВИС-2017.

институтов. С этой целью сформирована группа показателей по оценке усилий участвующих субъектов, наднациональных структур евразийских интеграционных образований и организаций гражданского общества (Приложение 2).

Таким образом, для позитивного влияния социокультурных факторов на евразийские интеграционные процессы с участием России необходимы:

- выработка согласованного образа будущей интегрированной общности и общей ценностной основы, принципов, обеспечивающих целостность интегрируемой системы (целесообразности, добровольности, равенства прав и ответственности, партнерства, суверенности и безопасности);

- соблюдение правила «максимизации ценности» для заинтересованных сторон в межгосударственном сотрудничестве с участием граждан.

В условиях, когда страны, принявшие решения о евразийской интеграции находятся на разных этапах своей демократизации, но действуют в эпоху рефлексивного модерна (П. Бурдье, Э. Гидденс, У. Бек), мониторинг социокультурных факторов может стать ещё одним основанием институциональной социальной рефлексии, в дополнение к экономическим и политическим факторам.

Вместе с тем, разработанный инструментарий не в полной мере отражает потребности управленческой системы, поскольку не включал экспертов из числа государственных служащих, что требует дополнить его. Другие проблемы, требующие решения, – слабость межгосударственных институтов гражданского общества и недостаточная развитость инфраструктуры межкультурного диалога, затрудняющие согласование действий органов власти и институтов гражданского общества интегрирующихся стран. Их решение возможно сочетанием административных методов и реформирования таких институтов для совместной выработки образа общего будущего новой системы (целевых ориентиров, миссии, принимаемых всеми участниками ценностных основ).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина М.В. Социальная сплоченность: концептуализация понятия // Вестник СГТУ. 2012. № 4 (68). С. 216-221.
2. Алешина М.В., Печенкин В.В. Социальная сплоченность как элемент формирования новой социальной политики // Инновационная деятельность. 2013. № 4(27). С. 133-143.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
4. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. М.: Изд-во МГИДА, 2002. – 295 с.
5. Ахиезер А.С., Козлова Н.Н., Матвеева С.Я. Модернизация в России и конфликт ценностей. – М.: Институт философии РАН, 1994. – 250 с.
6. Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 1. С. 85-91.
7. Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в ЕС: теория и практика. Автореферат дис. ... кандидата политических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2010. – 23 с.
8. Балцевич В.А., Балцевич С.Я. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
9. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман / Пер. с англ. Под ред. Ю.С. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
10. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Сидельника: Общая ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

11. БЕЛТА. Лукашенко: глубокая интеграция с наиболее близкими соседями для Беларуси является естественным путем развития. 17 октября 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-glubokaja-integratsija-s-naibolee-blizkimi-sosedjami-dlja-belarusi-javljaetsja-estestvennym--102396-2011> (дата обращения: 07.10.2019).
12. Беляева Л.А., Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.
13. Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / Пер. с англ. О.А. Оберемко под ред. Г.С. Батыгина. М.: Аспект-Пресс, 1996. – 168 с.
14. Бердаков В.М. Евразийские ценности: мифы и реальность // Социокультурный аспект евразийской интеграции. Евразийский Гражданский Альянс: сборник научных статей / науч. ред. Л.А. Василенко. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 35.
15. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 22. – 555 с.
16. Большова Н.Н. Институциональные уровни и практики интеграции инокультурных сообществ (на примере ФРГ). Автореферат дис. ... кандидата политических наук. МГИМО(У) МИД РФ. М., 2009. – 25 с.
17. Борко Ю.А. Европейский союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // Современная Европа, 2015. № 3. С. 7-16.
18. Бугров Р.В. Актуальные проблемы европейской интеграции: учебное пособие / Р.В. Бугров. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. – 74 с.
19. Быков А.Н. Постсоветское пространство. Стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. Российская акад. наук, Ин-т экономики. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – 189 с.

20. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004. – 368 с.
21. Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2012. – 423 с.
22. Восточное партнерство. [Electronic resource] // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/30602/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE. (дата обращения: 04.11.2020).
23. Горяинов В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 60-67.
24. Громогласова Е.С. Наднациональный и сетевой принципы в Европейском союзе // Международные процессы. 2010. Том 8. № 2. С. 74-79.
25. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. М. АСТ, 2004. – 608 с.
26. Даминдарова Ф.В., Исмагилова Г.Ш. Этническая, надэтническая и гражданская идентичность в российском политологическом дискурсе // Власть. 2014. №4. С. 63-67.
27. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: АСТ, Вече, 1999. Т. 1. – 544 с.
28. Договор, учреждающий Европейское Сообщество (Рим, 25 марта 1957 г.) (консолидированный текст с учетом Ниццких изменений от 16 апреля 2003 г.) [Электронный ресурс] URL: https://eulaw.ru/treaties/teuratom_edit/ (дата обращения: 12.02.2021).
29. Дудинский И. В. Интеграция социалистическая экономическая. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 22. С. 55.

30. Евразийский монитор. [Электронный ресурс] URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia>

31. Естехина И.В. Методический инструментарий экономической оценки развития интегрированной структуры. Автореферат дис. .. кандидата экономических наук. Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург, 2015. 26 с.

32. Задорин И.В. Евразийского союза не будет без общей идентичности. 15 Июня 2016 г. [Электронный ресурс] URL: <https://eurasia.expert/zadorin-evraziyskiy-soyuz-identichnost/>. (дата обращения: 07.10.2020).

33. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. №2(89). С. 102-136.

34. Задорин И.В. «Некоторые характеристики нашего российского бытия мы не можем оценить без сравнения». 17 апреля 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://ia-centr.ru/han-tengri/opinions/igor-zadorin-nekotorye-kharakteristiki-nashego-rossiyskogo-bytiya-my-ne-mozhem-otsenit-bez-sravneniya/> (дата обращения: 08.08.2020).

35. Зайцев Д. В., Зайцева О. В. Социальная сплоченность: опыт социологической рефлексии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 4 (63). С. 103-106.

36. Зайцев Д.В., Дыльнова З.М., Селиванова Ю.В. Социальная сплоченность: ресурсы и проблемы достижения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 113-123.

37. Капицын В.М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. 2014. № 1. С. 8-32.

38. Козлова Т.З. Проблема солидарности в трех социологических традициях // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 116-119.

39. Конвенция об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне. [Электронный ресурс] URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/144>. (дата обращения: 04.10.2018).

40. Концепция внешней политики Российской Федерации. 30 ноября 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 08.12.16).
41. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С.66-78.
42. Кочетков В.В. Международные отношения в интерпретации теорий исторической социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. №25(3). С.49-70.
43. Кравченко С. А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами). М.: МГИМО-Университет, 2011. – 407 с.
44. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 512 с.
45. Кравченко С.А. Парадоксы «стрелы времени»: рождение не-еды // Вестник Института социологии. 2015. № 14. С.13-29.
46. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
47. Кучинов А.М. Современные теории structure-agency и русская социология // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 4. Ч.3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/04/9598> (дата обращения: 14.09.2020).
48. Лапин Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3-14.
49. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. №7. С. 3-12.

50. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 3-15.

51. Маслова Т.Ф. Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX–XXI веков (на примере ставропольского края). Автореферат дис. ... доктора социологических наук. Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2009. – 45 с.

52. Маслова Т.Ф. Социокультурная интеграция как социальный процесс // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2006. Т.68, вып.13. С. 275-279. С. 278.

53. Махмутов Р.Р., Н.В. Литвак. Становление белорусской идентичности в эпоху рефлексивного модерна // Современная Европа. 2020. № 3. С. 128-138.

54. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873 с.

55. Мещеряков К.Е., Трещенков Е.Ю. Евразийская интеграция и Россия. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2014. – 255 с.

56. Нургалиева Ж.К. Конструирование этнической и гражданской идентичности в национализирующем государстве на примере Республики Казахстан. Автореферат дис. .. кандидата социологических наук. СПбГУ, Санкт-Петербург, 2012. – 28 с.

57. Овчар Н.А. Социальное самочувствие как показатель социокультурной трансформации региона // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. Т. 23. № 9(172). С. 37-41.

58. Овчинникова Т.М. Трансформация этнической идентичности в условиях полиэтничной образовательной среды // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №3. С. 33-37.

59. Вопросы социальной теории: научный альманах. 2010. Т. IV. С. 91-92.
60. Пивовар Е. И., Гущин А. В., Левченков А. С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век - новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 2(36). С. 43-55.
61. План деятельности Россотрудничества на 2017 г. [Электронный ресурс] URL:<http://rs.gov.ru/ru/pages/385>. (дата обращения: 04.10.2020).
62. Поломошнов А.Ф., Поломошнов Л.А. Национальная и этническая идентичность в полиэтническом обществе // Kant: Social Sciences & Humanities. 2020. № 2(4). С. 49-56.
63. Попов М.Е. Надэтническая идентичность: опыт формирования гражданского общества и российская полиэтническая специфика / Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М.: Российская ассоциация политической науки. РОССПЭН, 2008. С. 82-93.
64. Потемкина О.Ю. Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе // Современная Европа. 2020. № 2. С. 100-110.
65. Протокол о сотрудничестве в области культуры государств-членов Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ на 2007-2010 годы. [Электронный ресурс] URL: <https://guam-organization.org/protokol-o-sotrudnichestve-v-oblasti-kultury-gosudarstv-chlenov-organizatsii-za-demokratiyu-i-ekonomicheskoe-razvitie-guam-na-2007-2010-gody/> (дата обращения: 12.01.2021).
66. Рамонова М.А. Стратегии многоуровневого управления международно-политической системой. Автореферат дис. ... кандидата политических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2012. – 25 с.
67. Распоряжение Правительства РФ от 9 октября 2014 г. N 2006-р «Об утверждении Плана мероприятий по активизации деятельности в сфере содействия международному развитию и гуманитарного сотрудничества на базе российских центров науки и культуры за рубежом на 2014- 2016 гг».

[Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/420225444> (дата обращения: 04.10.2020).

68. Решение Совета глав правительств СНГ «О Плате приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2017-2018 годы» от 28 октября 2016 года. [Электронный ресурс] URL: <https://e-cis.info/page/3651/81207/> (доступ 03.03.2018).

69. Роик В.Д. Труд, его эволюция и перспективы // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 97-108.

70. Саворская Е.В. Политические сети в многоуровневом управлении ЕС // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2012. № 4. С. 368-373.

71. Савченко И.А. Социокультурная интеграция и дезинтеграция современных многоэтнических сообществ. Автореферат дис. ... доктора социологических наук. Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. – 36 с.

72. Садыков Р.А. Социальная сплоченность: критика определений и возможности для новой концептуализации // Социологический ежегодник. 2016. С. 16-32.

73. Самуэльсон, П.А. Экономика: пер. с англ. / П.А. Самуэльсон, В.Д. Нордхаус. – М.: Вильямс, 2006. –1360 с.

74. Селезнев И.А. О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. №6. С. 164-176.

75. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки 1975. [Электронный ресурс] URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 12.12.2019).

76. Соколова Т.В. Евразийская интеграция: социальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2019. № III (XLIV). С. 27-42.

77. Сорокина И.О. Теоретические основы понятия «интеграция» и принципы ее осуществления // Менеджмент в России и за рубежом. 2008 № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2008/2/4931.html> (дата обращения: 04.10.2020).

78. Стратегия и план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с ненавистнической риторикой. [Electronic resource] // https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/advising-and-mobilizing/Action_plan_on_hate_speech_RU.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

79. Стратегия развития отраслевого сотрудничества ГУАМ. [Электронный ресурс] URL: <https://guam-organization.org/strategiya-razvitiya-otraslevogo-sotrudnichestva-guam/> (дата обращения: 12.01.2021).

80. Татарко А.Н. Культурно-психологические особенности социального капитала этнических групп России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 2. С. 67-80.

81. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Пер. с французского Е.А.Самарской. Ред. пер. М.Н. Грецкий. М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

82. Укрепление социальной сплоченности. Определение концептуальных рамок и основные выводы для разработки программ. Нью-Йорк: ПРООН, 2020. – 76 с.

83. Федотова Н.Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 52-62.

84. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. / Юрген Хабермас. Под ред. Д.В. Скляднева. - Санкт-Петербург: Наука, 2000. – 377 с.

85. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. 1993. № 2. С. 123-136.

86. Халевинская Е.Д. Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. – 199 с.

87. Хейфец Б.А., Либман А.М. Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 160 с.
88. Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. М.: Радикс, 1994. – 320 с.
89. Цыганков П.А. Социологические термины и подходы в анализе международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. №4. С. 28-37.
90. Чаевич А.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации. М.: Компания Спутник+, 2005. – 187 с.
91. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП "III тысячелетие", 2001. – 478 с.
92. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
93. Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 41-61.
94. A new strategy for Social Cohesion. Strasbourg: Council of Europe workshops, 2004. – 28 p.
95. Acharya A. Regionalism Beyond EU-Centrism / T.A. Börzel, T. Risse. The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 109-129.
96. Albert M., Buzan B., Zürn M. (Eds.). Bringing Sociology to International Relations: World Politics as Differentiation Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 292 p.
97. Alexandrescu M. David Mitrany: From Federalism to Functionalism // Transylvanian Review. 2007. Vol. XVI (1), pp. 20-33.

98. Aron R. Memoires: 50 ans de reflexion politique. P.: Julliard, 1983. – 778 p.
99. Aron R. Une sociologie des relations internationales // Revue française de sociologie. 1963.Vol. 4 (3), pp. 307-320.
100. Available budget 2014-2020. [Electronic resource] // https://ec.europa.eu/regional_policy/en/funding/available-budget/ (дата обращения: 08.02.2021).
101. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford: Stanford University Press, 1994. – 228 p. P. 175-177.
102. Bernard P. La cohésion sociale : critique dialectique d'un quasi-concept // Lien social et Politiques. 1999. Vol. (41), pp. 47-59.
103. Bongardt A., Torres F. Lisbon Strategy / The Oxford Handbook of the European Union. 2012. [Electronic resource] // <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199546282.001.0001/oxfordhb-9780199546282-e-33> (дата обращения: 02.05.2018).
104. Börzel T. A. European Governance: Negotiation and Competition in the Shadow of Hierarchy // Journal of Common Market Studies. 2010. Vol.48(2), pp.191-219.
105. Börzel T., Risse T. Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // Journal of European Public Policy. 2019. Vol.26 (8), pp. 1231-1252.
106. Börzel T.A., Risse T. (eds.). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. – 677 p.
107. Börzel T.A., Risse T. Identity Politics, Core State Powers and Regional Integration: Europe and beyond // Journal of Common Market Studies. 2020. Vol.58: pp.21-40.
108. Börzel, T.A. Comparative Regionalism: European Integration and Beyond / W. Carlsnaes, T. Risse, and B. A. Simmons (eds.). Handbook of International Relations. London: Sage, 2013.

109. Braun B., Schindler S., Wille T. Rethinking agency in International Relations: performativity, performances and actor-networks // Journal of International Relations and Development. 2019. Vol.22, pp.787-807.
110. Bulmer S., Joseph J. European integration in crisis? Of supranational integration, hegemonic projects and domestic politics // European Journal of International Relations. 2016, Vol. 22(4), pp. 725-748.
111. Burges S. Economic integration. [Electronic resource] // URL: <https://www.britannica.com/topic/economic-integration> (дата обращения: 04.10.2018).
112. Callis H.G. The Sociology of International Relations // American Sociological Review. 1947. Vol. 12 (3), pp. 323-334.
113. Çilkoparan H. International Political Sociology Contributions to International Relations. 2020. [Electronic resource] // <https://www.e-ir.info/2020/05/23/international-political-sociology-contributions-to-international-relations/> (дата обращения: 18.12.2020).
114. Code civil. [Electronic resource] // https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/2021-03-12/ (дата обращения: 23.10.2020).
115. Cohésion économique, sociale et territoriale. Parlement européen. Fiches thématiques sur l'Union européenne. [Electronic resource] // <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/fr/sheet/93/cohesion-economique-sociale-et-territoriale> (дата обращения: 06.02.2021).
116. Collins R. Three Sociological Traditions. N.Y.: Oxford University Press, 1985. – 272 p.
117. Community Security and Social Cohesion: Toward a UNDP Approach. 2009.
118. Concerted Development of Social Cohesion Indicators. Methodological Guide. Strasbourg: Council of Europe, 2005. – 233 p.

119. Conclusions de la Présidence. Conseil Européen, Lisbonne 23 et 24 mars 2000. [Electronic resource] // https://www.europarl.europa.eu/summits/lis1_fr.htm#1
120. Declaration of the Council of Europe's First Summit (Vienna, 9 October 1993). [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/1680536c83> (дата обращения: 06.02.2021).
121. Devin G. (dir.). Dix concepts sociologiques en relations internationales. P.: CNRS Éditions, 2015. – 220 p. Duroselle J.B. Toute empire périra. Une vision théorique des relations internationales. P.: Publications de la Sorbonne, 1981. – 357 p.
122. Dubet F. Le travail des sociétés. P.: Le Seuil, 2009. – 348 p.
123. Durkheim É. De la division du travail social. P.: Félix Alcan, 1893. – 471 p.
124. Ellis D. On the possibility of “international community” // International Studies Review. 2009. Vol.11(1), pp. 1-26.
125. ESPON. Indicators and Perspectives for Services of General Interest in Territorial Cohesion and Development. Final Report. Luxembourg: ESPON, 2013. – 58 p.
126. EUROPE 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. [Electronic resource] // <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%2007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).
127. European Neighbourhood Policy And Enlargement Negotiations. [Electronic resource] // https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/node_en. (дата обращения: 04.11.2020).
128. Farrugia N., Gallina A. Developing Indicators of Territorial Cohesion. Roskilde: Roskilde University, 2008. – 55 p.
129. Final declaration and Action Plan of the Second Summit of Heads of State and Government of the Council of Europe (Strasbourg, 10-11 October 1997).

[Electronic resource] // <https://rm.coe.int/168063dced> (дата обращения: 06.02.2021).

130. Forsé M., Parodi M. Une théorie de la cohésion sociale. The Tocqueville Review/La revue Tocqueville. 2009. Vol. 30 (2), pp.9-35.

131. Haas E.B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957. Stanford, CA: Stanford University Press, 1958. – 552 p.

132. Hall P.A., Taylor C.R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies, 1996. Vol.44, pp.936-957.

133. Hall S. Who Needs “Identity”? / Hall S., Gay P. du (eds). Questions of Cultural Identity. London: Sage Publications, 1996. – 208 p.

134. Hatred «a threat to everyone» declares Guterres calling for global effort to end xenophobia and «loathsome rhetoric». [Electronic resource] // <https://news.un.org/en/story/2019/04/1037531>. (дата обращения: 12.01.2020).

135. Helly D. Les limites de la notion de cohésion sociale. The Tocqueville Review / La Revue Tocqueville. 2002. Vol. 23 (1), pp. 73-101.

136. Hettne B., Inotai A., Sunkel O. Globalism and the New Regionalism. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999. – 270 p.

137. Hoffmann S. Reflections on the Nation-State in Western Europe Today // Journal of Common Market Studies. 1982. Vol.20 (1-2), pp. 21-37.

138. Hoffmann S. The European Sisyphus: Essays on Europe. NY: Routledge, 1995. – 326 p.

139. Hooghe L., Lenz T., Marks G. A Theory of International Organization. A Postfunctionalist Theory of Governance, Volume IV. Oxford: Oxford University Press, 2019.

140. Hooghe L., Marks G. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // British Journal of Political Science, 2009. Vol.39 (1), pp.1-23.

141. Hooghe L., Marks G. Grand theories of European integration in the twenty-first century // Journal of European Public Policy. 2019. Vol.26 (8), pp. 1113-1133.

142. Hooghe L., Marks G. Multi-Level Governance and European Integration. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2001. – 272 p.
143. Larousse Encyclopédie. [Electronic resource] // URL: <https://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/int%C3%A9gration/61861> (дата обращения: 04.11.2019).
144. Jenson J. Mapping social cohesion. The state of Canadian research. Discussion paper No. F3. Ottawa: Renouf Publishing, 1998. – 48 p.
145. Kolliker A. Flexibility and European Unification: The Logic of Differentiated Integration. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006. – 352 p.
146. Kratochwil F. Sociological Approaches to International Relations / Reus-Smit Ch., Snidal D. (eds). The Oxford handbook of international relations. Oxford/New York: Oxford University Press, 2008. Pp. 444-461.
147. Larousse Dictionnaire. [Electronic resource] // URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/int%C3%A9gration/43533/synonyme>
148. Lawson G., Shilliam R. Sociology and international relations: legacies and prospects // Cambridge review of international affairs. 2010. Vol.23(1), pp. 69-86.
149. Lindberg L.N., Schein-Gold S.A. Europe's Would-Be Polity: Patterns of Change in the European Community. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1970. – 314 p.
150. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York: Free Press, 1989. – 227 p.
151. Marks G., Hooghe L., Blank K. European Integration since the 1980s: State-Centric versus Multi-Level Governance // Journal of Common Market Studies, 1996. Vol.34, pp. 343-378.
152. Mayntz R. Governance im modernen Staat / A. Benz (ed.). Governance: Regieren in komplexen Regelsystemen. Eine Einführung. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. Pp.65-76.

153. Mitrany D. The prospect of integration: federal or functional // *Journal of Common Market Studies*. 1965. Vol. 4, pp. 119-149.
154. Monnet J. *Memoirs*. London: William Collins, 1978. – 544 p.
155. Moravcsik A. Negotiating the Single European Act: National Interests and Conventional Statecraft in the European Community // *International Organization*, 1991. Vol.45(1), pp. 19-56.
156. Moravcsik A. *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998. – 514 p.
157. *My Region, My Europe, Our Future*. Seventh report on economic, social and territorial cohesion. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017.
158. Nardo M., Saisana M., Saltelli A., Tarantola S. *Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide*. P.: OECD publications, 2008. – 158 p.
159. Neuvonen P.J. Transforming Membership? Citizenship, Identity and the Problem of Belonging in Regional Integration Organizations // *European Journal of International Law*. 2019. Vol.30(1), pp. 229-255.
160. Oxford Living Dictionaries. [Электронный ресурс] URL: <https://www.lexico.com/definition/cohesion> (дата обращения: 14.02.2019).
161. Panizzon M., Van Riemsdijk M. Introduction to Special Issue “Migration Governance in an Era of Large Movements: A Multi-Level Approach” // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol.45 (8), pp. 1225–1241.
162. *Pathways to Peace: Inclusive Approaches to Preventing Conflict*. Washington, D.C.: World Bank, 2018. Pp. 11-47. [Electronic resource] // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/28337>. (дата обращения: 12.01.2020).
163. Pierson P. The Path to European Integration. A Historical Institutional Analysis // *Comparative Political Studies*. 1996. Vol.29, pp. 123-163.
164. Pula B., Stivachtis Y. *Historical Sociology and International Relations: Interdisciplinary Approaches to Large-Scale Historical Change and Global Order* /

Renée Marlin-Bennett (ed.). The International Studies Compendium. London: Oxford University Press, 2018. [Electronic resource] // <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.01.0001/acrefore-9780190846626-e-211> (дата обращения: 06.11.2020).

165. Rawls J. *Théorie de la justice*. P.: Le Seuil, 1987. – 667 p.
166. Rhinard M. The Crisisification of Policy-Making in the European Union // *Journal of Common Market Studies*. 2019. Vol.57 (3), pp. 616-633.
167. Sandholtz W., Stone Sweet A. (eds.). *European Integration and Supranational Governance*. Oxford: Oxford University Press, 1998. – 389 p.
168. Saurugger S. Une sociologie de l'intégration européenne? // *Politique européenne*. 2008. Vol.25 (2), pp. 5-22.
169. Scharpf F.W. *Governing Europe: Effective and Legitimate?* Oxford: Oxford University Press, 1999. – 243 p.
170. Schimmelfennig F. Goffman meets IR: dramaturgical action in international community // *International Review of Sociology*. 2002. Vol.12(3), pp.417-437.
171. Schimmelfennig F. European integration (theory) in times of crisis. A comparison of the euro and Schengen crises // *Journal of European Public Policy*. 2018, Vol. 25(7), pp. 969-989.
172. *Second ESPON 2013 Scientific Report*. Luxembourg: ESPON, 2014.
173. Shaw T.M., Grant J.A., Cornelissen S. (eds.). *The Ashgate Research Companion to Regionalisms*. Aldershot: Ashgate, 2012. – 404 p. Scharpf F.W. *Governing Europe: Effective and Legitimate?* Oxford: Oxford University Press, 1999. – 256 p.
174. Söderbaum F. Formal and Informal Regionalism / Shaw T.M., Grant J.A., Cornelissen S. (eds.). *The Ashgate Research Companion to Regionalisms*. Aldershot: Ashgate, 2012. Pp.51-67.
175. Solingen E. *Regional Order at Century's Dawn: Global and Domestic Influences and Grand Strategy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. – 352 p.

176. Stratégie de cohésion sociale. CM(2000)92 Addendum 23 juin 2000. [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/16804e27d6> (дата обращения: 06.02.2021).
177. Stubb A. Negotiating Flexibility in the European Union. London: Palgrave Macmillan, 2002. – 212 p.
178. Sumner W.G., Keller A.G. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. Boston: Ginn & Company, 1906. – 692 p.
179. Taylor P. The European Community and the State: Assumptions, Theories and Propositions // Review of International Studies. 1991. Vol.17(1), pp. 109-125.
180. The Lisbon Strategy 2000-2010. An analysis and evaluation of methods used and results achieved. Brussels: European Parliament, 2010. P.62.
181. The Social Cohesion and Reconciliation (SCORE) Index. [Electronic resource] // www.scoreforpeace.org.
182. Towards an active, fair and socially cohesive Europe. Report of high-level task force on social cohesion. Strasbourg, 28 January 2008. [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/report-towards-an-active-fair-and-socially-cohesive-europe-janv-2008-t/1680939181> (дата обращения: 12.01.2018).
183. Traité sur le fonctionnement de l'Union européenne (version consolidée). 26.10.2012. [Electronic resource] // Journal officiel de l'Union européenne C. Pp. 326-390. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT> (дата обращения: 12.02.2021).
184. United Nations, Department of Public Information, Secretary-General Launches United Nations Strategy and Plan of Action against Hate Speech, Designating Special Adviser on Genocide Prevention as Focal Point, PI/2264-SOC/4881. 18.06.2019. [Electronic resource] // <https://www.un.org/press/en/2019/pi2264.doc.htm> (дата обращения: 18.01.2021).

185. Warsaw Declaration of the Third Summit of Heads of State and Government of the Council of Europe (Warsaw, 16-17 May 2005). [Electronic resource] // <https://rm.coe.int/090000016804e45a4> (дата обращения: 06.02.2021).

186. Wendt A. The agent-structure problem in international relations theory // International Organization. 1987. Vol. 41(3), pp. 335-370.

Приложение 1.

Инструментарий проведения заочной экспертной сессии

№	Показатели	Источник	Важность показателя					Надежность измерения показателя				
12	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере образования и науки?(открытый вопрос)											
КУЛЬТУРА (ВЫСОКАЯ)												
13	Объемы иностранной аудио-продукции на национальном рынке	Статистические данные	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
14	Количество гастролей иностранных артистов	Экспертная оценка/ Данные профильных ведомств	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
15	Предпочтительные страны, откуда могут приехать артисты, музыканты	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
16	Объем переведенных иностранных книг	Статистические данные	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
17	Количество иностранных выставок (фотографии, картины, скульптуры и т.п.)	Данные профильных ведомств	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
18	Количество иностранных спектаклей, театральных постановок	Данные профильных ведомств	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
19	Доля регионального бюджета на международное сотрудничество в культурной деятельности	Данные профильных ведомств	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
20	Качество продукта иностранных театральных постановок	Экспертная оценка	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
21	Количество археологических раскопок	Данные профильных институтов и ведомств	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
22	Кассовые сборы фильмов	Статистические данные	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐

№	Показатели	Источник	Важность показателя					Надежность измерения показателя				
23	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере высокой культуры?(открытый вопрос)											
ТУРИЗМ												
24	Общая развитость курортной сети	Экспертная оценка	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
25	Наличие развитой транспортной системы между государствами	Экспертная оценка	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
26	Количество ежегодно въезжающих туристов	Статистические данные	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
27	Предпочтительные страны для туризма	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
28	Отношение населения к иностранному туризму/иностраным туристам	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
29	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере туризма?(открытый вопрос)											
МИГРАЦИЯ												
30	Наличие развитой инфраструктуры для легальных мигрантов в принимающей стране (языковые курсы, работа и т.п.)	Экспертная оценка	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
31	Легкость в адаптации мигранта в принимающей стране	Экспертная оценка	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
32	Соотношение количества проживающих на пограничных территориях с трафиком миграционного потока в пограничные страны	Статистические данные	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
33	Наиболее/наименее предпочтительные страны для эмиграции	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
34	Наиболее/наименее предпочтительные страны как источник иммигрантов	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐

№	Показатели	Источник	Важность показателя					Надежность измерения показателя				
35	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере миграции?(открытый вопрос)											
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ												
36	Отсутствие/наличие межнациональных конфликтов в стране	Экспертная оценка/Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
37	Развитость национальных диаспор	Экспертная оценка/Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
38	Предпочтительные страны для получения/принятия военно-политической помощи	Экспертная оценка/Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
39	Страны, в которых приходилось бывать за последний год	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
40	Наличие родственников/коллег в тех или иных странах	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
41	Предпочтительные товары тех или иных стран	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
42	Предпочтительные страны для проживания	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
43	Предпочтительные страны для работы	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
44	"Друзья" и "враги" в общественном мнении	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
45	Доверие к жителям других стран	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
46	О каких странах хотели бы больше узнать люди	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
47	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере общественного мнения?(открытый вопрос)											
СПОРТ												
48	Знание местными жителями иностранных спортсменов	Массовый опрос	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5

№	Показатели	Источник	Важность показателя					Надежность измерения показателя				
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
49	Наличие развитой спортивной инфраструктуры для проведения международных соревнований	Экспертная оценка	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
50	Количество иностранных спортсменов - всего, в сравнении с национальными	Данные профильных ведомств	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
51	Количество завоеванных олимпийских медалей	Данные профильных ведомств	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
52	Количество проводимых ежегодно в стране международных соревнований	Данные профильных ведомств	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
53	Наличие международных спортивных организаций	Данные профильных ведомств	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
54	Количество межнациональных спортивных лиг	Данные профильных ведомств	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
55	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере спорта?(открытый вопрос)											
СЕМЬЯ И БРАК												
56	Количество межнациональных браков	Экспертная оценка/данные профильных ведомств	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
57	Правовые особенности заключения межнациональных браков (насколько это сложно/легко)	Нормативно-правовые документы	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
58	Симпатия/антипатия к бракам представителей определенных стран со стороны населения	Массовый опрос	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
59	Готовность родить ребенка от иностранца, рейтинг симпатий/антипатий к представителям определенных государств	Массовый опрос	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
60	Количество иностранных усыновленных детей	Данные профильных ведомств	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
61	Количество детей, рожденных от иностранцев	Данные профильных ведомств	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐

№	Показатели	Источник	Важность показателя					Надежность измерения показателя				
62	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере семьи и брака?(открытый вопрос)											
ЯЗЫК												
63	Язык общения (родной, второй)	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
64	Язык, на котором ведется преподавание (родной, второй)	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
65	Владение иностранными языками	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
66	Наиболее/наименее привлекательные иностранные языки, которыми бы хотели овладеть люди	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
67	Наличие/отсутствие дискриминации какого-то языка	Экспертная оценка/Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
68	Доля русскоговорящих/читающих/обучающихся на русском языке	Массовый опрос	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
69	Правовой статус русского языка в данной стране	Нормативно-правовые документы	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
70	Количество преподавателей русского языка	Данные профильных ведомств	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
71	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере языка?(открытый вопрос)											
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ, СМИ												
72	Качественный анализ информационного контента	Контент-анализ	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
73	Доля людей, которые смотрят/посещают русскоязычные информационные ресурсы	Статистические данные	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐	1 ☐	2 ☐	3 ☐	4 ☐	5 ☐
74	Доля русскоязычных запросов от общего числа запросов	Статистические данные	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5

№	Показатели	Источник	Важность показателя					Надежность измерения показателя				
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
75	Наиболее популярные иностранные информационные ресурсы	Статистические данные	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
76	Процент позитивных упоминаний относительно негативных в информационном пространстве страны X по отношению к стране Y	Статистические данные	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
77	Оценка информационных материалов в СМИ по вопросам интеграции	Экспертная оценка	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
78	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере информационного поля, СМИ?(открытый вопрос)											
РЕЛИГИЯ												
79	Наличие/отсутствие конфликтов на религиозной почве	Экспертная оценка/Данные ответственных ведомств	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
80	Отношение населения к иным конфессиям	Массовый опрос	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
81	Наличие/отсутствие религиозного взаимодействия с другими странами	Экспертная оценка	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
82	Количество людей, признающих ту или иную церковь	Массовый опрос	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
83	Наличие/отсутствие религиозной дискриминации	Экспертная оценка	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
			☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
84	По Вашему профессиональному мнению, какие еще можно выделить показатели межгосударственного гуманитарного сотрудничества в сфере религии?(открытый вопрос)											

Приложение 2.

Показатели исследования социальной сплоченности евразийских интеграционных образований с участием России.							
№ в рейт инге	Показатели	Возможный источник данных	Средний балл важность/ измеримос ть	Группы показателей повышения сплоченности сотрудничества			
				Лично сть	Куль тура	Сплоче нный социум	Креативн ая сплоченност ь
Блок «Содержание социальных взаимодействий в модернизационных процессах»							
Аспект «ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА»							
1. Международные проекты и исследования							
2	Количество международных проектов и исследований, совместных с другими странами региона	Данные ВУЗов, профильных организаций и ведомств	4,5/4,18				да
18	Число совместных публикаций с авторами из других стран-участниц мониторинга	Базы данных научных публикаций (РИНЦ, elibrary...)	4,1/4,22				да
0	Число (или объем в рублях) грантов, выданных грантополучателям из других стран-участниц	Данные профильных организаций и ведомств					да

	Активность и число создания совместных научных проектных объединений	Дополнено					да
	Проведение совместных научных экспедиций	Дополнено					да
2. Обмен преподавателями и студентами, повышение квалификации							
17	Число иностранных студентов/преподавателей (из стран региона), приезжающих в страну	Данные ВУЗов, профильных организаций и ведомств	4,22/4,27			да	
19	Наличие и доступность (отсутствие административных барьеров) программ стажировок и учебы по обмену для граждан стран региона	Экспертная оценка/ Данные ВУЗов профильных организаций и ведомств	4,21/3,6			да	
0	Доля населения, положительно относящаяся к обучению в странах региона	Массовый опрос (ИБ ЕАБР) ¹	4,0/3,9	да			

¹ Здесь и далее аббревиатура «ИБ ЕАБР» означает данные «Интеграционного барометра ЕАБР» (проект Евразийского банка развития и МИА «Евразийского мониторинга», 2012-2017).

0	Доля населения, положительно относящаяся к иностранным студентам из стран региона	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	3,8/3,8	да			
0	Число иностранных студентов (из стран-участниц), остающихся в стране после получения образования	Данные ВУЗов, профильных организаций и ведомств	3,6/3,7	да			
	Количество общих унифицированных образовательных программ»	Дополнено				да	
	Совместные стипендиальные программы	Дополнено					да
	Академическая мобильность студентов и преподавательского состава	Дополнено					да
	Подготовка совместных учебников или отдельных глав в учебниках	Дополнено					да
3. Международные конференции							
0	Число проводимых в год международных конференций с участием представителей стран региона	Данные ВУЗов, научных организаций и профильных ведомств	4,2/4,16				да

0	Число ученых и специалистов страны, участвующих с выездом за рубеж в международных конференциях за рубежом в странах региона	Данные ВУЗов, научных организаций и профильных ведомств	3,8/3,7				да
0	Число участников международных конференций из других стран региона	Данные ВУЗов, научных организаций и профильных ведомств	3,7/3,9				да
4. Научные степени							
0	Число иностранных научных журналов стран-участниц, входящих в списки ВАК	Данные ВАК стран-участниц	3,7/4,25				да
0	Число ученых, работы которых цитируются в публикациях ученых стран-участниц	Базы данных научных публикаций (РИНЦ, eLibrary)	3,7/3,9				да
0	Число ежегодно защищаемых диссертаций в других странах региона (странах-участницах мониторинга)	Данные ВУЗов, профильных организаций и ведомств	3,3/4,24				да
5. Обучение государственных служащих							

0	Количество государственных служащих, проходящих повышение квалификации / переподготовку в других странах региона	Данные ВУЗов профильных организаций и ведомств	3,6/4,0	да			
Блок «Активность демократических институтов гражданского общества»							
Аспект «МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ (ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ)»							
1. Политическое притяжение							
2	Доля граждан, отмечающих другие страны региона как дружественные /недружественные	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,55/4,11			да	
0	Доля граждан, отмечающих другие страны в качестве предпочтительных для военно-политического сотрудничества	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,1/4,0				да
2. Межнациональные конфликты							
5	Отсутствие/наличие межнациональных конфликтов в стране	Экспертная оценка / Массовые опросы	4,44/3,9			да	
3. Оценка населением других стран							
6	Доля граждан, с симпатией/доверием относящимся к жителям других стран региона	Массовые опросы	4,40/3,9	да			

4. Социокультурное притяжение							
0	Доля граждан, декларирующих свой познавательный интерес к странам региона (желающих больше узнать о природе, истории, культуре)	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,1/3,9			да	
0	Доля граждан, имеющих родственников/ коллег в странах региона (странах-участницах мониторинга)	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,0/3,8	да			
0	Доля граждан, декларирующих свой интерес к бытовой культуре стран региона (кухня, одежда, обычаи и т.п.)	Массовый опрос	3,9/3,9			да	
	Совпадение / расхождение трактовок исторических событий	Дополнительно				да	
	Доля граждан, знающих историю другой страны	Дополнительно				да	
	Культурное и национальное наследие	Дополнительно					
5. Экономическое притяжение							
0	Доля граждан, предпочитающих товары стран региона	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	3,6/3,8				
	Обмен товарами	Дополнительно		да			
Блок «Интенсивность социальных обменов»							
Аспект «ЯЗЫК»							

1. Общая характеристика распространения и использования языков							
1	Наличие/отсутствие дискриминации какого-то языка	Массовый опрос	4,56/3,7			да	
8	Доля населения, владеющих иностранными языками (языками стран региона)	Массовый опрос	4,31/3,9	да			
0	Доля граждан, желающих овладеть иностранными языками, являющимися государственными для других стран региона	Массовый опрос	4,0/3,8				
	Правоприменительная практика в законодательстве о языках и защите национальных меньшинств	Дополнительно				да	
	Язык общения в семье	Дополнительно				да	
2. Общение							
7	Доля населения, использующего (способного использовать) язык межнационального общения (второй государственный, официальный и т.п.) дома, в кругу семьи	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,36/3,9		да		
3. Популярность русского языка в стране							

12	Доля граждан, свободно читающих и говорящих на русском языке	Массовый опрос	4,25/3,9			да	
0	Правовой статус русского языка в данной стране	Нормативно-правовые документы	4,2/4,31			да	
0	Количество преподавателей русского языка в школах и вузах	Данные профильных организаций и ведомств	3,9/4,05			да	
	Острота языковой темы в политическом дискурсе и СМИ	Дополнительно					да
	Процент теле-и радио-вещания на языке межнационального общения русским	Дополнительно					да
4. Преподавание языков							
0	Доля школ, ведущих преподавание в школе на языке одной из стран региона, не являющимся языком титульной нации	Массовый опрос	4,1/3,9			да	
	Количество и статус языковых школ, курсов, тренингов для взрослого населения; их востребованность	Дополнительно				да	
	Наличие образовательных стипендий и грантов по обучению языку	Дополнительно				да	
Аспект «ТУРИЗМ»							

1. Международный туризм							
4	Наличие прямого авиасообщения со столицами стран региона	Данные профильных организаций и ведомств	4,45/4,75			да	
10	Число ежегодно въезжающих туристов	Статистические данные профильных организаций и ведомств	4,29/4,22	да			
0	Общая развитость туристической сферы в стране	Экспертная оценка	4,0/3,3			да	
0	Доля граждан, предпочитающих страны региона для туризма	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,2/4,0			да	
0	Стоимость средней турпоездки (авиабилет) и пребывания в стране (гостиница) на 1 чел/сутки	Данные туристических ассоциаций или экспертная оценка	4,1/3,9	да			
0	Доля граждан, позитивно/негативно относящихся из стран региона	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,1/4,0			да	
Аспект «СЕМЬЯ И БРАК»							
1. Межнациональные браки							

22	Симпатия/антипатия к бракам представителей определенных стран со стороны населения	Массовый опрос	4,1/3,9		да		
0	Правовые особенности (барьеры, ограничения, послабления и т.п.) заключения межнациональных браков	Экспертная оценка /Нормативно-правовые документы	4,0/3,7			да	
0	Количество межнациональных браков / доля в общем числе браков за год	Экспертная оценка/данные профильных ведомств	3,8/3,5		да		
0	Количество разводов межнациональных браков / доля в общем числе разводов за год	Экспертная оценка/данные профильных ведомств	3,5/3,5		да		
	Готовность вступления в брак с гражданами отдельных государств	Дополнительно		да			
	Количество незарегистрированных (гражданских) межнациональных браков»	Дополнительно			да		
2. Рождение детей							
0	Количество детей, рожденных от иностранцев – граждан стран региона / в	Данные профильных	3,5/3,5		да		

	браке с иностранцами - гражданами стран региона	организаций и ведомств					
0	Количество иностранных усыновленных детей	Данные профильных организаций и ведомств	3,1/3,8		да		
	Законодательство в области регистрации детей, алиментных обязательств	Дополнительно				да	
Аспект «СПОРТ»							
1. Международные соревнования							
21	Число проводимых в стране международных спортивных соревнований интеграционного формата (например, за кубок ЕАЭС или СНГ) (в год)	Данные профильных организаций и ведомств	4,1/4,49				да
0	Наличие развитой спортивной инфраструктуры для проведения международных соревнований по популярным видам спорта	Экспертная оценка	3,3/3,7			да	
0	Число проводимых в стране спартакиад (фестивалей), включающих соревнования	Данные профильных	3,7/4,29				да

	по национальным видам спорта стран региона	организаций и ведомств					
	Перемещения болельщиков со своими командами в другие страны	Дополнительно					да
2. Иностранный спорт, спортсмены							
0	Доля граждан, знающих спортсменов из стран региона	Массовый опрос	3,4/3,6	да			
	Популярность национальных видов спорта	Дополнительно				да	
3. Спортивное участие							
0	Количество спортсменов, участвующих в международных соревнованиях за рубежом	Данные профильных организаций и ведомств	3,3/4,0	да			
	Расходы на спортивные мероприятия	Дополнительно				да	
4. Спортивные организации							
0	Участие в международных спортивных ассоциациях, наличие отделений таких ассоциаций	Данные профильных организаций и ведомств	3,3/3,96				да
	Обмен тренерами, общая тренерская база	Дополнительно					да

	Мобильность спортсменов между командами стран региона	Дополнительно					да
	Участие спортсменов стран региона в национальных сборных/клубах других стран региона	Дополнительно	да				
Блок «Безопасность информационного пространства»							
Аспект «ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ, СМИ»							
1 Медиainдекс страны X в стране Y. Тональность публикаций							
11	Тональность информационных материалов в СМИ по вопросам интеграции стран региона	Экспертная оценка	4,29/3,5			да	
0	Доля позитивных/негативных упоминаний страны X в СМИ страны Y	Статистические данные по выборке СМИ и публикаций	4,18/3,9			да	
2. Интернет-коммуникация							
13	Наличие/отсутствие ограничений на доступ к иностранным (стран региона) интернет-ресурсам	Нормативно-правовые документы	4,25/4,13				да
0	Доля русскоязычных поисковых запросов в интернете от общего числа таких запросов	Статистические данные интернет-компаний	3,9/3,9				да

	Доступность телевидения и интернет-общения	Дополнительно					да
3. Общая характеристика информационного поля							
15	Доля граждан, использующих/доверяющих иностранным информационным ресурсам стран региона	Массовый опрос	4,22/3,8			да	
0	Число иностранных (стран региона) телевизионных каналов, принимаемых в обычном формате (эфир)	Статистические данные	4,18/4,31			да	
0	Число специальных передач на центральном телевидении, посвященных странам региона	Контент-анализ медиапотока	4,1/4,2				да
	Совместные СМИ	Дополнительно					да
	Объем вещания на русском языке	Дополнительно				да	
	Наличие совместных проектов по освещению культурно или политически значимых событий	Дополнительно					да
	Количество журналистов страны X, работающих в стране Y. Количество их командировок (или работа на постоянной основе)	Дополнительно					да
Блок «Механизмы согласования микродинамических процессов (миграция)»							

Аспект «МИГРАЦИЯ»							
1. Иммигранты и иммиграция							
9	Доля населения страны, позитивно, относящихся к иммигрантам из стран региона	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,31/3,8	да			
0	Легкость социальной адаптации мигранта в стране (отсутствие ксенофобии, культурных и религиозных барьеров и т.п.)	Экспертная оценка	4,31/3,1			да	
0	Наличие развитой инфраструктуры для легальных мигрантов (языковые курсы, рабочие места, спец. кадровые агентства, организации диаспоры и т.п.)	Экспертная оценка	4,1/3,4				да
2. Эмигранты и эмиграция							
16	Доля граждан, предпочитающих страны региона для работы	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,22/3,9	да			
0	Доля граждан, предпочитающих страны региона для эмиграции (переезда на постоянное место жительства)	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	4,1/3,8	да			
3. Объем иммиграции/эмиграции и организационные аспекты							
0	Число граждан, выезжающих в страны региона в год	Статистические данные	4,16/3,7			да	

0	Число граждан из стран региона, въезжающих в страну в год	Статистические данные	4,1/3,8			да	
	Причины миграции	Дополнительно				да	
	Объем денежных переводов от мигрантов	Дополнительно				да	
	Простота оформления документов для легальной работы	Дополнительно				да	
	Условия легализации мигранта	Дополнительно				да	
	Проведение конференций и круглых столов по проблемам миграции	Дополнительно					да
Блок «Ценностные основания сплоченности»							
Аспект «РЕЛИГИЯ»							
1. Религиозные конфликты							
14	Доля граждан, положительно (или нейтрально) относящихся к иным конфессиям	Массовый опрос	4,24/3,8	да			
0	Наличие/отсутствие конфликтов на религиозной почве	Экспертная оценка/Данные профильных организаций и ведомств	4,38/3,6		да		

0	Наличие/отсутствие религиозной дискриминации	Экспертная оценка /Нормативно-правовые документы	4,24/3,4			да	
	Наличие религиозной терпимости	Дополнительно		да			
2. Религиозное взаимодействие							
0	Число религиозных конфессий, распространенных в стране (признанных, имеющих храмы)	Экспертная оценка /Нормативно-правовые документы	3,8/4,05		да		
0	Наличие/отсутствие религиозного взаимодействия с другими странами региона (межконфессиональные коммуникации)	Экспертная оценка	3,8/3,4			да	
	Государственная поддержка конфессий и религиозных инициатив в различных областях социальной жизни: конкретные мероприятия, их характер и частота	Дополнительно				да	
	Общественная поддержка / одобрение конфессий и религиозных инициатив вне вовлеченности в них	Дополнительно					да
	Степень участия религиозных организаций в гражданской активности	Дополнительно					да
Аспект «КУЛЬТУРА (МАССОВАЯ)»							

1. События культуры и организационно-управленческая деятельность							
20	Количество выставок (фотографии, картины, скульптуры, произведения народных промыслов и т.п.) из стран региона за определенный период	Данные профильных организаций и ведомств	3,9/4,07			да	
0	Количество спектаклей, театральных постановок из стран региона, включенных в репертуар национальных театров	Данные профильных организаций и ведомств	3,8/4,05		да		
0	Наличие и количество дней (недель) культуры других стран в странах-участницах	Данные профильных ведомств стран-участниц	3,5/4,2		да		
0	Число праздников (официальных и ведомственных), общих с праздниками в других странах региона	Данные профильных институтов и ведомств	3,3/4,31		да		
	Наличие узкоспециализированных фестивалей и конкурсов (театральных, изобразительных, литературных и др.	Дополнительно			да		

	Создание и поддержка культурных центров	Дополнительно			да		
	Обмен специалистами в области культуры	Дополнительно					да
	Создание новых брендов, линий одежды	Дополнительно					да
	Совместные программы подготовки талантливой молодежи	Дополнительно					да
2. Литература							
0	Число переведенных иностранных книг (из стран региона) / доля в общем числе выпущенных книг	Статистические данные профильных ведомств	3,9/3,8		да		
0	Доля граждан, знающих писателей и поэтов из других стран региона	Массовый опрос	3,8/3,6	да			
3. Кинематограф							
0	Число художественных кинофильмов стран региона, включенных в прокат (лицензированных для показа)	Данные профильных организаций и ведомств	3,8/4,09			да	
	Создание совместных кинематографических работ	Дополнительно					да
4. Продвижение культурного наследия							

0	Доля национального бюджета, передаваемого на международное сотрудничество в культурной деятельности	Данные профильных организаций и ведомств	3,8/3,9			да	
0	Доля национального бюджета, передаваемого на поддержку НКО стран региона	Данные профильных организаций и ведомств	3,6/3,8				да
5. Музыка, эстрада							
0	Количество гастролей артистов из стран региона	Экспертная оценка/ Данные профильных организаций и ведомств	3,5/3,7		да		
0	Доля населения, поддерживающих приезд артистов, музыкантов и т.п. из других стран региона	Массовый опрос (ИБ ЕАБР)	3,4/3,4	да			
0	Объемы аудио-продукции стран региона на национальном рынке	Статистические данные	3,3/3,0		да		
	ИТОГ: показатели, выбранные экспертами	22/116		6/11	1/16	11/46	4/39